

Введение

Сегодня уже очевидно, что за последние годы во всех посткоммунистических странах резко усилилось политическое воздействие на историю и использование различных трактовок и оценок прошлого в политических целях. Россия и Украина не являются в этом плане исключениями. Более того, многие исторические сюжеты, которые становятся в этих странах предметом чрезмерной политизации, касаются нашего общего прошлого. И в России, и в Украине есть немало политиков, историков, журналистов, которые используют эти темы как повод для перебранки, взаимных обвинений, формирования образа врага. Главной жертвой становятся история и историография, потому что они подвергаются манипуляции и, что очень важно, примитивизации. Что можно этому противопоставить? Можно ли вывести обсуждение тех или иных проблем прошлого (в том числе совместного прошлого) за рамки политико-идеологического дискурса и вернуть его в рамки дискурса академического? Эта книга представляет плод общих усилий двух авторов найти ответ на данный вопрос. Авторы книги – Георгий Касьянов, украинский историк, доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной Академии наук Украины, профессор Национального университета «Киево-Могилянская Академия», и Алексей Миллер, российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор РГГУ и Центрально-Европейского университета в Будапеште.

Данная книга довольно необычна и по форме, и по обстоятельствам ее возникновения. В нее включены тексты, созданные в трех различных жанрах. Открывают ее две статьи. В первой А. Миллер анализирует феномен исторической политики как таковой и его российскую специфику. Во второй статье Г. Касьянов рассматривает процесс национализации истории в Украине¹.

Следом идут стенограммы трех публичных лекций, прочитанных в московском кафе «Билингва» в рамках серии публичных лекций веб-портала Полит.ру. Первая лекция А. Миллера посвящена исторической политике в Польше, Украине и России. Вторая, прочитанная через полтора года после первой, рассматривает, что изменилось в политизации истории в России за это время. Лекция Г. Касьянова посвящена национализации истории в Украине. В стенограммах лекций нетрудно заметить переключку с нашими статьями, но мы считаем полезной их публикацию в этой книге потому, что лекции и особенно дискуссии после лекций содержат много рассуждений, не вошедших в статьи.

Эти статьи и лекции помогают читателю «сориентироваться на местности» и перейти к самой важной части книги, каковой являются диалоги, идея которых возникла как раз после одной из публичных лекций. Мы часто говорим о необходимости диалога ученых из России и Украины по проблемам истории. В последнее время этот диалог стал более интенсивным. Есть целый ряд организационных форм и неформальных встреч, в ходе которых происходит обмен мнениями, а иногда и поиск взаимоприемлемых оценок. Мы считаем, что семинары, конференции, встречи рабочих групп российских и украинских историков, происходившие в последние несколько лет, с одной стороны, стали подтверждением необходимости и продуктивности постоянного обмена мнениями, а с другой — продемонстрировали некоторую ограниченность таких публичных дискуссий: слишком часто в них присутствует, а нередко и доминирует печальная необходимость «отстаивать принципы», когда профессиональный историк говорит и действует скорее как «исполнитель», нежели как «действующее лицо». В ситуации, когда дискуссия является предметом непосредственного внимания аудитории, представляющей непреодолимое разнообразие интересов, историку часто приходится не говорить, а вещать, играть роль рупора, соответствовать неким формальным требованиям и обязательствам.

Мы попытались придать этому обмену мнениями, этому диалогу как можно более неформальную и естественную форму. Это действительно записи реальных бесед, которые мы вели в Будапеште в январе–марте 2009 г., где один из нас был на стажировке, а другой читал лекции. Содержание бесед и базовый набор тем для каждого диалога оговаривался заранее, однако собеседники не готовились к ним специально, все тезисы, реакции, комментарии, рефлексии были спонтанными, текст записей подвергался

только самой необходимой литературной редакции, любые последующие дополнения были минимальными, а изъятия касались повторов. Некоторые диалоги записывались в два приема – в тех случаях, когда они получались слишком длинными.

Книга отчасти сделана «на живую нитку» – мы это вполне осознаем и не считаем недостатком. Во-первых, потому что она передает особенность непривычного жанра и сохраняет естественность и непосредственность диалога, что делает и процесс чтения этой книги не менее живым и увлекательным. Мы рассчитываем на то, что круг читателей отнюдь не ограничится специалистами.

Во-вторых, «дорога ложка к обеду»: мы очень хотим, чтобы книжка добралась до читателя поскорее, потому что политические манипуляции в сфере истории вообще и в сфере русско-украинской истории в частности скорее нарастающее, чем затухающее, явление.

Предложенный нами формат диалога предполагает, что эта дискуссия имеет академический характер. Она происходит не с целью утвердить свою точку зрения как истину в последней инстанции, но с целью услышать и понять мнение собеседника. Именно собеседника, а не оппонента. Такая дискуссия обеспечивает взаимное интеллектуальное обогащение, методологическую «разгерметизацию» обсуждаемых тем, усиливает эвристический потенциал ее участников. При этом академичность не означает полный «уход в кабинет», полный отказ от внимания к политически и идеологически релевантным аспектам той или иной темы. Более того, такая академичность как раз позволяет выйти на достаточно эффективный уровень научной деконструкции идеологически и политически обусловленных стереотипных исторических представлений.

Такой формат дискуссии не означает единомыслия, согласия по всем обсуждаемым проблемам; согласие существует в главном: мы пытаемся выйти за рамки конвенциональных интерпретаций и представлений национальных историографий, тех представлений, что возникли или утвердились в качестве доминирующих в результате воздействия идеологической и политической конъюнктуры в процессе построения «новых» постсоветских государств, в результате открытой, безудержной и часто бессовестной инструментализации истории. Интерпретационные и познавательные возможности национального нарратива, на наш взгляд, слишком ограничены, предлагаемые в рамках национальных нарративов версии истории (в том числе национальной) крайне однобоки,

слишком близки к интеллектуальной герметичности и эпистемологическому примитивизму.

Авторов этой книги связывают дружеские отношения, что, конечно, облегчало нашу дискуссию, обеспечивало столь ценный фон взаимного доверия и доброжелательности. Но мы полагаем, что интеллектуальное удовольствие, которое мы испытывали в ходе записи диалогов, – вещь вполне воспроизводимая, что российские и украинские историки могут говорить друг с другом на любые исторические темы с взаимной пользой и симпатией, если не становятся – добровольно или вынужденно – бойцами политико-исторических фронтов.

Для нас принципиально важно, что мы не придерживались какого-то заранее расписанного распределения ролей – каждый из нас считал себя вправе говорить критические вещи в адрес опыта с манипулированием историей и в своей собственной стране, и у соседей. Между прочим, и потому, что нам одинаково больно наблюдать это и у себя дома, и у соседа – ни один из нас не испытывает радости, если «у соседа корова сдохла».

В связи с этим стоит упомянуть, что начало было весьма символичным. Запись первого диалога сопровождалась неистребимым запахом угольной и торфяной гари – в январе 2009 г. Будапешт застилал густой смог: из-за очередного «газового» конфликта между Москвой и Киевом местные жители обогревались исторически проверенными средствами.

Наши беседы публиковались на сайте «Полит.ру» и, судя по комментариям, перепечаткам и даже переводу отдельных фрагментов на украинский, вызвали значительный читательский интерес как в России, так и в Украине. Собственно, реакция читателей и подвигла нас на то, чтобы издать данную книгу: нам хотелось зафиксировать некий уровень взаимопонимания и готовности говорить о серьезных вещах достаточно непринужденно и без оглядки на «эффект присутствия», обеспечить возможность обращения к нашему опыту других коллег.

Мы очень признательны веб-порталу «Полит.ру» и лично Борису Долгину, который организовал оперативную и качественную расшифровку этих бесед². Мы благодарны ректору РГУ Ефиму Иосифовичу Пивовару за содействие в издании книги.

Особая благодарность – фирме Ballantines за качественный продукт, способствовавший непринужденности бесед.

Примечания

- ¹ Статья Миллера впервые опубликована в журнале: Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–23; статья Касьянова в кн.: *Бомсдорф Ф., Бордюгов Г.А.* Национальные истории на постсоветском пространстве – II. М.: АИРО, 2009. Мы благодарны за разрешение перепечатать наши статьи в этой книге.
- ² Разумеется, мы благодарны «Полит.ру» и за согласие на публикацию лекций и диалогов в этой книге.

РОССИЯ: ВЛАСТЬ И ИСТОРИЯ

Историческая политика последовательно разрушает пространство для общественной дискуссии внутри страны и в отношениях с соседями.

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой используется целый ряд понятий. Их ассортимент варьирует от страны к стране¹, и это может быть предметом отдельного исследования. В России мы главным образом имеем дело с такими терминами, как «политизация истории» и «политика памяти». В последнее время все чаще используется термин «историческая политика». Отправной точкой для этой статьи, во второй части которой речь пойдет о ситуации в России, будет попытка определить различия в содержании этих понятий. Разумеется, такое разграничение – дело конвенции, и то, что следует далее, является попыткой такую конвенцию предложить.

Политизация истории – по сути, неизбежная и неизбывная вещь. Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории², потому что новое время и ситуация, равно как и личный опыт, каждый раз подталкивают историков к постановке новых вопросов. В той мере, в которой различные группы историков подвержены сходным воздействиям политических факторов, мы можем говорить о том, как политизация истории функционирует не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Речь идет, например, о контексте национальных историографий, который был определяющим для историков со времен Леопольда фон Ранке и во многом остается определяющим сегодня. Мы часто говорим также о делении историков по их политическим предпочтениям, которые оказывают влияние и на методологические подходы, – отсюда такие термины, как «либеральные историки», «консервативные историки», «историки-марксисты» и т. д.

Вместе с тем признание того факта, что историк в своем творчестве испытывает влияние современных обстоятельств и собственных политических пристрастий, является исходной точкой для выработки определенных механизмов, которые позволяют снижать это влияние – через рефлекссию и самоконтроль, внятное изложение альтернативных точек зрения, внимательное отношение к профессиональной критике. В сфере изучения причинно-следственных связей, оценок событий и деятелей прошлого история не может претендовать на статус объективной науки и способность установить «истину». Нормой признается *стремление* к объективности и исследовательский *поиск*, неотъемлемыми элементами которого являются дискуссия, плюрализм мнений, причем не только внутри сугубо профессиональной сферы историков, но и в представлении результатов работы историков обществу. Профессиональные нормы предполагают такое построение аргумента, которое открыто для верификации, т. е. проверки источников и критики тех логических ходов и ценностных установок, которые использует автор. Выработка этих принципов далась цеху историков непросто, тем больше мы должны их ценить.

Политизация истории не ограничивается влиянием политической злобы дня на профессиональных историков. Ее можно видеть и в привычке читателей искать в сочинениях историков мнения по актуальным вопросам. Эта привычка еще больше закрепляется оттого, что некоторые ученые, порой в ущерб профессиональной этике, стараются соответствовать подобным ожиданиям аудитории.

О политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неистребимо. В то же время в демократических обществах уже накоплен опыт, когда использование исторических аргументов делает политиков легкой добычей критики как со стороны соперников по политической борьбе, так и со стороны профессиональных историков.

О *политике памяти* мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сю-

жетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других.

Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к архивам, через определение стандартов исторического образования (того минимального набора тем и фактов, которые учащийся обязан знать), а также через приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д. Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, – нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. Наличие парламентской оппозиции, а также независимых общественных и профессиональных объединений³, отстаивающих представления, отличные от позиции той партии или группы, которая в данный момент находится у власти, как правило, способствует сохранению плюрализма в политике памяти.

«Места памяти»⁴, создаваемые в рамках политики памяти, могут быть «закрытыми», фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть «открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок⁵.

Неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних, событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания могут служить первые 15–20 лет отношения к теме нацистского прошлого в ФРГ, отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма и Виши или отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима. Как правило, такое забывание через определенное время сменяется повышенным интересом историков и общества к «забытым» темам.

Забывание может быть также «отрицающим», когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого. Отрицающее забывание демонстрирует Япония, до сих пор избегающая разговора о преступлениях, совершенных японцами во время Второй мировой войны, или современная Россия, – например в том, что касается поведения советских солдат в оккупированной Германии.

Бывает и «понимающее» забывание, когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса *после* того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности. В современной Германии, где нацистское прошлое осознано, не отрицается и не замалчивается, с некоторых пор признание ответственности уже не исключает, как когда-то, обращения к прежде «закрытой» теме страдания немецкого гражданского населения во время и после Второй мировой войны. Это тот случай, когда освоение народом темы вины и ответственности за трагедию Второй мировой войны открывает возможность обратиться и к теме его собственных страданий в ходе этой войны.

Таким образом, политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого.

Проблематика политизации истории и коллективной памяти уже давно является предметом изучения. Литература предмета поистине огромна. Появляются даже статьи, предсказывающие спад интереса к этой теме⁶. Но сегодня мы скорее наблюдаем новый этап активизации политики памяти и политизации истории. Более того, в этой сфере происходят некоторые принципиально новые процессы, которые требуют описания, анализа и, на мой взгляд, особого термина для их обозначения. За неимением лучшего я предлагаю использовать термин «историческая политика». Он заимствован мною у польских сторонников нового подхода к проблемам истории и памяти, что, конечно, порождает определенные проблемы. Мое понимание природы исторической политики принципиально отличается от представлений ее сторонников, как явных, так и «стыдливых». С моей точки зрения, у этого термина есть важное достоинство: он верно определяет те отношения, которые возникают между политикой, выступающей здесь как существительное, и историей, которая служит лишь прилагательным. Термин подчеркивает, что речь идет именно о *политическом* феномене, который должен изучаться прежде всего как часть политики и тем отличается от политизации истории и политики памяти в данной выше трактовке.

Происхождение понятия «историческая политика»

В 2004 г. группа польских историков заявила о том, что Польше необходимо разработать и проводить собственную версию исторической политики. Они не скрывали, что заимствуют термин (*polityka historyczna*) из немецкого *Geschichtspolitik*. В ФРГ понятие *Geschichtspolitik* возникло в начале 1980-х годов. Тогда новоизбранный христианско-демократический канцлер Гельмут Коль, сам имеющий ученую степень историка, решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха. Он назначил профессионального историка Михаэля Штюрмера политическим советником и заговорил о необходимости «морально-политического поворота» в Германии. Важный элемент этого «поворота» состоял в том, чтобы утвердить более позитивный характер немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности за преступления нацизма, который сформировался в 1960–1970-х годах, когда у власти в ФРГ были социал-демократы, и прочно ассоциировался с ними в политическом плане. Выдержанные в этом духе выступления историков Эрнста Нольте, самого Штюрмера и ряда их союзников привели в 1986–1987 гг. к знаменитому *Historikerstreit* – «спору историков» о причинах возникновения нацизма и мере его ответственности за Вторую мировую войну. В ходе этой дискуссии Коль и его союзники из числа немецких историков получили столь жесткий отпор, что *Geschichtspolitik* была свернута, не успев толком набрать обороты. Жесткость реакции – порой даже излишняя – подавляющего большинства немецких историков на выступления Нольте во многом была связана именно с тем, что они воспринимались как часть исторической политики. Понятие *Geschichtspolitik* прочно вошло в немецкий лексикон как обозначение «интерпретации истории, избранной по политическим, т. е. партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации».

Польские сторонники исторической политики тоже говорили о необходимости утверждения здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Можно сказать, что они поступили честно, когда решили заимствовать понятие

«историческая политика» для обозначения своей программы, – она вполне отвечала приведенному выше определению. В Польше это понятие прочно укоренилось и с 2004 г. является не просто предметом ожесточенной полемики, но и объектом анализа, на результаты которого я во многом опираюсь в собственных попытках интерпретировать этот феномен. Действия в духе исторической политики в последние десять лет типичны почти для всех стран Восточной Европы; часто заимствуются и конкретные формы ее реализации, хотя далеко не везде сторонники исторической политики готовы сами характеризовать свою деятельность подобным образом⁷. Стремясь легитимировать историческую политику, ее сторонники любят утверждать, что в ней нет ничего принципиально нового, что все и всегда так поступали и поступают и «ненормальной» является, наоборот, ситуация, в которой у государства нет ясной и энергичной исторической политики. Мое принципиальное расхождение со сторонниками исторической политики состоит как раз в том, что я считаю те явления, которые получили имя «историческая политика», во многом новыми и существенно отличающимися от политизации истории и политики памяти, как они были описаны выше.

Природа и механизмы исторической политики

Как это обычно бывает с относительно новыми явлениями, историческую политику не так просто «ухватить» и четко описать, тем более что ее механизмы и задачи, как правило, сознательно скрываются. Феномен исторической политики особенно сильно проявляется в посткоммунистических обществах, но это лишь отчасти объясняется повышенным общественным интересом к истории и ее «белым пятнам», оставленным в наследство коммунистической цензурой. Наследие прежнего режима важно на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов, а также доступного историографического багажа.

Но суть вопроса как раз в том, что мы имеем дело с обществами *посткоммунистическими*, т. е. освободившимися от прежних жестких форм авторитарного идеологического контроля. Об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о

признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии.

В обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы меняются. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, группа или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней, тем более репрессивный. Плюралистической становится школа, в которой учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен обладать свободой в выборе учебника и трактовки изучаемых событий и процессов. Историку в его научной деятельности должна быть обеспечена независимость и интеллектуальная свобода. Доступ к архивам должен быть равным для всех и регулироваться законом, а не административными решениями. Государственное финансирование школы и исследований не предполагает права той группы или партии, которая в данный момент стоит у власти, диктовать содержание преподавания и исследований, поскольку это не деньги данной партии, а бюджет страны, сформированный из налогов граждан; политическая сила, стоящая у власти, не может претендовать на идеологическую монополию.

Именно в этих новых условиях – в той или иной степени соблюдаемых (или имитирующих соблюдение) – возникает набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Иными словами, используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти. (Речь идет о таких исторических событиях и процессах, по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссии.)

Полагаю, что для понимания феномена исторической политики важен не только и даже не столько вопрос, что именно пропагандируется. Важнее то, как это делается, какие методы используются в этой пропагандистской работе.

Современная историческая политика не может в полном объеме вернуться к прежним, советским методам и навязать единственно верный взгляд, даже если предположить, что в некоторых случаях ее организаторы хотели бы этого, и вынуждена изобретать новые способы вмешательства в историю и политику памяти, а также новые стратегии легитимации такого вмешательства.

Каковы же эти новые механизмы? В институциональном плане прежде всего бросается в глаза появление Институтов национальной памяти в Польше и Украине и учреждений, схожих с ними по функциям и принципам организации, которые существуют во многих других странах.

Польский Институт национальной памяти

В польском ИНП в 2006 г. работало 1200 человек, в 2009 г. уже 2400. В нем есть исследовательское и издательское подразделения, а также особая прокурорская служба. Институт контролирует архивы служб безопасности бывшей ПНР, в том числе решает, кто и какие материалы получает из этих архивов, а кто не может их получить. Таким образом, те историки, которые работают в ИНП, получают преимущества. К тому же благодаря работе в ИНП они имеют статус государственных служащих с соответствующими привилегиями и дисциплинарной ответственностью. Их зарплата в разы превышает зарплату историков в национальной Академии наук и университетах. Исследовательский бюджет Института больше, чем сумма бюджетов всех других центров по изучению истории Польши XX в. Руководящий состав и прежде всего директор – это политическая номенклатура, назначаемая политическим руководством страны. С утверждением политического влияния в ИНП партии «Право и справедливость» братьев Качиньских все структурные и правовые проблемы ИНП проявились с особой остротой. Вот как об этом говорит уважаемый польский историк Ежи Едлицкий: «Не в том зло, что появился институт, который призван интенсифицировать работу над проблемами новейшей истории, а в том, что с момента своего

основания он отягощен исторической политикой. Политикой, в результате которой в одних руках оказалась сосредоточена прокурорская власть, власть над документами, издательская власть и материальные средства, каких ни один другой институт, исследующий прошлое, никогда в своем распоряжении не имел. Эту власть отдали одной группировке и превратили Институт национальной памяти в трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить и отдельных людей и целые сообщества». Коллега Едлицкого Дариуш Стола добавляет, пожалуй, самое важное: «Профессор Едлицкий, справедливо критикуя Институт национальной памяти, не заметил тесной связи между недостатками этого института и его государственным характером. ИНП – не исследовательское учреждение, а министерство памяти, мои коллеги историки, которые там работают, являются государственными чиновниками, а их шеф – политиком. Научные институты – университеты, исследовательские центры и т. д. функционируют по другим принципам, имеют другие критерии оценки, механизмы защиты независимости...»⁸

Новизна такого учреждения, во-первых, в том, что оно объединяет прежде отдельные функции. Контроль над архивами дает историкам Института не просто право «первой ночи», но и возможность блокировать доступ к документам другим исследователям. А значит, открывает широкие возможности для манипуляций и даже фальсификаций. Сотрудники украинского Института национальной памяти также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ), а заместитель директора Института Володымир Вятрович, «прославившийся» книжкой о том, как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны, является также советником директора СБУ.

Во-вторых, совмещение исследовательских подразделений и органов следствия превращает ИНП в мощное политическое оружие как при реализации законов о люстрации, если таковые в стране имеются, так и за счет контролируемых вбросов информации, дискредитирующей политических противников. И примеров такого рода накопилось уже много как в польской политической практике, так и в других странах.

В-третьих, издательские возможности таких учреждений далеко превосходят потенциал академических и частных научных и даже научно-популярных издательств.

Наконец, привилегированный статус сотрудников одновременно означает, что их научная и публикаторская деятельность

находится под контролем. Если им вдруг случается отклониться от «генеральной линии», которую навязывает политическое руководство страны, их легко можно призвать к порядку. Таких эпизодов в деятельности польского ИНП более чем достаточно.

Другой пример институционального измерения исторической политики – создание музеев под прямым патронатом определенных политических сил; позиции политических оппонентов при этом полностью игнорируются. Так, под патронатом братьев Качиньских был создан музей Варшавского восстания, под патронатом венгерских правых – «Дом террора» в Будапеште, под патронатом президента Ющенко – «Музей советской оккупации» и стандартная экспозиция о Голодоморе для региональных музеев и т. д. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций в частности оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, отчетливо ассоциируется с современными политическими силами и вне страны, и внутри нее⁹.

Историческая политика проявляется и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную. Иногда в проектах этих законов и даже в утвержденных парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы, но и для Западной¹⁰.

Идеологические основания

Идеологическое обеспечение исторической политики основано на четырех главных постулатах. Во-первых, история и память представляются как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником. Отсюда делается вывод, что история «слишком важна, чтобы оставить ее историкам»¹¹. Это, среди прочего, означает, что историки уже не считают принципы профессиональной этики обязательной нормой, а при этом самих историков как рядовых бойцов идеологического фронта пытаются поставить под надзор более «искушенных» и «патриотичных» людей¹².

Во-вторых, утверждается, что «все так делают», чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе, принятых в демократических условиях. Это выражается и в прямом ограничении свободы

высказывания, и в вытеснении неугодных взглядов на обочину медийного поля, и в изменении принципов финансирования. Например, вместо системы распределения грантов на исследования, которая контролируется самим научным сообществом, выделяются деньги на проекты, осуществляемые по прямому политическому заказу.

В-третьих, считается очевидным, что внешний противник неустанно стремится утвердить такую интерпретацию событий прошлого, которая вредит нашему отечеству. А потому долг историков – солидарно противостоять опасности, как правило, через отстаивание противоположного аргумента: на всякое их «да» мы скажем «нет», и наоборот. Как следствие, разрушается пространство для диалога внутри страны, поскольку все обязаны присягнуть заявленным постулатам.

То же происходит и в отношениях с внешним миром: сторонники исторической политики по обе стороны границы вступают друг с другом в жаркие перепалки. Поскольку ни та, ни другая сторона не стремится ни убедить, ни понять оппонента, то подобные «дискуссии» только нагнетают конфликт.

В-четвертых, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях – ради того, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи».

В действительности общественные интересы – только прикрытие, а истинные цели носят политический, партийный характер. «Истинно патриотическая» версия истории неизменно оказывается выгодной определенной политической силе. Так, сторонники исторической политики в Польше с ее помощью сражаются с политическими конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными наследниками движения «Солидарность». В Украине насаждаемые Ющенко трактовки истории Украинской повстанческой армии и голода 1932–1933 гг. служат подспорьем в его борьбе с оппозицией и помогают утвердить такую концепцию украинской нации, которая соответствует представлениям президента и его политических союзников. С помощью исторической политики борются за голоса избирателей, устраняют конкурентов в рамках и за рамками процедур законов о люстрации¹³. Как правило, роль исторической политики во внешнеполитической сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное.

В этой части статьи я не буду подробно реконструировать развитие исторической политики в России, тем более что многие шаги в этой сфере носят закулисный характер и пока недоступны для анализа. Я лишь постараюсь показать, как соотносятся некоторые события последних двух-трех лет с той интерпретацией феномена исторической политики, которая предложена выше.

В апреле 2008 г. в публичной лекции об исторической политике в Польше, Украине и России я попытался сформулировать ее специфику и привлечь к этому феномену общественное внимание¹⁴. Говоря о том, что в России историческая политика проявляется менее интенсивно, чем у соседей, я высказал опасение, что это лишь потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем. Я утверждал тогда, что последствия от активизации исторической политики, если таковая последует, у нас будут крайне разрушительны из-за особенностей нашей политической конструкции. Как ни горько это признавать, опасения подтвердились.

На самом деле первые серьезные признаки активизации исторической политики появились в России уже несколько лет назад. Судя по всему, команда, которая работала над так называемым учебником Филиппова – речь идет о целом комплекте учебников и пособий по истории XX в., – была собрана и получила соответствующее задание еще в 2006 г. Во всяком случае в 2007 г. в свет вышел первый продукт этой группы – пособие для учителей по новейшей истории России¹⁵. Вскоре появился учебник «История России, 1945–2007», а также методическое пособие по периоду 1900–1945 гг.¹⁶ Учебник по этому периоду выйдет в ближайшее время.

Вопрос о том, убедительна ли трактовка событий в этом учебнике, для нашей темы не главный¹⁷. При наличии широкого выбора учебников право на существование имеет и такой. Если отправной точкой для Филиппова–Данилова является отказ от концепции тоталитаризма, то ряд других пособий используют эту концепцию¹⁸.

Заявление авторов учебника о том, что главной задачей преподавания истории является воспитание гражданина, ничем в учебнике не подкреплено. В действительности труд Филиппова и его соавторов воспитывает патриотизм, понимаемый как преданность даже не государству, а власти. Грехи последней по пре-

имуществу объясняются трудной международной ситуацией и необходимостью мобилизации. По сути дела, это обращенный в прошлое дискурс сегодняшней правящей элиты, который паразитически похож на советский послесталинский нарратив за вычетом коммунистической риторики: дескать, перегибы и преступления были, но они были неизбежны во вражеском окружении и в условиях мобилизации, они искупаются успехами в модернизации страны, без которых была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне. Решительно ничего нового. Там, где им не хватает аргументов, авторы нового учебника истории неизменно ссылаются на «мнение народа», который так «помнит», делая вид, будто им не известно, что эта коллективная память сформирована десятилетиями целенаправленных усилий советской пропаганды.

Выбор учебников: видимость плюрализма

Взгляд на прилавки московских магазинов с учебной литературой создает превратное впечатление о преподавании истории в стране. Выбор учебников по истории действительно довольно широк (сами учебники пусть и не вызывают восторга, но, как правило, возмущения не вызывают тоже), но это лишь видимость плюрализма.

Учебник Данилова издан тиражом 250 тыс. экземпляров. (На некоторых учебниках указан тираж 100 тыс., а на других – 150 тыс.; это соответствует двум типографским «заводам», т. е. суммарно отпечатано 250 тыс. экземпляров.) Для сравнения: другие учебники издаются сегодня тиражом 10, максимум – 15, некоторые – 5 тыс. Школы не покупают учебники в книжных магазинах. Их снабжают учебниками через специальные распределители, которые рассылают в школы списки наличествующей литературы, а школьная администрация заказывает из того, что имеется. Учебник Данилова присутствует в этом списке неукоснительно, другие – далеко не все и не всегда. Даже заказав другие пособия, школы никак не гарантированы от того, что вместо заказанного им не придет учебник Данилова. Снабжение учебниками происходит на бесплатной основе. Если школа хочет купить в магазине тот учебник, который считает нужным, она может сделать это только из своего скромного бюджета, из которого производятся в том числе и хозяйственные работы. Мало кто из директоров согласится тратить деньги на учебники вместо

ремонта. Можно собрать деньги на учебник с родителей. Многие так и делают. Но это возможно лишь в том случае, если все родители согласны заплатить. Стоит одному воспротивиться – и от учебника Данилова никуда не деться. Если кому-то из родителей покажется, что, требуя заплатить за «лишний» учебник, на него оказывают давление, школе грозят очень серьезные последствия. Это может быть квалифицировано как вымогательство, т. е. школа рискует оказаться под статьей УК. В Москве, других крупных городах, где материальное положение родителей получше, принцип свободы выбора учебника еще можно осуществить, но в целом по стране система уже исправно закачивает в школы колоссальный тираж учебника Данилова. Кроме того, по имеющимся у автора данным, РОНО не забывают дать по шапке методистам, у которых подопечные школы не спешат заказывать «учебники нового поколения». А если тесты ЕГЭ будут разрабатываться в опоре на набор учебников Данилова–Филиппова, в чем трудно сомневаться, то окончательную победу этого «учебника нового поколения» можно считать гарантированной.

Двести пятьдесят тысяч тиража – это политическое решение, ни одно издательство не напечатало бы столько на свой страх и риск, если бы руководствовалось сугубо коммерческими соображениями. «Просвещение», очевидно, должно было получить и авансовые деньги на такой заказ, и заверения, что спрос на учебник будет обеспечен. Предоставление авансовых средств и использование административных рычагов для успешного «внедрения» учебника как «правильного» – это и есть историческая политика в чистом виде.

Последняя глава пособия Филиппова называется «Суверенная демократия» (в книге без кавычек). Это понятие преподносится не как элемент идеологии одной из российских политических партий, каковым оно является на самом деле. «Суверенная демократия» используется как объективное описание современного политического режима в России, который и обеспечил, как объясняется в пособии, успешное развитие страны в последние 10 лет. То же самое делается и в учебнике Данилова¹⁹. Вот как о схожей ситуации в Польше говорит историк Анджей Фришке: «Если мы имеем дело с монолитным повествованием, которое редактирует центр со своими собственными идейно-политическими интересами, то перед нами индоктринация. ...Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая. Идет настоящая война за память»²⁰.

Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь характерное для исторической политики, тоже не обошло Россию стороной. Первым о необходимости принять закон, грозящий уголовным преследованием за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР, заговорил зимой 2009 г. министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, по совместительству один из лидеров «Единой России». Сегодня в Думу внесено уже два законопроекта, развивающих эти идеи²¹.

Другой пример исторической политики в российском варианте – указ президента Медведева, изданный в мае 2009 г., о создании при Президенте Российской Федерации комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ вызвал волну негативных откликов как профессиональных историков, так и общественности. Вскоре, однако, число таких негативных суждений в публичной сфере резко уменьшилось. Возможно, к событию просто упал интерес, но нельзя исключить и то, что критическая реакция была притушена административным путем. Плохо и то и другое. Если СМИ было велено приглушить оппонентов, значит, власти не желают прислушиваться к критике и решительно настроены перевести сферу исторического сознания под политический контроль. Если общественность постепенно теряет интерес к теме, решив, что указ не будет иметь серьезных последствий, то это весьма наивно²². Указ имеет законную силу, и меры по его реализации неизбежно последуют. О том, каковы будут эти меры, можно догадаться по тем «сигналам», которые до нас доходят преднамеренно или случайно.

Летом 2009 г. достоянием гласности – судя по всему, непреднамеренно – стал циркуляр академика Валерия Тишкова, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН²³. В нем руководителям академических институтов предлагалось составить аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций с указанием «лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию». Никаких оговорок, что речь идет о зарубежных «фальсификаторах», в циркуляре нет. Информацию надлежало представить в течение трех дней. Нетрудно предположить, какой ящик Пандоры открывает этот циркуляр, какие, казалось, уже забытые навыки по доносительству и сведению личных счетов он способен возродить²⁴.

Интересные выводы можно сделать из тех публикаций, авторы которых встали на защиту указа о комиссии по фальси-

фикациям. Проанализируем подробнее тексты двух заслуженных активистов исторической политики – Павла Данилина и Александра Дюкова. Заодно и представим себе типичный портрет такого активиста.

Данилин является автором текстов о «суверенной демократии», которые вошли в пособие Филиппова и учебник Данилова. Вот что этот хунвейбин российского разлива заявил оппонентам учебника Филиппова в своем интернет-блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бородами, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»²⁵.

Текст Данилина о комиссии хочется цитировать щедро: идеи активистов исторической политики автор излагает с подкупающей откровенностью, а его стилистика тоже заслуживает внимания²⁶. Автор честно признает: «Все это, безусловно, должно было стать раздражителем профессионального сообщества и стало, безусловная реакция была получена»; «реакция в профессиональном сообществе историков была резко негативной». Впрочем, сам Данилин объясняет такую реакцию главным образом беспомощностью профессиональных историков и их ревностью к успешным бойцам исторической политики: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровне много выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители и энтузиасты – вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти. Борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом – смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты». Данилин недоволен включением в комиссию даже тех двух представителей Академии, которые там оказались, – директоров академических институтов А.Н. Сахарова и А.О. Чубарьяна, ну и, разумеется, «либерала Сванидзе»²⁷.

Статья Данилина не оставляет сомнений в том, что искать главных «фальсификаторов» нужно внутри страны и борьба с ними должна быть безжалостной. «Ревизионисты подняли головы и выступают в центральных СМИ, как будто при Геббельсе». По

мнению Данилина, новосозданный орган по борьбе с фальсификаторами истории – «это не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа».

Данилин сожалеет об отсутствии в комиссии «Исаева с Дюковым»²⁸. Александр Дюков, молодой человек с историческим образованием, не так давно создал фонд «Историческая память» и стал выпускать одну за другой книжки на острые исторические темы. Из тех двух, с которыми я успел ознакомиться, одна посвящена отношению УПА к евреям и в целом кажется вполне пристойной²⁹. Единственное, что удивляет, так это большой набор материалов из архива ФСБ, впервые введенный, как отмечается в книге, в научный оборот. Профессиональным историкам известно, как трудно попасть в архив ФСБ и получить там новые материалы³⁰. Во второй книге, где Дюков выступает как составитель и редактор вместе с Игорем Пыхаловым, заголовок говорит сам за себя: «Великая оболганная война – 2. Нам не за что каяться!»³¹. Приведу лишь несколько цитат из введения, которые показывают, что наши активисты вполне успешно освоили стилистику худших образцов «историко-политического» жанра в исполнении наших соседей. «Наши враги – и внешние, и внутренние – покушаются на самое святое – на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить Великой Победы. Вторя геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что Победа-де была достигнута “слишком дорогой ценой”, что она якобы обернулась “порабощением Восточной Европы”, что солдаты Красной Армии будто бы “изнасиловали Германию”, а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Эта книга – отповедь клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России». Или вот это: «Еще один аспект, связанный с советскими репрессиями времен войны, рассматривает историк Александр Дюков. Документы Центрального архива ФСБ, впервые введенные им в научный оборот, свидетельствуют, что советская власть проводила по отношению к сотрудничавшим с нацистами коллаборационистам крайне умеренную и милосердную политику».

Дюков и его фонд, об источниках финансирования которого можно только догадываться, как раз и являются представителями тех «любителей-патриотов», которым, согласно Данилину, пришлось «пробивать издателей» (например, издательства «Европа»,

«Регнум», «Эксмо») и спасти от поругания нашу историю вопреки беспомощности или прямому предательству историков-профессионалов. Им предстоит сыграть важную роль в проведении исторической политики, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Высказывания Дюкова о комиссии³² умнее и сдержаннее, чем речи Данилина, но и он выражает сожаление, «что без представительства “либералов” в Комиссии обойтись было нельзя». Впрочем, Дюков надеется, что это «не повлияет принципиально на эффективность работы». В приведенных цитатах из обоих активистов исторической политики хорошо виден ее важнейший элемент: разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог является способом эффективного существования истории в общественном пространстве, но он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели» в идеале должны быть лишены права голоса.

В цитируемом интервью Дюков выражает надежду на то, что сотрудники центра «Историческая память» войдут в состав рабочих групп, создаваемых комиссией. Конечно, циркуляр Тишкова показывает, что руководство РАН тоже готово включиться в работу. Но такие фонды, как «Историческая память» Дюкова, демонстрируют желание и готовность перехватить ведущую роль в обслуживании исторической политики, а с ней и те потоки финансирования, которые будут обеспечивать выполнение заказа³³.

Это еще одно свидетельство того, как историческая политика меняет сами принципы взаимоотношений власти и науки. Деньги, выделяемые государством на исследования, в том числе исторические, до сих пор распределялись через фонды, которые работали на основании экспертных оценок самого научного сообщества. Так оно, собственно, и должно быть. Но теперь исследования по истории становятся своего рода политехнологическим подрядом, и решения о финансировании и об оценке работы будет принимать политическая власть, а не научное сообщество.

Особенно примечателен ответ Дюкова на вопрос о зарубежных проектах, аналогичных комиссии по борьбе с фальсификациями, и о том, накоплен ли за границей опыт, который следует перенять в России. Пространный ответ я приведу целиком, потому что из него становится вполне ясно, какой опыт Дюков и его соратники считают нужным перенять у нас:

Прежде всего, назову Комиссию историков при президенте Латвии, созданную в 1998 году. Ключевыми задачами данной структуры

являются обеспечение официальных лиц тезисами для «оккупационной» риторики и презентация на международной арене тематики «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций (1940–1991)», при этом акцент делается на «преступления советского тоталитаризма». Одновременно в Латвии действует правительственная Комиссия «по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР и мест их массового захоронения, обобщению информации о репрессиях и массовых депортациях и подсчету причиненного латвийскому государству и его жителям ущерба», готовящая обоснования для официального выдвижения финансовых претензий к России. <...>

В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить «Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями». «Белая книга» была издана в 2003 году и послужила основой для масштабной антироссийской пропагандистской кампании, а также для требований к России «возместить ущерб, нанесенный оккупацией». Кроме того, при президенте Эстонии была создана еще одна комиссия – Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при президенте республики. После завершения ее деятельности в начале 2009 года появилась информация о возможности создания на ее основе эстонского Института национальной памяти.

«Институты национальной памяти» – это очень специфические историко-идеологические учреждения, функционирующие в странах Восточной Европы за счет госбюджета. Первым из них стал созданный решением парламента в 1998 году польский Институт национальной памяти <...>.

Аналогичная польскому ИНП структура создана в 90-х годах и в Литве; она носит название «Центр геноцида и резистенции». Юридически центр является департаментом при кабинете министров страны, а директор его утверждается Сеймом по представлению премьер-министра страны. Точно так же, как и в польском Институте национальной памяти, в составе литовского центра функционирует департамент специальных расследований.

На Украине ИНП создан в мае 2006 года; в деле переписывания истории он активно взаимодействует со «специсториками» из Службы безопасности Украины и фондом «Украина–3000», возглавляемым супругой украинского президента Екатериной Ющенко. Характерно, что недавно украинский ИНП публично заявил о невозможности сотрудничества с российскими историками по идеологическим причинам.

Недовольство руководства украинского ИМП вызвал тот факт, что российские историки рассматривают голод 30-х годов как общую трагедию, а не трагедию исключительно украинского народа.

...Все [эти организации] финансируются из госбюджета, обладают серьезным потенциалом.

По сути, Дюков сказал правду: Комиссия по борьбе с фальсификациями является таким же инструментом исторической политики, как те учреждения у наших соседей, которые он описал в своем ответе. Остается указать на некоторые явные структурные и функциональные отличия комиссии от, например, польского ИМП и объяснить их причины. Во-первых, в отличие от Польши современные службы безопасности России сохраняют преемственность со службами безопасности советского режима. Как следствие, в России не произошло изъятия архивов КГБ из-под контроля служб безопасности. Отчасти это похоже на ситуацию в Украине, где местный ИМП находится под патронатом СБУ и снабжается нужными документами из архива СБУ. В результате ни в России, ни в Украине невозможно (в пределах здравого смысла) принять закон о люстрации.

Опыт Польши и других стран, где существуют такие законы, показывает, что люстрация дает массу возможностей для расправы с политическими оппонентами со стороны тех, кто в данный момент контролирует власть. Причем этой практике вовсе не мешает то, что архивы служб безопасности были изъяты из-под их контроля сразу после краха коммунистических режимов. Российские и украинские архивы СБ не могут служить основанием для проведения люстрации, поскольку невозможно рассчитывать на аутентичность и полноту используемых архивных материалов.

Состав российской комиссии по борьбе с фальсификациями, куда вошли несколько представителей спецслужб, ясно говорит о том, что в вопросе доступа к архивам спецслужб ставка сделана на сохранение нынешнего положения дел, когда закон РФ о рассекречивании документов после истечения 30-летнего срока попросту не выполняется. Согласно этому закону все документы соответствующей давности должны быть автоматически рассекречены и исследователи должны получить к ним доступ. Лишь специальными решениями можно сохранить гриф секретности на отдельных документах. Вместо этого у нас действует практика, в соответствии с которой каждый документ рассекречивается специальными ведомственными комиссиями. Это будет происходить

и далее, а доступ к документам будет открываться избранным исследователям, работающим «на заказ». Не исключено, что ведомственные архивисты будут просто делать для привилегированных пользователей подборки документов или даже выдержки из них по соответствующим темам. Все это полностью противоречит нормам научного подхода, поскольку исключает возможность независимого поиска в архивах и верификации используемых документов с точки зрения их аутентичности и полноты. Примеры такого рода мы находим, разумеется, в деятельности украинского и даже польского ИИП.

В российском варианте явно принято решение о том, что собственно исследовательские и издательские функции будут рассредоточены по ряду учреждений и центров. И в том и в другом случае ставка делается не на академические, а скорее на политехнологические структуры³⁴.

Таким образом, все ключевые элементы исторической политики без труда обнаруживаются в российской практике последних двух лет. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций. Наконец, имеют место типичные для исторической политики методы легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик. Как и в большинстве соседних стран, острое исторической политики направлено внутрь страны. Ведь если в России историческая политика соседей вызывает – вполне оправданное – презрение и возмущение, едва ли вдохновители и организаторы нашей собственной исторической политики всерьез надеются, что к плодам их трудов за рубежом будут относиться иначе!

Вступив, по примеру соседей, на путь исторической политики, Россия только способствует закреплению атмосферы «диалога глухих», которая чем дальше, тем больше сопровождает обсуждение вопросов недавнего прошлого. «Зеркальный» ответ, когда на каждое «да» одной стороны другая неизменно говорит «нет», далеко не всегда эффективен для борьбы с исторической политикой других государств. Во всех соседних странах есть немало историков и общественных деятелей, которые решительно критикуют историческую политику собственных властей. (Многочисленные сви-

детельства этого можно найти в материалах данного номера Pro et Contra.) Разумный и достойный путь сопротивления исторической политике соседей состоит не в том, чтобы ответить им той же монетой, а в развитии диалога с противниками исторической политики во всех этих странах. В России есть люди, которые этим занимались и будут продолжать свою работу³⁵. Но отечественная историческая политика никак не делает их задачу легкой.

Кроме того, разрушительные последствия исторической политики внутри России могут быть серьезнее, чем в других странах. Причина в том, что возможности общества и исторического цеха сопротивляться исторической политике тем меньше, чем слабее элементы плюрализма и демократии. Странники исторической политики стараются внушить российским гражданам, что ситуация с функционированием истории в обществе требует решительных исправительных мер. Это не так. Историческая наука развивалась в постсоветской России совсем неплохо, особенно если принять во внимание те отчаянные материальные трудности, с которыми приходилось иметь дело, в том числе и историкам – как исследователям, так и преподавателям. Мы во многом преодолели методологическое отставание, наладили контакты с зарубежными учеными. Наличие разных точек зрения в академическом сообществе стало восприниматься как норма; постепенно мы – и профессиональные историки, и просто любители истории – даже начали привыкать к диалогу с теми, кто придерживался иных взглядов. Все это может сильно пострадать, если вмешательство политики в историю будет развиваться такими темпами и в таком направлении, как в последние два-три года. Россия не раз уже демонстрировала способность доводить до абсурда заимствованные из-за рубежа идеи и методы.

Примечания

- ¹ Не удивительно, что самый богатый набор таких терминов существует в Германии.
- ² Здесь и далее под историей понимаются исследование и описание прошлого как особая профессиональная сфера деятельности, а также образы прошлого в общественном сознании.
- ³ В наших условиях примером такой организации может служить общество «Мемориал»; известна существенная роль, которую в этой сфере во Франции играет влиятельное объединение школьных учителей истории.

- ⁴ В широком смысле это не только памятники, музеи, мемориалы, исторические заповедники, любые другие места, так или иначе связанные с коллективной памятью, но также события и образы исторических персонажей.
- ⁵ Например, экспозиция музея может отражать лишь одну трактовку событий, которая кажется верной его устроителям, или различные подходы к этим событиям.
- ⁶ *Rosenfeld G.D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory «Industry» // The Journal of Modern History. 2009. Vol. 81. № 1. P. 122–158.*
- ⁷ Подчеркнем, что некоторые элементы исторической политики характерны не только для Восточной, но и для Западной Европы.
- ⁸ См.: *Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. June 14. (http://wyborcza.pl/1,76498,5311937,Co_ma_panstwo_do_historii_.html).*
- ⁹ Как показал Евгений Финкель в своей статье «In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe and ex-USSR» (готовится к печати), все посткоммунистические страны, за исключением России, видят политическую задачу в том, чтобы представить свою «титულную» нацию как жертву геноцида в XX в.
- ¹⁰ Отмечу, что часто упоминаемые в этом контексте законы об отрицании Холокоста наказывают не за интерпретацию, но за отрицание факта и масштабов массового убийства европейских евреев.
- ¹¹ Такие рассуждения Марека Чихоцкого, идеолога исторической политики и советника президента Качиньского, см. в: *Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / М. Копецек (ed.). Budapest: Centr. European Univ. Press, 2007. P. 182.*
- ¹² Вполне естественно, что среди квалифицированных и совестливых историков сторонников исторической политики немного, напротив, именно историки в последнее время предпринимают усилия по противодействию исторической политике, поскольку прекрасно понимают ее разрушительный эффект как для самой профессиональной историографии, так и для ее коммуникации с обществом.
- ¹³ Отчасти историческая политика является следствием выхолащивания подлинно значимой политической повестки дня, когда в борьбе за голоса избирателей политики апеллируют не к реальным проблемам современного развития, а к интерпретации прошлого.
- ¹⁴ «Историческая политика» в Восточной Европе: Плоды вовлеченного наблюдения: Лекция Алексея Миллера (<http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>).

- ¹⁵ Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.
- ¹⁶ История России: 1945–2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. 2-е изд.: История России, 1945–2008. М.: Просвещение, 2008; Данилов А.А. История России 1900–1945: Метод. пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.
- ¹⁷ Критический анализ учебника, с которым я в основном согласен, см.: Борисов М. Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945–2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4 (36) (<http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>); Карацуба И. «Учебник Филиппова»: продолжение последовало (<http://www.urokiistorii.ru/current/view/2009/10/uchebnik-filipova>)
- ¹⁸ См. неоднократно переиздававшиеся: Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России: XX – начало XXI века. М.: Русское слово, 2008 (8-е изд.); Отечественная история XX – начала XXI века / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2006 (3-е изд.); Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России: XX – начало XXI века. М.: Просвещение, 2009. В мировой историографии понятие «тоталитаризм» уже мало кто ассоциирует с концепциями К. Фридриха и Э. Бжезинского, которые действительно были плодом и инструментом холодной войны. Например, с 2000 г. издается превосходный журнал *Totalitarian Movements and Political Religions* («Тоталитарные движения и политические религии»). Поэтому заведомо искажают ситуацию заявления Данилова и Филиппова о том, что концепция тоталитаризма «неизменно была оружием холодной войны», «являлась и является не инструментом познания, а орудием идеологической борьбы».
- ¹⁹ Филиппов А.В. Новейшая история России. С. 421–485; История России: 1945–2007. Гл. 6, особенно С. 328–329.
- ²⁰ Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza. 2008. June 14.
- ²¹ См.: России гарантировано прошлое // Коммерсантъ. 2009. № 88 (4143). 20 мая (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1172771>). Там же см. подборку высказываний высших государственных чиновников о необходимости ужесточения контроля за учебниками истории и за историей вообще.
- ²² Примеры такого благодушного отношения можно найти в недавней подборке высказываний уважаемых историков, опубликованной сайтом «Полит.ру» (<http://www.polit.ru/analytics/2009/08/10/istorija.html>).

- ²³ <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>
- ²⁴ Авторы письма вполне отдадут себе в этом отчет, насколько можно судить из их неуклюжих публичных объяснений в ответ на публикацию циркуляра. См.: Об ажиотаже вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «о фальсификациях истории»: Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова (<http://www.polit.ru/dossie/2009/07/03/petrov.html>). Директора академических институтов (с удовольствием отмечу, что не все) поспешили довести инструкцию до подчиненных, иногда сетуя на бессмысленность инструкции, но разводя руками – мол, приказы начальства не обсуждают.
- ²⁵ Цит. по: *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить.
- ²⁶ *Данилин П.* Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса (<http://russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikaciyami>). Данилин является шеф-редактором интернет-сайта www.kreml.org
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Алексей Исаев – военный писатель. Известность получил благодаря своей книге «Антисуворов». Опубликовал ряд других «контрпропагандистских» книг. В 2007 г. принят на работу в Институт военной истории Министерства обороны РФ, тот самый, сотрудник которого кандидат исторических наук полковник С.Н. Ковалёв прославился статьей «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны», возлагающей вину за ее начало на Польшу (см.: Военно-исторический журнал. 2008. № 7). Высказываний Исаева о комиссии мне обнаружить не удалось.
- ²⁹ *Дюков А.Р.* Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.
- ³⁰ О проблемах, связанных с работой в архивах, см., например, публикации историка Никиты Петрова: *Петров Н.* Доступ к госархивам // Мемориал. 2000. № 20. Сент.–окт. С. 14–17; *Он же.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 18–33; Архивная контрреволюция (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛО») // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 375–387.
- ³¹ Великая оболганная война–2: Нам не за что каяться!: Сб. / Ред.-сост. А. Дюков. М.: Яуза: Эксмо, 2008.
- ³² *Дюков А.* Бояться деятельности Комиссии по борьбе с фальсификацией истории могут только те, кто эту историю фальсифицируют

(интервью порталу Liberty.ru/Свободный мир) (<http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Boyat-sya-deyatel-nosti-Komissii-po-bor-be-s-fal-sifikaciej-istorii-mogut-tol-ko-te-kto-etu-istoriyu-fal-sificiruyut>).

- ³³ «К настоящему времени наш фонд является одной из ведущих организаций в стране, занимающихся проблемами борьбы с фальсификацией истории», – сообщает Дюков (Там же).
- ³⁴ Как это часто бывает, нет худа без добра: в этом случае у собственно научных структур появляется больше шансов сохранить лицо и репутацию.
- ³⁵ Пример такого рода работы см. в диалогах Алексея Миллера и Георгия Касьянова «Россия–Украина: Как пишется история».

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ИСТОРИИ В УКРАИНЕ

Краткий экскурс

Сам процесс «национализации» истории/историографии в Украине в конце 1980 – начале 1990-х годов развивался с событийной точки зрения по сценарию, в принципе, достаточно сходному с такими же процессами в других постсоветских республиках¹. Первоначально в фокусе внимания ученых оказались «белые пятна» истории, которые поначалу в основном обнаруживались в советском периоде. Ревизия советской версии истории этого периода стала одновременно основой его отрицания. Разумеется, речь шла о преступлениях сталинизма, репрессированных или запрещенных персонажах, национальных трагедиях (Быковня в Украине, репрессии против интеллигенции в обеих республиках, уничтожение крестьянства, голод 1932–1933 гг. и т. п.).

Именно отношение к советскому (коммунистическому) историческому наследию стало отправной точкой для пересмотра всей остальной истории. «Советский», моноидеологичный вариант советской истории не оставлял места для иных версий относительно недавнего прошлого, поэтому его ревизия неизбежно вела к поиску альтернатив. Конструирование «более полной» версии советской истории (без «белых пятен») неизбежно вело к выстраиванию новой, «более полной» схемы «своей» истории в целом. Логика создания цельной версии национальной истории подталкивала к расширению ревизии, выходу за рамки критики собственно советского периода, уходу «в глубь веков». Практически речь шла о замещении «советского» варианта истории «национальным».

Реверсивная история развивалась согласно собственной нехитрой логике: после выборочного пересмотра советского периода (в стиле Нюрнбергского трибунала) обратились к опыту национальной государственности периода после окончания Первой мировой войны. В Украине главными адресатами стали история Центральной Рады и Украинской Народной Республики,

Западно-Украинской Народной республики и Гетманской державы (1918–1920).

Как и в случае с обращением к периоду сталинизма, мотивы целиком укладывались в схему «инструментализации истории»: политическая подоплека обращения к истории кратковременной «национальной» государственности была очевидной. Была даже предпринята попытка установить символическую связь между современной государственностью и упомянутыми историческими эпизодами. В Украине первый президент Л. Кравчук, ранее сделавший весьма удачную карьеру в коммунистическом истеблишменте, в 1993 г. принял от представителя «правительства Украинской Народной Республики в эзиле» и по совместительству главы Организации украинских националистов М. Плавьюка сохранные с 1920-х годов символы государственности. Некоторые историки даже заговорили о преемственности УНР и современного украинского государства. В Украине была легитимирована государственная символика, использовавшаяся в 1918–1920 гг.²

Далее предметом особого внимания историков – творцов национальной мифологии³ стал период позднего Средневековья и раннемодерной истории, представлявший исключительные возможности для формирования образа «исторической» нации со своим «золотым веком». «Золотым веком» украинской истории стала казацкая эпоха включительно с Гетманщиной. Поход под лозунгом «Вперед – в прошлое!» вполне естественным для рефлексивной истории образом продолжился обращением к теме раннефеодальной государственности и этногенеза с уходом в древнюю, долетописную историю. В Украине в качестве образца ранней государственности «национализировали» Киевскую Русь. От нее пошли в глубь веков и добрались до ранних племенных форм общественной организации на «своих» территориях, представляемых как место автохтонного присутствия на протяжении столетий и тысячелетий. Результатом стало формирование «полной», или «полноценной», схемы национальной истории – тянущейся из глубины веков до «торжества исторической справедливости» – создания независимого государства⁴.

В самых общих, так сказать, «родовых» чертах базовый современный нарратив «национализированной» истории сложился (а точнее, был возрожден) и в Украине в первой половине 1990-х годов. Его становление/возрождение было хоть и триумфальным, но далеко не бесконфликтным.

С конца 1980-х годов «национальная» (или национализированная) версия отечественной истории заняла доминирующее положение в общественном дискурсе, подмяв под себя «советскую» модель, которой держалась правящая партия⁵, а в начале 1990-х она стала неотъемлемой частью официальной модели украинской истории и даже элементом государственной «нациоформирующей» идеологии. Она стала центральной в историческом образовании и в научных разработках, она пользовалась моральной и материальной поддержкой государства и государственной бюрократии.

Во время одного из официальных мероприятий 1993 г. президент Украины Л. Кравчук высказал сожаление по поводу того, что у «украинского народа нет своей истории». В ответ в Национальной Академии наук Украины немедленно появился проект создания 15-томной истории украинского народа. Концептуальная суть проекта была изложена в отдельной брошюре сотрудника Института истории Украины Национальной Академии наук Украины Р. Симоненко: «Восстановление в правах именно национальной истории, восстановление ее как прошлого украинского этноса на собственной автохтонной территории. Речь идет об украинской истории как самобытном непрерывном процессе, главным объектом которого является украинский народ — от самых его первоисточников и до современной суверенной государственности»⁶. В том же году состоялась довольно курьезная попытка введения в высших учебных заведениях курса украинской политологии, или научного национализма⁷.

Политические и общественные группы, отстаивающие «советскую» версию украинской истории (коммунисты, ветераны Советской армии, часть региональной государственной бюрократии), с начала 1990-х утратили влияние на «политику истории» и образовательную политику, что не мешало им весьма активно противостоять «национализации» истории в публичном дискурсе, но не в реальной политике. Заметим, что в 1990-х обращение к истории в государственной политике было скорее данью конкретной политической конъюнктуре. С одной стороны, инсталляция канонической версии национализированной истории в учебные курсы школ и вузов должна была обеспечить процесс гражданского воспитания новых граждан новой страны. С другой — обращение высших институтов государственной власти к историческим символам и коммеморативным практикам осуществлялось достаточно формально — ровно настолько, насколько этого требовал

момент. При этом носители высшей государственной власти (прежде всего президентской) всячески избегали радикальных заявлений, за исключением тех случаев, когда обращение к истории было необходимо или для собственной легитимации (например, опровержения тезиса о том, что нынешняя власть в лице ее носителей является правопреемницей преступной коммунистической номенклатуры), или для идеологической дискредитации политических оппонентов (в данном случае коммунистов, назначенных на роль «официальной оппозиции»). Исторические дебаты не имели большого общественного резонанса как в силу отсутствия системной политики истории⁸, так и в силу других, более насущных проблем (масштабного социально-экономического кризиса).

В 2000-х годах, особенно после «оранжевой революции», ситуация изменилась. Президентская власть перешла к активной политике истории и политике памяти. Отчасти это было связано с личностью президента В. Ющенко и присутствием в его окружении идеологически активной части украинской диаспоры и радикально настроенных представителей национал-демократической интеллигенции, недовольных положением титульной нации и обеспечением ее культурных прав в независимой Украине. И сам президент, и упомянутая часть его окружения были уверены в том, что отсутствие национально ориентированной системной гуманитарной политики является источником морального упадка украинского общества и отсутствия морального и политического единства. Отчасти активное обращение к проблемам культуры вообще, а истории в частности было продиктовано желанием организовать моральное и политическое давление на политических оппонентов: вряд ли можно считать случайностью активную апелляцию к проблемам исторической памяти и активизацию общественных дискуссий по этим вопросам именно в моменты обострения внутривластного кризиса.

Фактически с середины 2005 г. наблюдались все более системные и целенаправленные (но далеко не всегда продуманные) действия президентской власти в области политики истории и памяти. В основу была положена стратегия⁹ этносимволизма, характерная для стандартного культурнического национализма и романтизма так называемых неисторических (безгосударственных) народов образца XIX столетия. Здесь главным элементом было воссоздание или усиление мифа об исключительности исторического пути своей нации с особым упором на ее героизм и страдания. Для этого были выбраны два наиболее знаковых исторических

явления – Украинская Повстанческая Армия (УПА) как пример героических страниц истории и Голодомор как пример исключительной по масштабам национальной трагедии. Поскольку оба явления преподносились в крайне эксклюзивной форме – как предмет исключительно украинской этнической истории (УПА – борьба украинцев за независимость, Голодомор как геноцид против украинской нации/народа)¹⁰, они вызвали не только довольно острые общественные и политические дискуссии, которые вышли на уровень международных и межгосударственных отношений, но и контрдействия оппонентов.

Если в 1990-х в дискуссиях и спровоцированных ими общественных и политических акциях главным оппонентом власти были левые, то в 2000-х политическая и социальная база оппонентов исторической политики расширилась. К коммунистам, которые традиционно противостояли «национализации» истории, и их сторонникам из числа советско-ностальгической части общества присоединились политические силы, представлявшие восток и юго-восток страны. В 2006–2008 гг. в ходе острого политического противостояния, вызванного переделом власти между президентом и его сторонниками в парламенте, с одной стороны, и партией крупного капитала (Партия регионов), представляющей упомянутые выше регионы, – с другой, вопросы исторической политики вполне ожидаемо оказались в числе наиболее актуальных. Политизация истории достигла уровня, сравнимого с периодом конца 1980 – начала 1990-х годов, когда дискуссии по вопросам пересмотра истории напрямую увязывались с борьбой за власть. При этом обе стороны использовали спорные вопросы истории для политической и моральной дискредитации оппонентов и для давления на них по проблемам, весьма далеким от истории, но вполне ощутимо связанным с дележом власти.

В 2005 г. в связи с юбилеем окончания Второй мировой войны разгорелась дискуссия по поводу оценки этого периода украинской истории в учебниках. Дискуссия, начатая организациями ветеранов Великой Отечественной войны, была подхвачена некоторыми «говорящими головами» Партии регионов, выступавшими, как и ветераны, против неадекватного, по их мнению, освещения роли ОУН – УПА в учебниках и против замещения термина «Великая Отечественная война» более широким понятием «Вторая мировая». Советско-ностальгическую часть общества раздражала и смена концепции воюющих сторон: в официальной версии истории Вторая мировая Украина представала как жертва

схватки двух тоталитарных режимов. И если для ветеранов это в какой-то мере был вопрос морального приоритета и невозможности преодоления идеологических стереотипов, то для левых партий и их союзников из Партии регионов речь шла о презентации действующей власти (президентской и правительства) как националистов, перекраивающих историю и разделяющих страну. Дискуссии не ограничились традиционными воззваниями и требованиями к власти поменять «неправильные» учебники на «правильные» — дошло и до физических столкновений на центральных площадях столицы страны¹¹. В том же 2005 г. вспыхнул скандал, связанный с публикацией нового учебника по истории Украины для 5-го класса: в одном из учебников, допущенных Министерством образования и науки к использованию в школах, был раздел, посвященный «оранжевой революции», выдержанный в самых апологетических тонах.

В последующие годы тенденция к обострению противостояния по вопросам политики истории, которое стало частью более широкой политической борьбы, заметно усилилась. Проиллюстрировать эту тенденцию можно на примере Голодомора, который усилиями власти превратился в специфическую форму культурной реальности, в значимый символ национальной исторической мифологии и в то же время — в предмет крайне противоречивых политических спекуляций и жарких общественных дискуссий.

Президент В. Ющенко предпринял ряд шагов, нарушивших негласный и довольно шаткий консенсус в этой сфере, сложившийся во времена Л. Кучмы. По его инициативе развернулась беспрецедентная идеологическая и политическая кампания по превращению голода 1932–1933 гг. в центральный мобилизующий символ национальной украинской истории — символ крупнейшей гуманитарной катастрофы XX в., превосходящей своими масштабами холокост и другие примеры геноцида.

Перечислим основные составляющие этой кампании.

1. Создание национальной Книги памяти. Во всех областях Украины, пострадавших от голода, под эгидой областных и районных государственных администраций были созданы координационные группы по сбору сведений о пострадавших и умерших от голода 1932–1933 гг. Эти своего рода штабы координировали деятельность сотен местных групп, выполнявших сбор сведений на местах — прежде всего в селах. В местные группы входили учителя, студенты, ученики школ, библиотекари, музейные работники, краеведы, заведующие клубами и т. д.

2. Проведение массовых коммеморативных акций («Зажги свечу», «Негасимая свеча» и т. п.¹², проведение траурных митингов и концертов, организация конкурсов изобразительных и литературных работ, конкурсов ученических сочинений, возложение венков и снопов, проведение уроков памяти в школах; создание мест памяти (выставок в музеях, школах и библиотеках, установка крестов, памятных знаков и курганов скорби, посадка калиновых гаев, создание мемориальных комплексов¹³).

3. Юридическая легитимация Голодомора путем принятия законов, характеризующих его как геноцид и запрещающих какие-либо другие публичные толкования этой трагедии¹⁴.

4. Поощрение публикаций научных исследований по тематике голода 1932–1933 гг. через систему государственных грантов издательствам.

5. Кампания за признание голода 1932–1933 гг. на международном уровне – парламентами других стран и международными организациями.

В. Ющенко лично возглавил международный комитет по организации чествования 75-й годовщины голода 1932–1933 гг., в который вошли представители крупнейших общественных организаций украинской диаспоры (обычно подобные органы возглавлял вице-премьер правительства по гуманитарным вопросам). Под его патронатом развернулась международная кампания «Украина помнит, мир признает». Почти во всех своих «бенефисных» выступлениях 2005 г. на международном уровне (Конгресс США, Европарламент и т. п.) он обязательно упоминал голод 1932–1933 гг., а в 2006–2008 гг., встречаясь с руководителями наиболее влиятельных международных организаций, обращался к ним с просьбой о содействии интернационализации знаний о голоде 1932–1933 гг.¹⁵

Действия В. Ющенко по «усугублению» национальной истории спровоцировали не только весьма бурную реакцию и протесты уже упомянутых политических сил, но и контрдействия со стороны российского высшего политического руководства, которое к этому времени также активизировалось в области политики истории и памяти и отстаивало свою версию истории, основанную на неоимперских амбициях и глорификации советского прошлого. Для российского высшего руководства голод 1932–1933 гг. представлялся трагедией общесоюзного масштаба, при этом национальная специфика событий этого времени в Украине отрицалась в силу очевидных причин – в этом случае появлялась

конкретная жертва «Москвы» со всеми нежелательными морально-политическими последствиями для последней.

В свою очередь, глава украинского государства явно настаивал на том, что голод 1932–1933 гг. был Голодомором — актом геноцида, направленным против украинского народа. Обмен нотами между министерствами иностранных дел, заявления политиков в парламентах обеих стран и даже акты вандализма¹⁶, совершенные при попустительстве властей, превратились в 2005–2007 гг. в рутинную процедуру. Беспрецедентными стали действия России, направленные на блокирование усилий украинской дипломатии по признанию Голодомора актом геноцида против украинцев на уровне международных организаций (Европарламента, ЮНЕСКО, ООН). Пиковым моментом конфликта можно считать отказ Президента РФ Д. Медведева посетить официальную церемонию, посвященную 75-й годовщине голода 1932–1933 гг. Отказ был сделан не по дипломатическим каналам, а как показательная акция — 14 ноября 2008 г. Д. Медведев отправил В. Ющенко открытое послание.

Спор между российским и украинским высшим государственным руководством по поводу репрезентации Голодомора был не единственной конфликтной зоной, возникшей в начале 2000-х в сфере исторической политики. Не меньшие страсти вызвали действия В. Ющенко и его сторонников в парламенте, направленные на уравнивание в правах ветеранов УПА с ветеранами Великой Отечественной войны, и сопутствующие действия власти по превращению ОУН и УПА в часть позитивной национальной мифологии. Особое недовольство, сопровождаемое публичными критическими высказываниями первых лиц РФ, было спровоцировано решением В. Ющенко посмертно присвоить главнокомандующему УПА Р. Шухевичу звание Героя Украины¹⁷. Эта проблема поднималась Россией на самом высшем уровне, вплоть до «проталкивания» резолюции, осуждающей возвеличивание тех, кто сотрудничал с нацистами, в ООН в ноябре 2008 г.¹⁸ В Украине последних двух-трех лет стала привычной практикой «война памятников»¹⁹.

Процесс «национализации» истории в его базовых составляющих завершился и в Украине к середине 1990-х годов. К этому же времени состоялось окончательное слияние дискурса «национализированной» историографии с официальным государственным идеологическим дискурсом. Сложился своего рода негласный консенсус по поводу общей схемы национальной

истории — по крайней мере, на уровне государственных институтов существовало единогласие о содержании национального нарратива. Высшая государственная бюрократия и политические элиты избрали стратегию²⁰ использования стандартных схем национальной истории для легитимации своего общественного, культурного и политического статуса. Поэтому «национализированная история» по мере своего формирования интегрировалась в достаточно аморфную государственную идеологию (составляя самый структурированный ее элемент), в образовательную политику и гражданское воспитание.

В каком-то смысле этот процесс происходил «самотеком» — в первой половине 1990-х у государства просто не было средств для его полноценной поддержки, однако моральная поддержка была вполне ощутимой. Именно в этот период были заложены основы стандартной схемы «отечественной истории», как на уровне научных исследований, так и на уровне образовательной системы. Базовый национальный нарратив образца XIX столетия вошел в школьные и вузовские курсы по истории Украины — фактически средняя школа и частично высшие учебные заведения стали главными средствами продвижения того образа отечественной истории, который, по мысли его создателей, должен был обеспечить воспитание гражданской лояльности новых поколений. В средних общеобразовательных школах был введен предмет «История Украины» (с 4-го по 10-й класс, а с 2005 г. — с 5-го по 12-й), во всех высших учебных заведениях независимо от их профиля был введен обязательный семестровый курс «История Украины». Преподавание осуществлялось по стандартной программе, которая предполагала индоктринацию по стандартным идеологическим формам. К сожалению, учебники по истории оказались наполненными ксенофобскими мотивами — иногда прямо, иногда в контексте²¹.

После «оранжевой революции» ситуация изменилась. Очевидное желание президента В. Ющенко активизировать национальную составляющую украинской истории с особым упором на те ее страницы, где не существовало устойчивого консенсуса или где его легко было нарушить, привело к стремительной актуализации тем, вызывающих крайнее раздражение политической активной части общества. В результате вторая половина первого десятилетия XXI в. явила примеры исключительно острых общественных дискуссий по поводу прошлого, в которые втянулись не только граждане Украины, но и целые государства.

«Национализированная» история: эпикриз

Основные черты канона «национализированной» истории обычно упоминаются его критиками или оппонентами *passim*, но, как правило, редко кто утруждает себя даже кратко описать их, установив таким образом хотя бы приблизительный методологический портрет этого явления, что необходимо для понимания исторической мифологии, связанной с определением места «своей» нации в ее собственном историческом пространстве-времени.

Указанный канон неизбежно в основе своей должен быть *телеологическим*. Целесообразность «своей», «национализированной» истории – в появлении «своей», уникальной нации и соответствующего государства. История представлена как онтологически предопределенное движение к конкретной цели – созданию нации и государства. Цель (или следствие) прямо или имплицитно отождествляется с причиной, в результате сама собой появляется идея естественности, природности, органичности нации и национального государства. Последние не могут не возникнуть, посему задача историка – обосновать не факт их присутствия в общей истории человечества, а правильно объяснить факт их отсутствия в определенных периоды этой истории. Соответственно, «родовой» чертой «национализированной» истории является детерминизм (в любых его ипостасях – от экономического до культурного).

Упомянутые свойства «национализированной» истории не имели бы функциональной полноты без *эссенциализма*. Нация в таком понимании существует как трансцендентная (реальная или потенциальная) общность. История этой нации существует как бы сама по себе, вне усилий историков. Содержание и задача историографии сводится к тому, чтобы «адекватно», правильно описать эту историю, к процессу правильной идентификации сущности нации, выяснению ее сущностных свойств или отысканию (подтверждению) этих свойств с помощью верно найденного понятийного инструментария и фактов. Это, в свою очередь, естественным путем обосновывает (а уже потом объясняет) историческую *необходимость* и неизбежность существования нации, сущностные свойства которой идентифицированы в «исторической реальности», а еще лучше – в «исторической правде». Возможно, поэтому категории идеологических и политических практик в «национализированной» истории/историографии довольно легко получают статус научно-аналитических. В таком

качестве они возвращаются в идеологический обиход и своей «научностью» легитимируют политический язык. Идеальным примером может служить категория «национальное возрождение», равно интенсивно используемая как в идеологическом, так и в научном языковых пространствах.

Телеология и эссенциализм наиболее выразительно осуществляются в *этноцентричности* канона. Главным субъектом истории является народ (украинский), который отождествляется с одним или группой генетически родственных этносов и субэтносов. Содержание «национализированной» истории в научном варианте – превращение этого народа (этносов) в нацию. В таком способе пояснения и объяснения неизбежным будет отождествление понятий «народ» и «нация».

С этим будет неразрывно связан еще один важный компонент канона – *культурная эксклюзивность*. Тут возможны варианты. Самый примитивный и доступный воображению и в то же время наиболее легкоусвояемый и технически достижимый – игнорирование присутствия других этносов и наций в общем пространстве и времени, отрицание наличия целой системы взаимных влияний и взаимодействий с Другим(и). Более «изысканный» вариант – признание факта присутствия Другого, прежде всего как фона собственной национальной эксклюзивности. Тут присутствуют разные оттенки: Другой может служить позитивным или нейтральным фоном, он может присутствовать как в границах «своей» территории, так и вне их. Разумеется, кто-то из числа Других обязательно будет играть роль врага, мешающего объективному ходу истории – нормальному развитию «своей» нации.

Все перечисленные базовые черты метода «национализированной» истории/историографии реализуются в таких профессионально обусловленных признаках канона, как *линейность* и *абсолютизация* континуитета в истории «этноса—народа—нации». Наиболее показательный пример – схема «перетекания» национальной истории. В украинском варианте эта схема реализуется следующим образом: присутствие автохтонных племен и племенных образований (конечно же, еще трипольской культуры) на современной территории Украины в первом тысячелетии до и первом тысячелетии нашей эры, начало государственности, ее развитие и этническая консолидация времен Киевской Руси, передача эстафеты Галицко-Волынскому княжеству, «польско-литовская эпоха» с присутствием этноконфессиональной и культурной «отдельности», казачья эпоха и государственность (уже

называемая национальной), Гетманщина с ее пусть ограниченной, но автономией, упадок Гетманщины и «компенсационное» присутствие культурного/территориального патриотизма, затем «национальное возрождение» с апогеем в революции 1917–1921 гг. (национальной, украинской) и украинской государственностью в разных ее формах этого же периода. Затем схема раздваивается: для одних советская государственность является «провалом», «черным пятном» в национальном бытии, для других – вполне легальной частью национальной истории. Для первых «разрыв» компенсируется наличием национально-освободительного движения (сюда попадают любые формы сопротивления «чужим» режимам – от культурной фронды до партизанского движения). Для вторых разрыва не существует. И наконец, 1991 г. становится венцом «тысячелетней истории». Собственно, тут «историческая» нация окончательно превращается в «историческую», становится полноправным субъектом истории. Разрывы в государственной истории компенсируются идеей культурной и народной традиции, носителем контринуитета, разумеется, выступает автохтонный украинский этнос/народ²².

Представленные здесь «родовые» черты канона «национализированной» истории/историографии вполне вписываются в стандартную европейскую схему национальной истории, сложившуюся во второй половине XIX в. и вполне успешно дожившую до наших дней на страницах школьных учебников многих европейских стран. Парадоксально, однако в некотором смысле возвращение к канону «национализированной» истории обеспечивало и своего рода возвращение в «Европу», только Европу довоенную...

Следует заметить, что эти черты определяют интерпретационную и познавательную направленность «национализированной» историографии не только в самоопределении национального коллективного Я, но и в процессе сопоставления этого Я с Другим. Это само собой накладывает отпечаток на выяснение положения и миссии своей нации между «Востоком» и «Западом». Здесь проблема решается в рамках телеологических и эссенциалистских конструкций и монохромного видения своей нации, ведущих к оппозициям, конфронтациям, полярным противопоставлениям и методу исключения.

Не менее важным обстоятельством является и то, что интеллектуальная герметичность «национализированной» историографии в сочетании с методологическим вакуумом, возникшим после того, как советский вариант марксистской методологии

истории был интеллектуально и морально дискредитирован, спровоцировали поиск более разнообразных интерпретационных и познавательных моделей.

И здесь пришел черед «Запада» – появление и расширение контактов профессиональных историков Украины с западным «обществоведением» в разных его ипостасях (индивидуальных, институционных) неизбежно привело к расширению интеллектуальных горизонтов и стремлению выйти за пределы упомянутого канона. Историки бросились догонять «западную историографию», одним из результатов этого процесса стала ревизия методологического арсенала «национализированной» историографии и попытка создания новых версий.

Интеллектуальный вызов «национализированной» истории, основанный прежде всего на ее методологической ограниченности и порожденных ею интерпретационных крайностях, зародился в профессиональной среде уже в первой половине 1990-х годов. В 1993 г. на международном круглом столе «Формирование украинской нации: история и интерпретации» состоялась довольно острая дискуссия между «перенниалистами» и «модернистами»²³, открывшая серию дебатов (впоследствии в основном заочных) между сторонниками удревления возраста украинской нации и теми, кто придерживался более взвешенного подхода к вопросу о нациогенезисе²⁴. В 1995 г. американский историк Марк фон Хаген своей весьма провокативной статьей «Имеет ли Украина историю?»²⁵ впервые четко обозначил основные акценты для критики «национализированной» историографии, в дальнейшем предложенный им сценарий был реализован украинскими историками, даже теми, кто его статью не читал.

К концу 1990-х в Украине уже сложилось небольшое, но достаточно стабильное сообщество историков, способных осуществить ревизию доминирующей схемы национальной истории и выдвинуть альтернативные интерпретации²⁶. Оно «воссоединилось» с западными коллегами, усматривавшими в украинской истории гораздо более широкие возможности и для теоретических обобщений, и для разработок конкретных сюжетов.

В украинском случае дебаты между сторонниками и критиками «национализированной» истории мало зависели от политического контекста – государство сразу же и прочно взяло канон «национализированной» истории за основу гражданского воспитания, так что в профессиональной среде эти дискуссии действительно имели именно академический характер. Обсуждения, конечно

же, происходили и за пределами этой среды (достаточно вспомнить политические дискуссии о Голодоморе и ОУН – УПА или уличные стычки между демонстрантами, отмечавшими разные «спорные» годовщины: одни – годовщину создания УПА, другие – годовщину победы в Великой Отечественной), однако для историков они не заканчивались «организационными выводами».

Между «Востоком» и «Западом»: «ориентация на местности»²⁷

Центральным элементом процесса «опредмечивания» украинской национальной истории, превращения Украины из объекта истории в ее субъект стало определение места «своей» эмансипированной истории в системе историко-географических координат. Сообразно логике процесса построения национальной истории центральным вопросом стало определение места Украины в дихотомии «Восток»–«Запад»: вопрос, на который приходилось отвечать большому количеству континентальных европейских наций – от Атлантики до Урала и Кавказа.

Процессы включения истории в формирование национальной идентичности, легитимации новых государств и их политических элит, использование истории для выработки некоей единой формы гражданского самосознания, для масштабной индоктринации и формирования лояльных граждан неизбежно предполагали выяснение образа собственного коллективного, в данном случае – национального, Я и сопоставления его с воображаемым Другим.

В пространственной системе координат это была идентификация места своей нации²⁸ в цивилизационных системах, в самом общем плане – в рамках метафорической дихотомии «Восток»–«Запад», где под первым разумелись культурные, государственные, экономические и социально-психологические формы, связанные с культурной и экономической отсталостью, подчинением индивида коллективу и государству, деспотией и авторитаризмом; а под вторым – индивидуализм, демократия, свободный рынок, разнообразие культурных форм, идеологический плюрализм и свобода личности.

Поскольку отделение происходило как отчуждение от империй, располагавшихся и на «Западе», и на «Востоке», неизбежным было противопоставление «отделившейся» национальной истории ранее общему пространству, сопровождавшееся попыт-

ками интеграции (часто понимаемой как реинтеграция) в другое общее пространство, представляемое желанной и оптимальной альтернативой. Историческим воображаемым пространством, из которого нужно было уйти в конвенциональном, стандартном восточноевропейском национальном проекте, разумеется, представляли «Восток»/Россия²⁹, а тем, куда нужно было попасть/вернуться, – воображаемый «Запад», или «Европа».

Определение места «своей» нации в системе исторических, историко-географических, культурных и политических координат в рамках «национализированной» истории/историографии предполагало создание таких национальных мифологий, которые позволяли бы не просто «выделить» или «отделить» свою историю из/от познавательных структур, схем и нарративов, ранее представлявшихся общими, но и доказать историческую обоснованность такого выделения. Следует заметить, что главной целью, артикулируемой прямо или косвенно, однако во всех случаях весьма интенсивно, было отделение от «общерусской» истории и «воссоединение с общеевропейской»³⁰. Такой вектор «выхода из» и «входа в» можно достаточно основательно объяснить стандартной практикой национализма: достижение воображаемой и реальной (духовной, интеллектуальной, идеологической, культурной, политической) автономности (самостоятельности) для наций Советского Союза (или шире – «социалистического лагеря») предполагало, помимо прочего, вхождение в мир европейских наций в качестве культурно (а значит, и политически) самостоятельных единиц.

Поскольку в рамках предыдущего, советского, коммунистического исторического и культурно-политического опыта, как представлялось, такая самостоятельность не допускалась, вполне логично этот опыт отрицался, отбрасывался, осуждался как негативный. Логика «национализированной» истории предполагала: первый шаг – превращение в полноценную, «историческую» нацию. Второй – вхождение нации, «восстановившей» свою историю и историческую полноценность, в семью европейских наций. Вопрос о цивилизационной принадлежности решался при этом в основном двумя способами. Первый – радикальный разрыв с «Востоком» (Россией, Советским Союзом, империей) и не менее радикальное воображаемое вхождение (трактуемое как «возвращение») в Европу, т. е. на «Запад». Второй – более компромиссный, но иногда не менее радикальный с точки зрения формирования негативных/идеализированных стереотипов Другого –

представление о себе как о культурном и цивилизационном мосте, смешанной культурной зоне или, выражаясь более современным научным аргументом, «пограничье» между «Востоком» и «Западом» (как правило, «западные» элементы в этой схеме представляются как позитив, а «восточные» – как негатив национального эго). Здесь прослеживаются вариации: в одних случаях собственная нация представляется как поставщик «западных», «передовых» культурных ценностей и приоритетов на «отсталый Восток», в других упор делается на миссию «барьера между Востоком и Западом», в третьих речь идёт о сочетании неких культурных черт «Востока» и «Запада» в национальной истории и культуре как свидетельстве ее уникальности, лабильности и силы. Во всех вариациях прямо или контекстуально присутствует идея приоритетности «западных» элементов над «восточными».

В этом контексте мы и рассмотрим ряд базовых мифов «национализированной» истории Украины: как в них осуществлялся уход с/из «Востока» (отождествляемого прежде всего с русско-центрической, на определенном этапе имперской, версией истории) на «Запад», отождествляемый с историей национальной, или же как в них отображалась (или отсутствовала) идея исторического, культурного или цивилизационного «пограничья».

В этом смысле одним из основополагающих можно считать миф о происхождении.

Сверхзадачей для историков стало, во-первых, доказательство давности своей нации, ее как можно более продолжительного присутствия в европейской истории, во-вторых, преодоление «синдрома колыбели» или же имперского/советского мифа о единстве трех братских славянских народов.

Для украинских историков задача несколько облегчалась наличием более давней «сепаратистской» историографической, интеллектуальной и идеологической традиции, берущей начало еще во второй половине XIX в. (М. Максимович, В. Антонович, М. Грушевский). Этот более чем солидный историографический фундамент дополнялся археологическими, этнографическими и антропологическими изысканиями, также академического характера приблизительно того же периода, правда, с заходом в первые два десятилетия XX в.

Такая традиция позволяла просто вернуться к готовым формам, согласно которым можно было не только отделить древнюю украинскую историю от московской и имперской версии, не только превратить Киевскую Русь в колыбель только укра-

инского народа/нации, но и найти генетико-антропологические различия между украинцами, русскими и белорусами. В одной из работ современного профессионального археолога утверждалось, например, что «современные украинцы генетически связаны с народонаселением Южной Руси, в отличие от большинства белорусов и русских, которые принадлежат к другому антропологическому типу»³¹.

Погружение во тьму веков, необходимое для удревления возраста нации, разумеется, дает далеко не лишний повод подчеркнуть ее воображаемую «европейскость». Можно проигнорировать параноидальные крайности историков-любителей, утверждающих, что украинцы-арии являются прародителями европейской цивилизации³². Однако нужно учитывать их влияние на массовое сознание. На этом же уровне, как и в более профессиональной культурологии и даже историографии, большой вес имел популярный «трипольский миф», согласно которому предками современных украинцев были племена трипольской археологической культуры (III тыс. до н. э.). Он также включал в себя уже неизбежный европейский компонент: утверждение о том, что «трипольская цивилизация» (а вовсе не какая-то археологическая культура) была в свое время наиболее развитой не только в Европе, но и во всем мире³³. Еще более выразительно «европейский вектор» прослеживается в академически уже вполне солидной официальной концепции раннефеодальной «украинской» государственности – Киевской Руси (которая в этой версии вполне ожидаемо претендует на звание крупнейшего европейского государства). Стандартный набор «европейскости» здесь достаточно разнообразен – от династических браков дочерей Ярослава Мудрого с «европейскими» государями (здесь «чемпионство» принадлежит Анне Ярославне, королеве Франции) до истории о короновании галицко-волынского князя Данилы. Во Львове в начале 2000-х годов появился мощный монумент, выдержанный в эстетике конных статуй второй половины XIX в., надпись на котором гласит «Король Данило». Все-таки король, а не князь – а это уже Европа...

Здесь встречаются и более изысканные варианты. Один из видных сторонников национализированной версии украинской истории уже в Киевской Руси усматривал явные признаки *нации* под названием «русь», возникшей в результате слияния «восточнославянского» начального субстрата, норманнов и иранских племен, разумеется, исходный, «автохтонный» суб-

страт ассимилировал пришельцев³⁴. Автор прямо не указывал на это, однако в логике и аргументации прослеживалась популярная для национального нарратива идея первенства своей нации в соревновании за величину взноса в копилку общеевропейской цивилизации.

Уход из «общеславянского» (читай – «общерусского») исторического пространства являлся необходимой предпосылкой для вхождения в другое, считавшееся альтернативным, – свое собственное «европейское» и выстраивания телеологии, позволяющей доказать европейскую генеалогию своей нации.

Отношения со «степью» и «монголо-татарское нашествие» дали основания для начала эксплуатации одного из наиболее популярных мифов украинской «национализированной» историографии – о цивилизационном «барьере». Здесь первые формулировки также относятся к рубежу XIX–XX вв.: «отец» украинской истории М. Грушевский в своей фундаментальной «Истории Украины-Руси» достаточно четко обосновал идею о выдающейся и даже «почетной» роли украинского народа в обороне европейской культуры от «азиатских орд». Интересно, что этот миф был адаптирован советской нормативной историографией, а в 1990-е вполне благополучно перекечевал в официальную версию украинской истории.

Наиболее пригодными с точки зрения набора стереотипов в стиле «исторического еврореонта» национальной истории являются новые интерпретации героического казачьего периода истории Украины. Тут в наборе соответствующих исторических мифов, конечно же, почетное первое место занимает идея «украинской национальной революции середины XVII столетия», выдвинутая в научном исследовании и немедленно репродуцированная на уровне школьной и вузовской нормативной истории. В своих базовых формулировках эта идея выглядит так: в середине XVII в. (если более конкретно – в 1648–1676 гг.) в Украине (иногда используется эвфемизм «украинские земли») происходила национальная революция. Ее результатом стало создание национального государства, которое вследствие внутренних раздоров и давления со стороны соседей (разумеется, России и Польши) погибло, однако «украинские земли» сохранили остатки автономии и самоуправления, а с ними и соответствующую традицию. В ходе упомянутой национальной революции возникла «национальная государственная идея», которая стала «для следующих поколений украинцев неписанным заветом в борьбе за независи-

мость»³⁵. Революция стала импульсом для формирования новой политической элиты, для развития национального самосознания, в частности «идеологии элитарного украинского национализма», она пробудила «волю нации к самоутверждению и самовыражению в форме независимого соборного государства». Украинская национальная революция XVII в. была событием, аналогичным революциям XVI–XVII вв. в Нидерландах, Англии, Германии и Франции, это было событие европейского масштаба, и принадлежит оно европейской истории.

Эта научная разработка, полностью построенная на риторике романтической историографии XIX в. с огромным количеством логических форм, построений и риторических фигур советского варианта марксистской историографии³⁶, немедленно, без каких-либо дискуссий была абсорбирована официальной версией национальной истории.

Следует заметить, что другой автор, позиционировавший себя как приверженца модернистского подхода к проблеме генезиса наций и действительно опиравшийся на изрядное количество цитат западных «модернистов», был вполне солидарен в идентификации европейского измерения украинской истории в аналогичных периодах. И если предыдущие авторы комфортно совмещали стандартную риторику романтического национального исторического нарратива с терминологией классовой истории, то Я. Грицак соединил его с категориальными периодами западной социологии à-la Э. Геллнер и схемой украинского историка И. Лысяка-Рудницкого, предполагающей наличие в истории «домодерных» и «модерных» наций. Период формирования последних, по мнению Я. Грицака, в Европе (и, как оказывается, в Украине) относится ко времени «постепенного преобразования аграрного, малограмотного и маломобильного общества в индустриальное, образованное и мобильное, с широкими политическими правами и экономической свободой для всех его членов, а не только для верхушки»³⁷. По мнению Я. Грицака, процесс формирования украинской нации происходил синхронно с аналогичными процессами в Западной Европе, т. е. начался еще в XVI в. Церковные движения и казацкие войны XVI–XVII вв. являются аналогами общеевропейского процесса возникновения новой формы коллективной идентичности — национального самосознания.

Автор достаточно четко сформулировал свои «прикладные» намерения: история украинской нации должна быть частью об-

шемирового (или общеевропейского) процесса. История восточноевропейского региона (куда Я. Грицак без сомнений помещает Украину) «все-таки вмещается в общую схему периодизации мировой истории»³⁸.

Совпадение в попытках и стиле профессиональных историков, последователей разных интеллектуальных традиций, «европеизировать» украинскую историю, вряд ли можно считать случайным. Дело в том, что, несмотря на различия в пояснительной и обосновывающей риторике, интеллектуальный коридор, по которому кто на ощупь, а кто ведомый светлячками «западной мысли» бредут упомянутые исследователи, достаточно узок. Это коридор «национализированной» истории, в котором указатели на стенах всегда одни и те же, вне зависимости от того, на языке какой нации они написаны. В конкретном случае Украины национальная история, отделенная, эмансипированная от «истории СССР с древнейших времен и до наших дней», в познавательной, идеологической и политической ситуации 1990-х годов не имела никаких шансов попасть куда-либо, кроме Европы, даже в тех случаях, когда этой воображаемой Европы еще и не было.

Если вернуться к историческим мифам, помещающим Украину в семью «исторических» европейских наций, еще одним, достаточно важным и вполне стандартным, а значит, репрезентативным является миф о праве на культурно-историческое первенство или приоритет, являющиеся необходимым свидетельством принадлежности к уже давно культурно развитым (читай – европейским) нациям.

Миф о цивилизаторской миссии может простираться как на Восток, так и на Запад. Приведем пример, который может показаться анекдотическим, если бы он не был взят из учебного пособия, которое используется в процессе «научения» своей собственной истории и работает на формирование мегаломанских представлений о национальном историческом Я. Вот пассаж из учебного пособия по украинской педагогике: «Каждый должен знать, что кошевой атаман Иван Сирко воевал даже во Франции, потом в Парижском университете читал лекции по истории Украины и Польши. Этот выдающийся полководец и дипломат, энциклопедист своего времени, владевший многими языками, обладал знаниями, которые равнялись знаниям самых выдающихся ученых мира того времени... В лекциях по истории Украины, с которыми И. Сирко выступал в столичном университете Франции, он подробно останавливался на древних украинских (еще праук-

раинских) традициях теловоспитания и телосовершенствования, на системе украинско-казацких школ военного единоробства и самозащиты, их влиянии и единстве с интеллектуальным и духовным воспитанием... Однако И. Сирко в истории казачества и казатчины — явление вовсе не уникальное, таких подвижников было немало в Украине, — они были в каждом населенном пункте, в каждом казацком отряде, полку»³⁹.

Среди наиболее привлекательных конструкций, одинаково ценных для всех центрально- и восточноевропейских исторических мифологий, является миф о «врожденном» демократизме своих наций (как правило, в противопоставлении Другому, коим все время оказывается Россия и русские) и о первенстве в законодательном обустройстве. Со времен классиков национальной историографии XIX — начала XX в. стандартная версия национальной истории украинцев обязательно содержит ссылки в одних случаях на «вечевую демократию», в других — на «христианскую казацкую республику». Разумеется, важным элементом подтверждения одновременно и демократичности, и принадлежности к европейскому миру является упоминание о наличии на «исторических территориях» Украины Магдебургского права.

Близким к тезису о «врожденной демократичности» является миф о «раннем конституционализме». В украинском случае эквивалентом «первой в Европе» конституции является конституция гетмана-эмигранта Пылыпа Орлыка. Здесь, как правило, упор делается на то, что она появилась до своих аналогов во Франции и США. Разумеется, миф о первой европейской (украинской) конституции является обязательным элементом «учебниковой» истории — как школьной⁴⁰, так и вузовской.

Миф о демократическом и «европейском» первенстве украинцев иногда принимает несколько экстремальные формы. В брошюре, подготовленной Институтом стратегических исследований при президенте Украины к 350-летию Переяславской Рады, утверждалось, что «социально-экономическое устройство Украинской Казацкой державы было более развитым, чем в Московской державе, где существовало крепостничество, и чем в Речи Посполитой»⁴¹. По мнению авторов, в построении украинского государства Богдан Хмельницкий опирался на «элементы гражданского общества» и «передовые европейские достижения». Уже в середине XVII в. он создавал *президентскую республику*, добился *бездефицитного бюджета* и ввел политику *свободной торговли*. В период его правления были

созданы возможности для становления в Украине «буржуазно-демократического государства европейского образца»⁴². Такой набор анахронизмов является стандартным для стандартного «национализированного» нарратива, однако в данном случае он явно сигнализирует о намерениях авторов продемонстрировать «продвинутость» их воображаемой Украины по сравнению с их воображаемой Европой.

Приведенные примеры, следует надеяться, достаточно наглядно демонстрируют общую направленность исторических изысканий в узком и прямом коридоре «национализированной» истории: прочь от «Востока/России» и «Дан приказ ему на Запад», в Европу. Впрочем, когда «незавершенный проект модерности» был завершен по крайней мере как линейная реконструкция «своей» истории, немедленно начались поиски ответвлений от магистральной линии. И эти поиски тоже имели свою интеллектуальную историю.

Поиск места своей нации в историческом, цивилизационном и геополитическом пространстве, разумеется, не начинался для интеллектуалов Украины с нуля. В обоих случаях эти поиски имели под собой достаточно продолжительную интеллектуальную традицию, которую в конце 1980 – начале 1990-х годов удалось изобрести еще раз. Скорее всего именно так – как повторное «изобретение традиции», – видимо, следует воспринимать обращение украинских интеллектуалов к мыслям и обобщениям их предшественников и переосмысление/реконструирование ими национальной истории.

Украина и украинцы – и как воображаемые сообщества, и как субъекты истории – не могли не столкнуться с этой классической дилеммой в процессе конструирования истории и наций. В украинской интеллектуальной традиции «Запад», как правило, предстал в облике «Европы» (в разных ее территориальных ипостасях), а «Восток» – или в образе Византии и «византинизма», или в облике Степи, или в образе России. Ко времени формирования национальных украинских проектов (вторая половина XIX – начало XX в.) образ России/«Востока» стал доминирующим в идеологических и научных дискурсах (которые нередко совпадали и переплетались), а Степь и тюркские влияния переместились как объект интереса в основном в область академических исследований⁴³.

Становление украинского национального проекта первоначально происходило параллельно и с разной интенсивностью

на территориях Габсбургов и Романовых, однако реальную силу и перспективы реализации этот проект получил только тогда, когда окончательно сформировалась идея соборности (единства) украинских этнических земель, т. е. в последней четверти XIX в. Попутно заметим, что эта идея соборности как политический концепт была сформулирована украинскими социалистами и в западной Украине (Юлиан Бачинский, 1896), и в «восточной» – Братство тарасовцев (1893), Революционная украинская партия (Харьков, 1900). Чрезвычайно важной особенностью становления украинского национального проекта было его противопоставление другим национальным проектам, прежде всего – обоим российским (имперскому и этническому) и польскому. Уже здесь прочитывается дилемма «Европа» – «Запад» или «Россия» – «Восток», не зря деятели российских имперских охранительных структур совершенно искренне полагали, что украинское движение в рамках империи является продуктом польской или немецкой интриги.

Весьма показательно, что на рубеже XIX–XX вв. в украинском проекте построения единой нации присутствовало две тенденции: 1) автономная Украина в составе демократической России (здесь при желании прочитывается «вестернизированный Восток»); 2) автономная Украина в составе монархии Габсбургов (тут уже прямой путь в «Европу»). В годы Первой мировой войны и последовавших за нею революций обе тенденции трансформировались в идею создания отдельного государства, в результате чего и возникли два украинских государства – Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, неудачно попытавшиеся объединиться в январе 1919 г. Заметим, что если отделение Западной Украины от «европейских» Габсбургов означало самоидентификацию и самоопределение именно в воображаемом «европейском» культурном и политическом пространстве (пусть даже окраинном), то отделение «большой Украины» (как ее называли западные украинцы) от «азиатских Романовых» получило более выразительный «роевропейский» вектор только после большевистского переворота и интервенции большевиков на территорию Украинской Народной Республики в начале 1918 г. Впрочем, фактически выбора между «Россией» и «Европой» для деятелей УНР не было, поскольку кайзеровская Германия, на которую они сделали ставку, потерпела поражение, а Европа Антанты не имела четких представлений о наличии украинского проекта (в отличие от польского, например).

Все это не могло не отразиться на позициях мыслителей, пытавшихся определиться с местом своей нации. В украинской интеллектуальной традиции культурная, цивилизационная и политическая дилемма «Между Востоком и Западом» с явными отсылками к историческому опыту окончательно сложилась в 1920–1930-х годах, ее можно связать с именами националиста Д. Донцова, коммуниста-романтика М. Хвылевого и консерватора В. Липиньского. И если первые два решали проблему на принципе культурных оппозиций «чужим» культурным влияниям, «портящим» национальное Я (здесь упор делался на разрыв с Россией, или, более метафорически, — с Москвой), то последний искал возможности для их гармонизации. Возможно, именно В. Липиньский впервые употребил относительно украинской культурной истории понятие «пограничье».

С разгромом «национал-коммунизма» в конце 1920 – начале 1930-х годов и присоединением Западной Украины к СССР интеллектуальные дискуссии на тему выбора между «Востоком» и «Западом» прекратились, по крайней мере на поверхности общественной жизни. Неким их отголоском можно считать борьбу с космополитизмом и влиянием «гнилого Запада» в конце 1940 – начале 1950-х годов, когда пострадали вполне лояльные власти интеллектуалы, заподозренные в склонности к западным образцам. Для большинства украинцев официальной «Европой» стала Москва. Неофициальной – Львов, Ужгород, Вильнюс, Таллин, Рига. Еще более неофициальной – Варшава и Прага; во всяком случае, для советских украинцев, прежде всего интеллектуалов, контакты с соплеменниками в Польше и Чехословакии были, пожалуй, главным «окном в Европу», это стало наиболее очевидным в годы «оттепели» и так называемой ресталинизации, когда Польша и Чехия стали главными каналами переправки украинского самиздата и тамиздата на Запад и обратно.

После появления независимой Украины «техническая» проблема (в)хождения в Европу для украинских интеллектуалов была решена: благодаря многочисленным программам обмена, стипендиям, грантам «Европа» и ее «младшие сестры» за Атлантикой стали не просто доступны, а для некоторых гуманитариев превратились в место почти постоянного проживания. Научные и культурные контакты, обеспечиваемые почти исключительно неукраинскими средствами, немало способствовали появлению ощущения собственной европейскости, а ознакомление (не всегда глубокое) с разнообразными подходами и методологиями, ранее

недоступными, расширяли горизонты. Появились интеллектуальные основания для поиска более изысканных мыслительных и аналитических конструкций.

В конце 1990-х годов, когда украинские историки дозрели до критических саморефлексий, интересное наблюдение по поводу разных «потоков» в размещении «себя» между «чем-то и чем-то» сделала Н. Яковенко⁴⁴. Методом классификации она избрала деление гуманитариев (историков) на поколения, а главными индикаторами – «представления о собственном жизненном и геокультурном пространстве».

Старшее поколение, по ее мнению, видит залог «возрождения» украинской науки в ее возвращении к ценностям национальной истории, и поскольку «пространство нации представляется некой целостной, самодостаточной в своей уникальности единицей», они, если мысль автора понята правильно, ищут для Украины собственный, «третий» путь – ни с Востоком, ни с Западом.

Среднее поколение, продолжает Н. Яковенко, ориентируется в основном на межвоенную и послевоенную эмигрантскую мысль и, с энтузиазмом подхватив родившуюся в 1920-х годах формулу «Украина между Востоком и Западом», выделяет в ней западную составляющую: «европейскость» Украины предстает как следствие некой трансплантации «прогрессивной» европейской культуры без определения конкретного пункта рецепции – «из стран Западной Европы»⁴⁵.

Третья (наименьшая) группа исследователей (младшего поколения) «скептически воспринимает и анахронизмы адептов “национальной истории”, и безадресный энтузиазм сторонников “европейскости” Украины». Как считала Н. Яковенко, источником вдохновения и даже «эталонном» для этих историков были труды американских и канадских украинистов, а также общение с польскими коллегами. В этом кругу также признают положение Украины «между Востоком и Западом», однако «западные» элементы увязывают с пересадкой «латинской» культурной традиции через Польшу, прежде всего времен Речи Посполитой. Как справедливо указывает автор этой классификации (имевшей множество исключений и вариаций и к нынешнему времени несколько сменившей адресата с точки зрения поколений), во всех упомянутых дискурсах не присутствует Восток.

В итоге в рамках всех перечисленных дискурсов «пространство “между Востоком и Западом”, – констатирует Н. Яко-

венко, – окончательно сместилось в сторону Запада»⁴⁶. Сама автор придерживается мысли об Украине как перекрестке культур: «...территория Украины, благодаря своему географическому расположению на стыке Евразийской Степи и двух массивов европейской (“византийской” и “латинской”) культур, действительно является “перекрестком” между Азией, православной Европой и “латинской” Европой»⁴⁷.

Чуть позже и гораздо более пространно на эту тему высказалась польская исследовательница Оля (Александра) Гнатюк. Предметом ее внимания были преимущественно литераторы, в более широком смысле – «интеллектуалы», в число которых по доброте автора попали историки. Как считает О. Гнатюк, в Украине соперничают пять интеллектуальных видений Украины между Востоком и Западом⁴⁸. Первая версия: украинская культура как культура пограничья между Востоком и Западом, в совокупности ее составляющих и в разнообразии, порожденном этой пограничностью, является сутью украинской идентичности. Интерес к упомянутому культурному разнообразию особенно велик относительно периода XVI–XVII вв., когда контакты Востока и Запада на «украинских землях» были особенно интенсивны. Украина – своего рода мост, объединяющий Восток и Запад, культурный посредник. Наличие элементов разных культур в украинской сторонники этой версии считают преимуществом.

Вторая версия: украинская культура как поле, на котором соперничали две чуждые и даже враждебные цивилизации. Здесь Украина предстает территорией конфликта, водоразделом между этими цивилизациями. Эта версия предполагает культурную приоритетность, верховенство Запада и особую роль Украины как защитника европейских ценностей. Черты Востока, отождествляемого прежде всего с Россией и набором стандартных стереотипов (деспотия, жестокость, культурная отсталость), отмечают или признаются негативными при наличии их в своей культуре (если оно вообще признается), всячески культивируется идея «западности» украинской культуры.

Третья концепция основывается на различиях между Восточной и Западной Украиной. Уточняя мысль автора, можно сказать, что здесь в пределах национального пространства выделяются свои собственные Восток и Запад. Однако их наличие внутри собственного культурного пространства приводит не к культурному синтезу и неповторимости (как в первой версии), а к конфликту и разделению общества, расщеплению идентичнос-

ти. Здесь стоит упомянуть бурную дискуссию по поводу «двух Украин» (которой О. Гнатюк уделила немало места), спровоцированную публицистом М. Рябчуком: реакция украинских интеллектуалов отразила достаточно острые переживания по поводу наличия «двадцати двух Украин» и своих собственных «Востока и Запада» внутри Украины.

Четвертый подход состоит в попытках вписать национальную культуру в западный контекст с помощью средств искусства или через интеллектуальный дискурс.

Наконец, сторонники пятого варианта помещают Украину в центр Европы. Таким образом формируется специфический вариант «украинской европейскости», отличный от всех остальных.

О. Гнатюк суммирует свои наблюдения очень важным замечанием: «Выразителям всех концепций присуще ощущение чуждости европейской культуры, которое проявляется с разной интенсивностью. В пределах первой концепции речь идет об ощущении непохожести, не выраженном через ценностные категории, в границах второй, третьей и четвертой — о трактовке европейской культуры или как образца, или как объекта культурных устремлений, либо как меры собственного несовершенства. Что же касается пятой концепции — здесь мы имеем главным образом критическое отношение к европейской культуре — вследствие ощущения отвергнутых ею или разочарованных в ней»⁴⁹. Стоит согласиться с мнением польской исследовательницы, что определяющей в каждом из упомянутых дискурсов является позиция относительно собственной культуры и перспектив ее модернизации⁵⁰. Страх перед модернизацией провоцирует желание доказать особую историческую роль Украины или ее культуры и консервировать или воспроизводить те образцы, которые свидетельствуют об ее уникальности⁵¹.

В процессе поисков разрешения «проклятой дилеммы» наблюдалось своего рода ее методологическое оплошление, когда, по раздраженному замечанию А. Голочко, она стала превращаться в общее место. В то же время именно историки, вкусившие с древа познания «западной» методологии (в разных, в том числе транслированных, формах), решились на то, чтобы ступить на минное поле рассуждений о ней.

Интересно, что на достаточно высоком профессиональном уровне проблемой заинтересовались историки-медиевисты

и те, что посвятили себя изучению раннемодерной истории Украины, – историки тех периодов, когда интерпретация этой метафоры предполагает постмодернистские вариации. Интересно, что в независимой Украине первое «воззвание» в духе «Украина как пространство пограничья» прозвучало из уст именно того историка, который по определению как бы принадлежал к адептам «национализированной» историографии. Львовский медиевист Я. Дашкевич, явно вдохновленный идеями В. Липинского, довольно пространно высказался по поводу украинских земель как большого кордона «между Востоком и Западом». Говоря об Украине периода с середины XIII и до конца XVIII в., Я. Дашкевич идентифицирует здесь несколько важных природных и антропогенных «кордонов», которые, по его мнению, существуют и сейчас: *биологический* или, как сейчас принято говорить, *экологический* – между степью и лесом с промежуточной полосой лесостепи; *гидрографический* – Большой европейский водораздел между бассейнами Черного и Балтийского морей; *социально-экономический* – между кочевничеством и оседлостью; *этноконфессиональный* – между славянами и тюрками-язычниками, позже мусульманами, и в результате *этнокультурный* – между, вообще говоря, культурой Запада и культурой Востока. При такой насыщенности кордонами можно целиком согласиться с мыслью, что по территории Украины проходил, в зависимости от политических обстоятельств, также *Большой кордон*, который, как уже упоминалось выше, прокладывают по всему земному шару»⁵². Эти рассуждения любопытны, помимо прочего, постоянным присутствием «Украины» и «украинцев» как данности в описываемый период – типичный прием «национализированной» историографии. Нетипичным является то, что Я. Дашкевич признает наличие антропологических, культурных и политических влияний «Востока» через зону Большого кордона на «Украину» и «украинцев». Для него Великий кордон – это не «санитарный барьер», а «зона разнообразных этнических контактов», зона этнокультурного обмена. Разумеется, такое понимание пограничья используется именно для утверждения идеи национального своеобразия украинской нации.

Интересно, что другой историк, не признающий некоего вневременного, трансцендентного присутствия «украинцев» и «Украины» во времени и пространстве, трактует пограничье также как контактную зону. При этом Н. Яковенко признает еще и наличие постоянно «плавающих» кордонов, которые могли быть

внутренними, могли становиться и внешними, а потом вновь превращаться во внутренние. «Пространство, которое сегодня является территорией Украины, в течение многих веков расчленили постоянно смещающиеся внутренние кордоны: между языковыми и этническими группами, государствами, религиями, политическими и культурными системами, ареалами кардинально отличающихся экономических укладов. Это сделало его ярко выраженной контактной зоной с весьма пестрым спектром социокультурных феноменов»⁵³.

Медиевиста и текстолога А. Толочко, также в некотором смысле оппонента Я. Дашкевича в плане национального «миллениума», метафора привлекла с точки зрения оценки ее инструменталистских возможностей в пояснительных схемах. По его мнению, популярность обращения к ней обусловлена инструменталистской универсальностью схемы. «Ее привлекательность, — писал он, — кроме всего иного, состоит в предполагаемой способности (благодаря метафорической формулировке) объяснять любые явления в украинской истории (от Киевской Руси до разочарования времен независимости) пограничным статусом Украины, ее несчастливым (или, наоборот, на редкость удачным, в зависимости от предпочтений) расположением между двумя цивилизациями, которое в конечном итоге привело к одновременной независимости от каждой из них. При этом такой способ мышления оставляет еще и простор для оптимизма — иллюзорной возможности для удачного синтеза *the best of two worlds*. Привлекательность идеи усиливается еще и тем, что она является очевидным контрастом по отношению к традиционной националистической парадигме украинской истории, которая делала ударение на извечной принадлежности Украины (в отличие от ее северо-восточного соседа, имя которого не будем поминать всуе) к европейской цивилизации. Соответственно, концепция пограничности Украины все более становится манифестацией либерального видения украинской истории»⁵⁴. Пример Я. Дашкевича свидетельствует о том, что националистическая парадигма вполне комфортно уживается с идеей пограничья, поэтому референция А. Толочко о ее связи с либеральным видением украинской истории является скорее пожеланием.

Итоги

Процесс «национализации истории» в Украине завершился в конце 1990-х годов. История Украины в виде базового национального нарратива, канонической версии национальной истории стала неотъемлемой частью представлений общества о самом себе, способов презентации государства и нации как внутри страны, так и за ее пределами. Каноническая версия национальной истории отображена в образовательных стандартах, программах и учебниках. Казалось бы, существуют все предпосылки для ее «нормального функционирования» в качестве основы гражданского воспитания. Тем не менее в последние годы эта версия украинской истории вызывает все больше нареканий и претензий, иногда порожденных политической конъюнктурой, происками и спекуляциями политиков, иногда действительно гуманитарными мотивами, тревогой профессиональных историков и общественных деятелей за моральное состояние общества, в котором унифицированный вариант этнически эксклюзивной истории порождает культурную нетерпимость, ксенофобию и конфронтационные инстинкты. Тенденция последних лет, когда история все более превращается в элемент и фермент внутренней и внешней политики, является весьма тревожной – дискуссии по поводу тех или иных проблемных мест в прошлом экстраполируются в настоящее и приводят к разделению общества и даже к международным конфликтам.

Примечания

- ¹ Довольно подробный отчет содержится в сборнике, дважды изданном в Москве – в 1999 и 2003 гг.: См.: *Аймермахер К., Бордюгов Г.* (ред.). Национальные истории в советском и постсоветском пространстве. М., 2003. Следует заметить, что очерки об Украине и Беларуси, помещенные в данном сборнике, демонстрируют два разных подхода к пониманию и трактовкам историографических процессов в этих странах со стороны российских коллег: Т. Гузенкова в основном удерживается в рамках нейтральности, в то время как С. Константинов и А. Ушаков местами демонстрируют весьма плачевную тенденциозность.
- ² В 1992 г. желто-синий флаг и трезубец, за изображение которых еще пару лет назад можно было угодить в тюрьму, использовались как

государственные символы. Окончательно в этой роли они были узаконены Конституцией Украины в 1996 г.

- ³ Термины «национальная мифология», «национальный миф» не несут негативно-морализаторской смысловой нагрузки. Это аналитические категории, объединяющие некий относительно стабильный комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих исторических представлений, символов, стереотипов, стандартных трактовок, имеющих общественно важное идеологическое и культурное значение и выполняющих функции культурного маркирования.
- ⁴ Конечно, на самом деле любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое.
- ⁵ См. более подробно: *Касьянов Г.* Украина – 1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 1/2.
- ⁶ *Симоненко Р.Г.* До концепції багатотомної «Історії українського народу» (міжнаціональний та міжнародний аспекти). Киев, 1993. С. 7.
- ⁷ Суть новации и ее критика изложены в ст.: *Бистрицький Є.* Чому націоналізм не може бути наукою // Політична думка. 1994. № 2. С. 30–35.
- ⁸ Это не означает отсутствия такой политики: в 1990-е годы была создана система государственных наград, основанная на обращении к истории, введена национальная валюта, представляющая визуальный ряд национального пантеона, поставлены памятники выдающимся национальным деятелям из этого же пантеона, созданы общенациональные коммеморативные практики.
- ⁹ Слово «стратегия» означает наличие некоей достаточно уясненной цели и понимание средств ее достижения, но поскольку речь идет об обществе, оно не исключает наличия значительного количества спонтанных реакций, непредвиденных действий и эмоциональных мотивов для этих действий.
- ¹⁰ В украинской интеллектуальной и – в более узком смысле – историографической традиции, восходящей к рубежу XIX–XX вв., понятия «народ» и «нация» тождественны, украинская нация – это этнические украинцы. Понятие гражданской нации передается, как правило, термином «народ Украины».
- ¹¹ В 2005–2006 гг., когда в октябре отмечалась очередная годовщина создания УПА, на центральной площади столицы собирались ветераны УПА и их сторонники, а также ветераны Великой Отечественной, «разогреваемые» левыми. Побоища между ними стали своего рода традицией. С 2007 г. практикуется проведение публичных акций, представляющих враждующие стороны, в разных местах.

- ¹² «Зажги свечу» – ежегодная акция, задумывавшаяся как общенациональная. Первый раз проведена в 2003 г. В день поминовения жертв голода 1932–1933 гг. (ежегодно – четвертая суббота ноября) все желающие выставляют в окне горящую свечку. «Негасимая свеча» – сноп колосьев высотой около 1,5 м и весом около 200 кг, сделанный из лучших сортов пчелиного воска, собранного во всех областях Украины, в течение 2008 г. передавался из страны в страну (33 страны – их число должно было совпасть с датой трагедии), где по его прибытии проводились панихиды и митинги, к осени 2008 г. этот символ объехал и все области Украины. «Негасимая свеча» закончила свой путь в Мемориале памяти, открытом в ноябре 2008 г. в Киеве, став одним из первых экспонатов. «33 минуты» – публичная акция, проведенная с июня по ноябрь 2008 г.: в публичных местах (на площадях или возле сохранившихся памятников и памятных знаков «деятелям тоталитарного режима») каждый выходной день в течение 33 минут вслух зачитывались имена и фамилии умерших от голода в 1932–1933 гг.
- ¹³ Калиновый гай – более 200 кустов калины, высаженных депутатами парламента под руководством В. Ющенко в 2007 г. на склонах Днепра неподалеку от Киево-Печерской лавры. Там же в ноябре 2008 г. был открыт мемориальный комплекс «Мемориал памяти», центральным элементом которого является часовня-свеча высотой 26 метров.
- ¹⁴ В 2006 г. украинский парламент силами президентских фракций принял закон о Голодоморе, который квалифицировал голод 1932–1933 гг. как геноцид. Публичное отрицание Голодомора было признано аморальным и противоправным. Основываясь на этом законе, В. Ющенко в конце 2006 г. подал законопроект, предполагающий уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста *как актов геноцида*. Похожий законопроект внесли и депутаты из пропрезидентской фракции, правда, здесь речь шла только об отрицании Голодомора как геноцида. Впоследствии В. Ющенко включал этот свой законопроект как «неотложный» во все пакеты законопроектов, являвшихся предметом торга с оппонентами по вопросам разрешения политического кризиса, – факт весьма впечатляющий, говорящий о серьезности его отношения к проблеме.
- ¹⁵ С 1993 по 2008 г. голод 1932–1933 гг. актом геноцида против украинского народа признали парламенты 13 стран. Усилия украинской дипломатии, направленные на принятие таких решений на уровне международных организаций, закончились неудачей.

В 2007–2008 гг. Парламентская ассамблея ОБСЕ, Европарламент и ЮНЕСКО приняли специальные резолюции, посвященные голоду 1932–1933 гг., однако слово «геноцид», вопреки стараниям украинских дипломатических служб, там отсутствовало.

- ¹⁶ Речь идет о надругательстве над государственным символом Украины на горе Говерла и хулиганском нападении на выставку, посвященную Голодомору, в Украинском доме в Москве, совершенных активистами некоего «Евразийского союза молодежи» в 2007 г.
- ¹⁷ Звание и прилагаемый к нему нагрудный знак по сути являются копией звания Героя Советского Союза.
- ¹⁸ Проект такой резолюции был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Против проголосовали США, воздержались все страны Евросоюза, включая Эстонию и Латвию, и Украина. Поводом для принятия резолюции стали действия властей стран Балтии, попустительствующих, по мнению России, «реабилитации» солдат и офицеров национальных военных формирований *Waffen-SS* (Латвийского легиона и эстонской 40-й дивизии). Разумеется, речь шла и об УПА, Р. Шухевиче и С. Бандере.
- ¹⁹ Достаточно вспомнить публичные страсти вокруг установки памятника С. Бандере во Львове в 2006–2007 гг. или демонстрации национал-демократов и украинских националистов в Одессе, где в скульптурной группе, посвященной основателям Одессы, установленной в октябре 2007 г., наличествовал центральный образ – Екатерины Второй. Согласно школьной программе, абсорбировавшей все базовые национальные мифы рубежа XIX–XX вв., развитые эмигрантской историографией, Екатерина Вторая представляла «душительницей украинства» (равно как и Петр Первый).
- ²⁰ Термин «стратегия» употребляется исключительно как описательно-аналитическая категория. По сути, речь идет о способах приспособления к идеологической и политической конъюнктуре.
- ²¹ Дискуссии по этой проблеме стартовали в самом начале 2000-х и продолжаются по сей день. Первые публикации по этой теме: *Гончаренко Н., Кушнарџова М. Школа іншування // Критика. 2001. № 4; Українська історична дидактика: міжнародний діалог (фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії): Зб. наук. ст. / За ред. М. Телус, Ю. Шаповала. Київ, 2000.*
- ²² Традиционная схема «перетекания» украинской истории и апелляции к народу как носителю преемственности окончательно оформилась во времена В. Антоновича – М. Грушевского. После Второй мировой войны она была модифицирована выдающимся «диаспорным» историком-эссеистом И. Лысяком-Рудницким.

- ²³ Терминология Энтони Смита. Более подробно см.: *Smith A. Nationalism and modernism. A critical survey of recent theory of nations and nationalism.* L.; N. Y., 1998.
- ²⁴ Более подробно об этой дискуссии см.: *Kasianov G. Rewriting and Rethinking: Contemporary Historiography and Nation Building in Ukraine* // Kuzio T., D'Anieri P. *Dilemmas of state-led national building in Ukraine.* Praeger, 2002. P. 29–46.
- ²⁵ *Hagen M. von.* Does Ukraine Have A History? // *Slavic Review.* 1995. № 3. P. 658–690.
- ²⁶ Поскольку автор причисляет себя к этому сообществу (среди наиболее известных представителей которого стоит упомянуть Н. Яковенко, А. Русину, А. Толочко, Я. Грицака, В. Кравченко, О. Журбу и других), за более обстоятельными и объективными оценками следует обратиться к внешнему наблюдателю. Совсем недавно вышел обстоятельный труд польского историка Томеша Стриека, в котором можно найти подробное описание взглядов и дискуссий украинских историков – «ревизионистов» национализированной истории. См.: *Strzyk T. Jakiej przesiönki potrzebuje przysioñe? Interpretacje dziejów narodowzch w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie 1991–2004.* Warszawa, 2007.
- ²⁷ Популярный современный украинский литератор Юрий Андрухович удачно сыграл словами, назвав сборник своих эссе «Дезориентация на местности»: среди многочисленных возможных прочтений термина «дезорентация» есть и такое – освобождение от «Ориента», уход от «Востока».
- ²⁸ В данном случае не имеет значения, какой именно нации – «этнической» («культурной») или «политической» («гражданской»).
- ²⁹ Смысловой ряд можно продолжить: «социалистический лагерь», коммунизм и т. п.
- ³⁰ На примере Украины и украинской историографии краткую интеллектуальную и идеологическую генеалогию «воссоединительного синдрома» предложила Наталья Яковенко в коротком, но весьма содержательном с точки зрения контекстов эссе: *Яковенко Н. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії* // *Дух і Літера.* 2000. № 3–4. С. 118–121. В свете ее размышлений сама собой напрашивается мысль о том, что многочисленные и назойливые рассуждения современной «национализированной» историографии об исторической «европейскости» Украины и о ее «возвращении» в Европу являются зеркальной копией «воссоединительных» схем советской историографии, предлагавших воссоединиться с Россией.

- ³¹ Нариси стародавньої історії України. Київ, 1994. С. 147.
- ³² Автор этих мистификаций, получивших огромную популярность у публики и презрение профессиональных историков, Ю. Каныгин к цеху профессиональных служителей Клио не принадлежал. См.: *Каныгин Ю.* Шлях ариїв. Україна в духовній історії людства. Київ, 1996.
- ³³ *Киричук В.* Історичні корені українського народу: до питання етногенезу українців // *Генеза.* 1994. № 1. С. 144–145.
- ³⁴ *Дашкевич Я.* Нація і утворення Київської Русі // *Формування української нації: історія та інтерпретації: Матеріали круглого столу істориків України.* Львів, 1995. С. 11–15.
- ³⁵ *Смолій В., Степанков В.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676). Київ, 1999. С. 338.
- ³⁶ По поводу прямых и скрытых реминисценций и терминологии классовой истории весьма пространно и с убийственной иронией (один из авторов не на шутку обиделся) написала Н. Яковенко. См.: *Яковенко Н.* В кольорах пролетарської революції // *Український гуманітарний огляд.* 2000. № 3. С. 5–12.
- ³⁷ *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 1996. С. 14.
- ³⁸ Там же. С. 15.
- ³⁹ *Любар О.О., Стельмахович М.Г., Федоренко Д.Т.* Історія української школи і педагогіки: Навч. посібник. Київ, 2003. Цит. по: *Русина Е.* В поисках черной кошки, или История как фарс // *Зеркало недели.* 2008. 2–8 февр.
- ⁴⁰ В учебнике по истории Украины для 8-го класса сообщается, что конституция П. Орлика «не только провозглашала независимую Украинскую державу, а также закрепляла наиболее прогрессивные для того времени идеи о государственной жизни». См.: *Власов В.* Історія України. Підручник для 8-го класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ, 2002.
- ⁴¹ Переяславська угода 1654 року: історичні уроки для українського народу. Київ, 2004. С. 9.
- ⁴² Там же. С. 9–10.
- ⁴³ Употребление географических терминов не должно вводить в заблуждение – речь идет об идеологемах и метафорах, это воображаемая, цивилизационная, культурная «география», которая лишь частично совпадает с географией как таковой.
- ⁴⁴ *Яковенко Н.* «Україна між Сходом і Заходом»: проєкція однієї ідеї // *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 360–361.

- ⁴⁵ Приведенный в качестве примера труд действительно показателен с точки зрения механистического «вталкивания» национализированной истории в «европейские модели»: *Терещенко Ю.* Україна і європейський світ. Нарис історії від утворення Старокиївської держави до кінця XVI століття. Київ, 1996.
- ⁴⁶ Здесь и ранее цит. по: *Яковенко Н.* «Україна між Сходом і Заходом»: проєкція однієї ідеї. С. 360–364.
- ⁴⁷ Там же. С. 364.
- ⁴⁸ *Гнатюк О.* Прощання з імперією, Українські дискусії про ідентичність. Київ, 2002. С. 346–347.
- ⁴⁹ Там же. С. 347.
- ⁵⁰ Судя по контексту, в данном случае термин «модернизация» тождественен «осовремениванию».
- ⁵¹ *Гнатюк О.* Указ. соч. С. 347.
- ⁵² *Дашкевич Я.* Україна між Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) // Зап. наук. товариства ім. Т. Шевченка. 1991. Т. 22. С. 29–30.
- ⁵³ *Яковенко Н.* Україна між Сходом і Заходом: проєкція однієї ідеї. С. 333.
- ⁵⁴ *Толочко О.* The Good, The Bad and The Ugly // Критика. 1998. № 9. С. 3–5.

«Историческая политика» в Восточной Европе плоды вовлеченного наблюдения

Мы публикуем полную стенограмму лекции, прочитанной известным специалистом по истории и современному состоянию Восточной и Центральной Европы, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИНИОН РАН, профессором Центрально-Европейского университета в Будапеште **Алексеем Миллером 24 апреля 2008 года** в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру»». «Историческая политика» - конструирование своей истории и истории своих соседей из задач сегодняшнего дня – в последние годы стала заметным явлением в жизни постсоциалистических стран. Тому, как реализуется эта политика в России, Польше, на Украине и в других восточноевропейских странах и была посвящена лекция традиционного участника проекта «Публичные лекции «Полит.ру» Алексея Миллера – российского историка, активно включенного в процесс российских и международных дискуссий по проблемам «исторической политики». Примеры дискуссий подобного рода можно прочитать в польском журнале «Европа» (Анджей Новак. „«Бедная империя, или Второй Рим» – соблазны имперского дискурса в современной русской мысли”, Алексей Миллер „Ответ Анджею Новаку, или кое-что о «жертвах» и «насильниках»”, Анджей Новак „Краткий ответ на ответ”) и украинском журнале «Критика» (Андрей Портнов. «Вісті з хорошої імперії», Алексей Миллер. «Лист дезертира», Алексей Миллер. «Письмо дезертира» (рус. яз), Андрей Портнов «Ударимо дезертирством по добровольцях»).

Добрый вечер. Когда Борис предложил мне выступить с очередной лекцией, я сразу, даже особо не задумываясь, сформулировал тему. Не задумываясь, потому что знал, о чем бы хотелось поговорить. Заявленная тема волнует меня, я бы даже сказал «достает», в течение нескольких лет, и с каждым годом все больше. Но потом, когда я стал более конкретно думать, как и что я расскажу, я понял, что в каком-то смысле сам себе поставил ловушку.

Во-первых, то, что меня особенно «достает» в этом сюжете, касается, если так можно выразиться, «цеховых проблем» историков. Это, конечно, не всем здесь будет интересно, и я постараюсь об этих вещах говорить как можно короче и в самом конце. Но если кому-то из вас станет скучно в последние 15 минут, то я заранее извиняюсь. Это просто тот случай, когда «не могу молчать». Не историки, отнеситесь к этой проблеме с антропологической точки зрения, посмотрите на то, что волнует историка, со стороны.

Другая сторона ловушки заключается в следующем. Борис уже сказал, что я здесь выступаю не в первый раз. И в подавляющем большинстве эти выступления были выступлениями о сюжетах из того прошлого, которым я занимаюсь, т.е. XIX – начало XX вв. Я всегда подчеркивал, что говорю как историк, и не нужно перебрасывать слишком прямые мостики к политике. Однажды я здесь выступал на современную тему о том, как происходят дебаты о нации в современной России. В этом случае я сразу подчеркнул, что выступаю не как историк, а как наблюдатель, участник этих дебатов.

Тут оказалось, что сформулированная тема разрушает эту перегородку, которую я все время старался строить, между своими занятиями как историка и как человека, который участвует и в изучении современных проблем, и в их обсуждении. Т.е. сегодня речь пойдет о проблеме весьма актуальной и, я считаю, имеющей большое общественное значение. Это обозначено словами «историческая политика». Я потом объясню, что это значит. Это новый термин, и я попробую показать, что явление, о котором я буду говорить, все-таки имеет качественно новые измерения по сравнению с обычной

политизацией историей. И не обязательно быть историком, чтобы это обсуждать. И в то же время, как я уже сказал, эта тема особенно волнует меня именно как историка.

Подзаголовок – «плоды вовлеченного наблюдения» – тоже для меня очень важен. Все-таки у меня за последние годы накопился довольно редкий опыт. Я преподаю в Центрально-Европейском университете в Будапеште, где значительная часть студентов, до недавнего времени большинство – это люди, закончившие тот или иной вуз в Восточной Европе. Под Восточной Европой я буду понимать все постсоциалистические страны, включая Россию. Из года в год я с этими людьми общаюсь, вижу, что происходит. Это одна сторона дела. С другой стороны, за последние несколько лет я читал курсы лекций в университетах Варшавы и Киева, я часто бываю в этих странах. И именно об этих трех странах пойдет речь: Польша, Украина, Россия. Я интенсивно общаюсь с историками из этих стран. У меня уже много лет есть проект, где мы занимаемся тем, что раньше называлось повышением квалификации университетских преподавателей. И опять же это люди не только из России, но из разных других стран тоже. Т.е. я вижу, что происходит, это личный опыт.

Кроме того, поскольку я занимаюсь историей Российской империи, которая к Украине и Польше имеет непосредственное отношение, то мне приходится читать разные рецензии на то, что я пишу, а иногда даже вступать в полемику с рецензентами. И я специально попросил организаторов дать ссылки на некоторые примеры этой полемики. Не потому что она особенно значима, а потому что она очень репрезентативна.

В этом смысле я действительно вовлечен и часто буду говорить о личном опыте, но, повторяюсь, не потому что считаю его особенно важным, а потому что считаю его вполне репрезентативным.

Итак, историческая политика. Понятно, что история всегда была в той или иной степени политизирована. Собственно, когда она складывается как профессиональная дисциплина, это уже рамки того, что принято называть национальным нарративом, национальной историей, т.к. историки участвуют в формировании идентичности, в строительстве нации и пр. Они занимались тем, что помогали государству воспитывать хороших солдат и т.д. В общем, если мы посмотрим на конец XX в., было ощущение, что эта роль истории уходит в прошлое, причем как в Западной Европе, так и у нас. Все-таки понятно, что в Западной Европе был уже проект объединенной Европы, акцент не на военные подвиги, а на Гете, на примирение, на социальную историю и т.д. У нас, в социалистическом мире, конечно, государство контролировало историю, цензурировало ее. Но если мы вспомним 1970-80-ые гг. (я могу их вспомнить, я уже тогда был историком), в принципе, во-первых, ну, не хочешь заниматься «актуальным», так занимайся историей Швеции, а не России XIX-XX вв. Было очень много ритуального, мало агрессии в проведении политики партии.

И за последние годы в этом смысле стало что-то меняться. Термин «историческая политика», если я не ошибаюсь, был придуман в Польше года четыре назад. Но смотреть на этот сюжет, именно сквозь эту призму, как на политику, стали даже чуть раньше. Одна из ссылок к моей дискуссии с очень хорошим польским историком Анджеем Новаком относится к 2003 г. И в том же 2003 г., если я не ошибаюсь, Анджей Новак опубликовал статью в правительственной польской газете «Речь Посполитая», в которой он написал, что возникает серьезная угроза: «Немцы и русские в последнее время стали что-то пересматривать в своем историческом нарративе и, похоже, собираются расстаться с фиксированной ролью палачей, с признанием того, что они плохие ребята в этой истории. А нам обязательно нужно эту тенденцию предотвратить, и нужно их в этой роли плохих ребят зафиксировать». В общем, это одна из линий, которую в исторической политике

можно проследить вплоть до сегодняшнего дня: зафиксировать себя в роли жертвы, а кого-то специально подобранного – в роли палача. Специально подобранного, потому что каждый может вспомнить много обидчиков, но всегда выбирает, кого выгодно вспомнить именно в данный политический момент. Польша неизменно изображается жертвой России и Германии, а иногда даже жертвой США, когда это выгодно, ведь «Рузвельт продал нас в Ялте».

Чтобы вы представили, насколько это в Польше интенсивно, приведу примеры. Буквально несколько недель назад президент Польши Лех Качиньский выступал с телеобращением к польскому народу. В частности он говорил об опасностях, которые таятся в объединенной Европе, и частично произносил свою речь на фоне карты Германии 1939 г., с намеком на то, что немцы теперь в рамках объединенной Европы стремятся туда же. Когда несколько месяцев назад была дискуссия о том, как поделить места, пропорции представительства в Европейском Союзе, Качиньский в качестве аргумента использовал следующий тезис: «Немецкий аргумент, что надо исходить из численности населения, порочен, потому что если бы немцы не убили столько наших граждан во время Второй мировой войны, то нас было бы намного больше, поэтому дайте нам дополнительные места в органах управления Евросоюза». Это в чистом виде историческая политика. В отношении с Россией ключевой мотив – российская имперскость и, конечно, Катынь. Это одна часть.

Другая часть проблемы – это борьба с внутренними политическими врагами. В Польше уже довольно давно создан Институт национальной памяти, который некоторое время довольно продуктивно работал. Одна из его функций вызывала споры в обществе. Эта функция люстрации. Т.е. у них хранятся архивы служб безопасности Польской народной республики. И они должны были смотреть, не сотрудничали ли политики, люди, занимающие выборные должности с органами коммунистической безопасности. Те люди, которые выражали беспокойство по поводу этой программы, довольно рано начали говорить о том, что при избирательном использовании этих материалов они могут превратиться в оружие против политических противников.

С недавнего времени споры об этом прекратились в том смысле, что все самые худшие опасения сбылись. Я бы сказал, что апофеозом был трюк Качиньских накануне президентских выборов, когда за неделю до выборов вдруг вся Польша узнала, что дедушка Дональда Туска, главного соперника Леха Качиньского, служил в Вермахте. Потом, конечно, поговорили, обсудили: «Ну, и что, служил, что из этого?». Это все было уже после выборов, а те несколько процентов голосов, которые нужно было отнять, они отняли, потому что они вбросили это за неделю до выборов. И это вытягивание папок идет очень активно именно сейчас, потому что в последнее время Качиньские сделали ответственные должности в этом институте фактически политическими должностями.

Обратим внимание, например, что политика меняется в зависимости от того, кто пришел к власти (мы еще вернемся к этому). Например, Дональд Туск, как только победил недавно на парламентских выборах, сказал: «Катынь – это все-таки, прежде всего, внутрироссийская проблема. Пусть они между собой это обсудят, какая степень ответственности, в чем их вина. Не будем делать это предметом межгосударственных отношений». Этим он, естественно, заслужил ушат помоев со стороны враждебного политического лагеря. Понятно, что историческая политика в виде требования покаяния со стороны со стороны внешних или внутренних политических партнеров – это очень мощный инструмент.

Наконец, третий элемент – это борьба за положительный, душеукрепляющий образ национальной истории. В принципе, все нации хотят сделать такой национальный

нарратив, который выполнял бы конструктивную функцию в формировании понимания «Мы», солидарности и т.д. В Польше было очень жестко переформулировано, что есть такие люди, в основном, конечно, за рубежом, которые хотят представить поляков как плохих людей, и поляки должны сплотиться против этой идеологической агрессии для защиты своих священных интересов.

Я приведу несколько примеров, как это работает. В Варшаве есть музей Польского восстания 1944 г., Варшавского восстания. Это было восстание против немцев. На Восточном берегу Вислы стояла Красная Армия, и она там стояла, пока немцы добивали это восстание. Музей вам очень подробно расскажет день за днем про это восстание. Он вам не расскажет только одной вещи – о тех ожесточенных дебатах среди руководства польского партизанского движения, которые шли в тот момент, когда принималось решение начать восстание, и затем в течение многих лет, надо ли было восставать именно в этот момент. Ничего этого нет. У нас есть героический поступок, герои, которые гибнут. А все, кто пытаются задавать вопрос: «Какова ответственность политиков, которые послали этих ребят на смерть?», убраны.

Другой пример – отношение этого лагеря (именно этого лагеря, это не вся Польша, это именно лагерь, который проводит именно такую историческую политику) с историком Яном Гроссом. Этот человек вырос в Польше, мать у него полька, отец – еврей. С моей точки зрения это не важно, сколько в нем какой крови, но с точки зрения исторической политики – весьма важно. Он написал две книги. Первая книга называлась «Соседи», о том, как в одном польском местечке в 1939 г. польские жители этого местечки сожгли 600 своих еврейских соседей в амбаре. Немцы в этом не участвовали в том смысле, что их там не было. Они, конечно, создали определенные условия, но это другой вопрос. Была оживленная дискуссия на эту тему. А недавно Гросс опубликовал вторую книгу, которая называется «Страх». И в этой книге он рассказывает о том, как несколько тысяч евреев были убиты в Польше уже после того, как вернулись недобитые из нацистских концлагерей. И структура дискуссий про эту книгу была уже совершенно другой. Те отдельные голоса, которые звучали в первой дискуссии, что «Гросс, наверно, поляков не любит, он вообще не наш, хочет нас обидеть», были все-таки маргинальны. Теперь один из основных, стержневых мотивов: Гросс – еврей, который мстит за что-то полякам, он хочет поляков обидеть, представить в черном цвете. Т.е. дискуссия не о том, что он написал, не о фактах и оценках, а о личности этого автора. Это польский случай.

Теперь украинский случай. Института национальной памяти в Украине до недавнего времени не было. Сейчас его создали. Они еще не раскрутились, и не совсем понятно, как они будут его использовать, но, наверно, будут. Что у них общего с польским примером? Это фиксация украинцев в роли жертвы и фиксация того, кого положено, и прежде всего России, в роли палача. Есть две ключевые темы: украинская повстанческая армия и голодомор.

Тема украинской повстанческой армии используется еще и во внутреннем политическом дискурсе, потому что это попытка утвердить определенные представления о том, какие украинцы правильные и хорошие. Но понятно, что украинская повстанческая армия борется за свободу против советской оккупации. Голодомор – это геноцид украинского народа. И это государственная политика, т.е. государство очень активно участвует в насаждении и фиксации этой точки зрения и в подавлении дискуссии на эту тему.

Я вам приведу пример. Ющенко, когда предлагал закон о голодоморе, хотел, чтобы там были статьи, которые уголовно наказывают людей, не просто отрицающих голодомор, но отрицающих голодомор как геноцид, оспаривающих эту характеристику голодомора.

Причем это происходит в ситуации, когда в научных кругах дебаты на эту тему ведутся довольно интенсивно. Про то, как строится политика в отношении УПА, я приведу следующий пример. Не так давно была опубликована книга про то, как УПА спасала евреев. Сегодня автор этой книги работает в Институте национальной памяти при Совете национальной безопасности Украины. Т.е. это кадровое использование в политических целях историков, которые готовы обслуживать определенную политику. Внутри исторического цеха я знаю несколько примеров, как люди, которые не вписывались в этот нарратив, сталкивались с проблемами при защите. Идет определенный прессинг. Опять же подчеркну, что среди прочего этот пример говорит о том, что есть и люди, которые думают иначе. Голодомор – это еще очень мощная тема внешней политики. Сейчас запускают проект под названием «Украина помнит, мир признает». Это как раз про голодомор. Они собираются объехать 15 стран с какими-то мероприятиями по этому поводу.

А теперь такой вопрос – а что у нас, насколько мы отличаемся? Сразу скажу, что в некоторых аспектах отличаемся довольно существенно. У нас, с одной стороны, мотив жертвы в международных отношениях все-таки не используется. Отчасти, наверно, потому, что Россия была империей, и представлять себя как жертву не очень удобно. Не используется политиками: когда Путин чем-то недоволен в поведении Меркель, он ей не говорит: «А твои поубивали 20 млн. наших человек». Но если мы посмотрим на дискурс, то этот мотив мы видим уже вполне оформленным. Вспомните знаменитый византийский фильм. Вообще, это тенденция рассказать о том, как Запад все время был врагом России. Приведу примеры. Все вы знаете сайт «Иносми.ру». Поставьте над собой такой психологический эксперимент: почитайте его три дня подряд и не читайте ничего другого. Вы же тогда поверите, что в мире живут одни русофобы. Возьмем недавний случай. Издательство «Европа», которое, несомненно, связано с сайтом «Иносми.ру». Они опубликовали, за что им честь и хвала, перевод очень интересной книги Доминика Ливена, которая по-английски называется “The Russian Empire and Her Rivals”. Угадайте, как звучит перевод по-русски? «Российская империя и ее враги». Слово rivals вообще-то переводится как «соперники». Для слова «враги» в английском языке есть слово enemies. Если вы посмотрите на предисловие к этой книге, на изобразительный ряд, которым эту книгу снабдили, то вы поймете, что это не ошибка переводчика. И таких вещей очень много. Проект Михаила Леонтьева, если кто-то сумел досмотреть до конца хотя бы одну серию, на Первом канале. Это все элементы одного процесса.

Другая сторона дела, что нам нужно положительное прошлое. Во что это превращается, все мы прекрасно знаем, я даже не буду на этом останавливаться.

Интересно следующее. Оказывается, что самое важное для всех случаев в исторической политике – это очень жесткая манихейская фиксация, либо ты за красных, либо ты за белых, и очень четкая категоризация, кто такой автор. Вам, наверно, знаком дискурс: «Ну, что с него возьмешь, он на западные гранты живет», «у иностранных посольств шакалит» и т.д.

Чтобы понять, насколько это заразно, я перейду уже на личный опыт. Когда я читал здесь первую лекцию в 2005 г., лекция была про то, как русский национализм формировал представление о русской национальной территории внутри Российской империи. В частности я говорил о том, что Сибирь не сразу была освоена как часть русской национальной территории. И потом при обсуждении один господин встал и сделал следующее замечание. Я вам прочитаю:

«И очень забавное утверждение про Сибирь. Не могу не заострить на этом внимание, настолько легкое и ловкое смешение понятия. Дело в том, что русские, уходя за Урал, они говорили, что уходят из России, потому что реальная государственность была здесь. Они уходили в русскую землю, далекую, но тоже русскую. И, вы знаете, термин “Русская Америка”, именуемая ныне Аляской, никем не именовалась не-российской территорией. Но сверхзадача сформулирована, термины даны — теперь за работу, товарищи. Мы должны определить тот круг территорий, по поводу которых можно уже сегодня ставить вопрос о целесообразности их принадлежности к России. За это вам наше большое спасибо».

Человек читает текст или высказывание сразу в политических категориях. Т.е. если я рассказываю о том, что не всегда Сибирь осознавалась, как часть русской национальной территории, это значит, что я за отделение Сибири от России. Кажется довольно смешным и не очень умным, что я ему тогда и объяснил. Но совсем недавно от человека, которого глупым ну никак не назовешь, от Модеста Колерова, я прочитал следующую вещь. Оказывается, серия книг, которую я редактирую (называется «Окраины Российской империи»), ставит своей задачей развал России. Почему? Потому что некоторые книги этой серии ничего, пусть будут, потому что они посвящены западным окраинам, т.е. современным Польше, Украине, Белоруссии – они уже отвалились и ладно. Есть книга по Средней Азии – тоже ничего. Но ведь там оказались еще книги про Северный Кавказ, который входил в Российскую империю и сегодня входит в Российскую Федерацию, и оказалась книга про Сибирь. И Колеров написал, что это часть большого проекта по дальнейшему развалу России.

Для меня здесь возникает большой вопрос. Что происходит? Ладно, если Модест Колеров понимает, что это довольно странное утверждение, но по каким-то своим, непонятным мне политическим соображениям, хочет так сказать – бог ему народный судья. А вдруг он действительно так думает? Это порождает очень серьезную проблему, к которой я еще вернусь.

Кстати, в тех текстах, сноски на которые я включил в объявление, меня обвиняют в том, что я русский империалист. Но это тексты украинские и польские. Опять же повторю, что не я важен, а важно то, что любая сложная конструкция, которая не вписывается в простую структуру, сразу с обеих сторон атакуется, потому что она им мешает. В этом смысле очень важный элемент этой исторической политики заключается в следующем. Люди, которые ее осуществляют, что в России, что в Украине, что в Польше, что в других странах – партнеры. Они, на самом деле, называют друг друга нехорошими словами и постоянно друг с другом спорят, но, поскольку они спорят в крайне упрощенных, примитивных категориях, они друг другу очень полезны, потому что они создают структуру этого спора, в которой ни для каких более сложных конструкций места нет.

Не так давно был семинар по русско-украинским отношениям, который проходил в Москве. Приехали историки с Украины. Я на этом семинаре не был, поэтому про то, что там говорилось, не буду рассказывать. А вот донесли мне про то, что говорилось после этого семинара в Киеве, когда один из руководителей украинской делегации жаловался: «С русской стороны случайных людей не было, а с нашей, помимо нашей делегации, приехали еще несколько человек «самотеком» и говорили как-то не так. Вот надо у русских поучиться этому сплочению рядов. А вот русских, которые говорят что-нибудь не так, они туда не позвали». Т.е. эти люди между собой чувствуют себя очень хорошо. Они друг другу нужны. Им другие мешают, которые не хотят стенка на стенку биться. В этом смысле разрушение того пространства, на котором возможен диалог – это одна из задач проекта исторической политики.

Чтобы вам было понятно, как это работает, покажу на более примитивном уровне. Зайдите на любой интернет-форум, где обсуждаются русско-украинские или русско-польские отношения. Вы обнаружите, что среди первых же постов объявляется какой-нибудь абсолютно зубодробительный, почти наверняка матом, почти наверняка такой, который дальше перетекает в поток взаимных оскорблений. Т.е. блокируется любая возможность нормальных дискуссий. В интернет-сообществах существует сильное подозрение, что этим занимаются специально нанятые люди, и это кое о чем говорит. Если это действительно так, то значит, кто-то дает на это деньги.

Это, среди прочего, новизна этой ситуации. Потому что ресурсы государственных и окологосударственных структур напрямую закачиваются в проведение этой исторической политики для того, чтобы разрушать любое пространство диалога, и для того, чтобы маргинализировать любые точки зрения, которые чуть-чуть более сложные.

Я приведу такой пример. Геноцид или не геноцид голод на Украине 1932-1933 гг.? На эту тему могут быть очень разные точки зрения. Границы между исторической политикой и неисторической политикой проходит не между теми, кто говорит «геноцид», и теми, кто говорит «не геноцид», нет. Возьмите два текста. Есть такой историк, наверно, самый серьезный историк, который сегодня занимается историей Украины в разных ее аспектах, Джон-Пол Химка. По фамилии вы можете угадать, что у него есть украинские корни. Вот он совсем недавно опубликовал статью, где, с моей точки зрения, вполне убедительно доказал, что это не геноцид. Есть, например, такой итальянский историк Андреа Грациози, который в журнале «Отечественные записки» в первом номере за 2007 год опубликовал статью, в которой он говорил, что это был геноцид, но дальше я процитирую:

«Одни историки (назовем их историками категории А), называют голод 1932-1933 годов геноцидом и считают, что он был устроен искусственно с целью а) сломать хребет крестьянству и/или б) подточить или даже вовсе уничтожить жизнеспособность украинской нации... Другие историки (назовем их историками категории Б), соглашаются с тем, что сталинская политика была преступна, но настаивают на необходимости изучать голод как «сложное явление»

Дальше он будет отстаивать тезис, что голод на Украине можно охарактеризовать, как геноцид, но при этом он скажет, что (я прочитаю, это важно): «Разумеется, не Россия и не русские, которые сами страдали от голода, ... прибегали ... к антиукраинским мерам». Разумеется, не правы, говорит Грациози, историки категории А, которые описывают геноцид таким образом, как он дальше говорит, «примитивным» образом. Но именно таким примитивным образом геноцид и описывается в украинском дискурсе, который насаждается властью. Т.е. можно себе представить дискуссию между Химкой и Грациози, которая, используя сложные аргументы, не будет носить характера исторической политики, когда это будет вопрос выяснения истины и обсуждения трактовок, а не инструмент формирования образа врага. Но что произойдет с текстом Грациози? Никто из украинских историков, которые будут настаивать на том, что это геноцид, который устроили русские, не будет цитировать ту его часть статьи, где он говорит, что они не правы. Они будут цитировать только один тезис: геноцид. Те, которые будут ссылаться на Химку, будут ссылаться только на один тезис – не геноцид. Т.е. все время происходит совершенно сознательная примитивизация. Это очень важно, это и есть историческая политика.

Теперь я коротко, даже меньше, чем планировал, расскажу про исторический цех. Для исторического цеха проведение этой исторической политики во многом смерти подобно. Потому что если эта тенденция доминирует в обществе, то она, естественно, проникает в учебные курсы, доминирует в общественном пространстве, формирует тот способ чтения истории, который блокирует для человека любой более сложный аргумент. Она потенциально оглушает самих участников. Если вы посмотрите на фигуры этих людей, с которыми я полемизирую в текстах, на которые ведут ссылки, Анджей Новак – блестящий ученый, Андрей Портнов – очень способный украинский историк, он еще молодой, не будем ему давать слишком завышенных эпитетов. Но как только они включаются в это, они сами начинают мыслить примитивно, либо по желанию, либо против своего желания. Поэтому я затрудняюсь интерпретировать, что сделал Модест Колеров, когда сказал, что написать книгу о Сибири, как об окраине Российской империи, значит подрывать целостность России. Может быть, он действительно в это уже верит?

Когда мы сравниваем, говорим, что ситуация в России, вроде, получше. Тут возникает вопрос: «В каком смысле получше?» Да, пока не столь интенсивно, не столь активно, не столь напрямую историческая политика используется в некоторых сферах реальной политики. Но тут у меня возникает вопрос, который меня очень беспокоит: «А, может быть, это потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем?» Было бы очень опасно. В этом смысле я могу сказать, что есть другой аспект, в котором ситуация в Украине, в Польше не в пример лучше нашей. Потому что в Польше существует какая-никакая демократия. Что это значит? Это значит, что Качиньские могут проиграть выборы, что они благополучно и сделали, и Туск сразу скажет: «Давайте оставим Катынь для обсуждения русским». И во многом, кстати, проиграют выборы потому, что молодое поколение, которое, наконец, пошло на избирательные участки, было сыто по горло этой исторической политикой. Для Качиньских фильм Вайды «Катынь» плохой, потому что там единственный русский с лицом, которого играет Гармаш, - хороший. А вы помните, какие рецензии на фильм Вайды, которого у нас никто не видел, публиковались у нас в рамках исторической политики? В Польше все-таки возможно такое переключение с помощью урны для голосования.

В Украине демократии нет, но там есть политический плюрализм. Ющенко не смог провести закон о голодоморе в том виде, в котором хотел, глорификация УПА наталкивается на серьезное общественное противодействие. Политическое противодействие. Т.е. если мы серьезно говорим об исторической политике, мы находимся в плоскости политики, значит, есть какие-то силы, которые будут политически сопротивляться.

У нас по этому поводу тоже идет политическая борьба. Если мы посмотрим поездку Путина в Бутово, на полигон, где были расстреляны люди, или поездку Путина и Медведева в Новочеркасск, где они возложили венки к памятнику рабочим-жертвам расстрела 1962 г., - это вещь, немного мешающая исторической политике. Но здесь важно, что у нас политическая борьба, как всегда, происходит между кремлевскими башнями или между околоскремлевскими башнями. Т.е. у нас политическая конструкция такова, что если власть однозначно и решительно двинется в сторону исторической политики, последствия будут заметно более разрушительны. Хотя они и так уже разрушительны, но они будут еще более разрушительны, чем то, что мы видим в Польше и в Украине. Вот на этой оптимистической ноте я и заканчиваю свое выступление.

Обсуждение

Борис Долгин: Еще одна устная ссылка. Некоторое время назад в разделе «Документы» мы опубликовали обращение общества «Мемориал» «О национальных образах

прошлого». Это о том, что очень часто сталкиваемся с реальными проблемами войны памяти, когда на одно и то же событие разные стороны смотрят по-разному, имеют разную историю по этому вопросу, более того - пытаются использовать в политике. Призыв документа - создать что-то вроде форума (в широком смысле) для того, чтобы использовать эти сюжеты для сближения, для наращивания опыта взаимодействия, а не для того, чтобы разрушать пространство диалога в политических целях.

Алексей Миллер (фото Наташи Четвериковой)

Миллер: Борис, спасибо большое, что вы упомянули этот документ, потому что я сам хотел о нем сказать, но забыл. Мне как раз кажется, что, при том что этот документ мотивирован самыми положительными интенциями и правильно ухватывает ощущение, что здесь таится большая угроза, диагноз как раз ставит неверно, и поэтому предлагает не совсем верные способы решения.

Если использовать тот анализ, который я вам сейчас предложил, то я вас уверяю, что эта идея открытого форума, который должен компенсировать недостаток общения, который якобы и является главной причиной взаимного непонимания между разными сторонами, не сработает. Потому что этот форум моментально будет превращен бойцами исторической политики в одну из своих площадок. С моей точки зрения, если мы думаем о том, что бы можно было сделать, нужно делать портал, на котором по основным темам этой исторической политики, вывешивались бы два сорта текстов в разных разделах. Один пусть называется «Научные дебаты», и там место таким текстам, как Грациози, Химки и пр. А другой пусть называется «Зоопарк», и туда можно вешать просто для ознакомления тексты этих бойцов, чтобы интересующиеся граждане могли сравнить и понять, в чем разница. Но ни в коем случае не форум, куда все будут заходить и опять ругаться матом и плевать друг другу в борщ.

Долгин: Первое. Форум все-таки имелся в виду в совсем другом смысле. Второе – единственное, что могу организационно сказать, что не знаю, как насчет второй группы текстов, но первые мы с удовольствием будем публиковать и у себя.

Александр Даниэль: Во-первых, сразу отвечу на последнее соображение, которое вы высказали, Алексей Ильич. Ведь предложение о Форуме в нашем обращении было высказано специально вне конкретных форматов, потому что мы считали правильным, что обсуждение этого обращения приведет к более внятному для нас самих представлению о форматах. В частности, ваше предложение мне кажется крайне интересным, и спасибо вам за него. Очень возможно, что одним из форматов этого форума будет именно то, о чем вы говорите. Я бы только заметил, что культурная дискуссия может вестись не только историками, на мой взгляд, но тут ключевой момент – не профессионализм, а именно культура дискуссии, готовность слушать и слышать друг друга.

Теперь, если позволите, реакция на вашу лекцию. Во-первых, я не могу не солидаризоваться с вашей генеральной мыслью, она мне кажется бесспорной и вполне правильной. Я только хотел сказать, что все, может быть, не так трагично, если выйти за пределы служивой науки. И в Польше, и в России, и на Украине есть независимые исследователи, есть люди, не скованные теми или иными догмами, они работают, публикуются. Я бы хотел обратить внимание, которые состоят не в государственной политике, а в общественной готовности ее принимать. На самом деле, в этом смысле хотелось бы поверить в тех специально нанятых людей, которые на сайтах контролируют на исторические дискуссии, было бы замечательно, если бы это было так. Я боюсь, что в большинстве случаев это не так, и те люди, которых вы предлагаете поместить в зоопарк,

выражают действительно то, что они бескорыстно думают. Я вовсе не хочу отрицать влияния именно государственного промывания мозгов в названных вами странах на историческом измерении общественного сознания. Мне кажется, что это процесс с положительной обратной связью. Общественные настроения формируют правительственную политику, правительственная политика раскачивает общественные настроения, и эта система входит в резонанс и друг друга взаимно усиливает, в этом, на мой взгляд, опасность. Вот что можно было бы этому противопоставить, чем тормозиться честная общественная рефлексия об истории.

Вы произнесли одну фразу, и это, пожалуй, главный пункт, по которому я хотел бы вам возразить. Вы сказали, что частичная победа над государственной исторической политикой в Польше связана с тем, что молодое поколение сыто этими проблемами по горло. По-моему, ставку на то, что молодое поколение или вообще общество сыто по горло проблемами истории – крайне опасная ставка. На самом деле, в России мы на этом точно проиграем.

Миллер: Не надо меня убеждать в этом, это просто плод недоразумения. Я потом объясню.

Даниэль: Хорошо, тогда я просто для аудитории объясню, что я имею в виду. Я был в Польше в прошлом мае, как в разгар самых острых полемик и люстраций на некой конференции, устроенной вовсе не сторонниками братьев Качиньских, а, наоборот, их яростными оппонентами. И почему-то на этой конференции центральной темой была русская память, русская история. И я высказался примерно в том духе, что либеральное равнодушие к истории, воцарившееся после 1991 г., представление о прошлом, как о черной дыре, о которой говорить не стоит, от которой нужно просто отвернуться, и что после 25 октября 1917 г. наступило сразу 21 августа 1991 г., а в промежутке ничего не было, это и создало нынешнюю политику государства, на этом пустыре выросло то, что мы сейчас имеем. Аудитория встретила эту мысль крайне холодно, и я понял почему. Потому что этот упрек российскому либеральному сознанию абсолютно так же применим к польскому либеральному сознанию, т.е. к тем людям, которые сидели в этом зале. Мне кажется, что ни в коем случае нельзя от этого уходить. Ведь Ярослав Качиньский – автор этого Музея Восстания, и все польские социологические опросы говорят, что на Музее Восстания, на том, что они его создали, он и его брат набрали огромный процент голосов. А либералы спокойно отдали эту тему, потому что история их не интересовала, у них была тенденция забыть и идти дальше.

Что касается польской люстрации. На самом деле, Качиньские выиграли на музее и проиграли на люстрации год назад, когда конституционный суд под сочувствие большей части польского общества заводил самые чудовищные статьи этого закона о люстрации. Просто потому что это затронуло достоинство всей польской интеллигенции, и польская интеллигенция солидарно, даже не глядя, кто правые, кто левые, на этот закон отреагировала.

В связи с этим у меня к докладчику только один вопрос. Алексей, вы начали с того, что сформулировали два понятия: историческая политика и политизация истории. Но все, что вы говорили об исторической *real politic*, ничем не отличается от политизации. В чем разница между этими двумя понятиями в вашем понимании?

Миллер: Да, вопрос ключевой. Сначала про молодое поколение, про главное возражение. Это плод недоразумения. Когда я говорил о том, что молодое поколение пошло и проголосовало против Качиньских, я все-таки не имел в виду и не думал, что меня так

поймут, что главным мотивом польских выборов была историческая политика и вообще исторический сюжет. Это был один из элементов довольно большой общей картины, потому что это было частью ругани с Россией, с немцами, она обслуживала эту политику. И эта политика молодому поколению совершенно не понравилась.

Далее про «все не так плохо, есть исследователи» и т.д. Я говорил, что, конечно, есть эти исследователи. Насчет того, все ли не так плохо, рискну не согласиться, и у меня здесь два аргумента. Я вначале говорил о том, что я имею постоянный контакт со студентами из трех стран. Я вижу, что меняется. Это студенты, которые закончили вузы в Польше, в Украине, в Грузии, в Азербайджане, в Белоруссии, в Молдове, в России. Я вижу, как растет эта индоктринация, как она становится все более и более жесткой. А это плод исторической политики. Кстати, судя по всему, самые тяжелые последствия дает промывка мозгов в Грузии. Вот оттуда приезжают люди в очень тяжелом состоянии, и их приходится действительно лечить. Кстати, иногда получается. Очень интересно, я в последние несколько лет стал сталкиваться с ситуациями, когда студенты вообще отказываются вступать в диалог. Т.е. если они сталкиваются с какой-то попыткой преподавателя деконструировать ту систему координат, с которой они приехали, то они уходят. У меня был случай, когда грузинский студент бросил мой курс в середине, заплатил штраф, потерял баллы, т.е. создал для себя массу проблем, но бросил этот курс тогда, когда я сказал, что Грузия, как мы ее знаем, формируется в XIX в., и она вовсе не является чем-то данным и т.д., как и многие другие страны. Это было для него совершенно непереносимо. Я вижу, что происходит, и отсюда вопрос насчет этих исследователей. Исследователи – это очень хорошо, они везде есть, и в Польше, и в Украине, и в России. Важно другое, где они обитают, и что из этого доходит. Потому что если есть историческая политика, то тогда как доминирующие внедряются соответствующие списки литературы, пособия для учителей. Вот знаменитое пособие для учителей по XX в., которое мы так активно все время обсуждали, в большинстве своем не читая. Я хочу сказать, что ничего плохого в этой книге нет в том смысле, что имеет право на жизнь такая точка зрения, было бы странно, если бы ее не было.

Долгин: Речь идет о пособии под редакцией Филиппова.

Миллер: Не в том смысле, что я согласен с тем, что в этом пособии написано. Но то, что Сталин – великий менеджер и т.д. – ну, есть люди, которые так думают. И нехай себе думают, нехай свою точку зрения провозглашают. Это становится очень опасным в другой момент. Ведь эта точка зрения вдруг становится доминирующей не потому, что вдруг она нашла могучий отклик в обществе, и все бросились: «Наконец-то нам правду сказали!» Но потому что был проведен целый ряд мероприятий по пропагандированию, по внедрению, по изданию, И кто это делал? И если вы мне скажете, что это делала какая-то структура, которая с властью никак не связана, то я улыбнусь вам в ответ. Это и есть историческая политика. Политизация истории есть всегда. На самом деле, любой человек, любой историк, когда он что-то пишет, в большей или меньшей степени политизирован. Дальше уже начинается совершенно другая тема: как человек сам себя анализирует, как он старается услышать другие голоса, как он ведет полемику с людьми, которые по-другому мотивированы. Это все происходит в обществе, и общество слышит этот хор голосов. А другое дело (и это мой главный тезис, который я пытался подчеркнуть), когда силы, которые обладают огромными ресурсами, в том числе медиа-ресурсами, входят и начинают это внедрять, тогда этот хор, многообразие голосов маргинализуется, и идет прямая линия, жуткая индоктринация, плоды которой я вижу каждый раз в аудитории, когда я вхожу в нее. Историческая политика это, подчеркну, способ промывки мозгов в условиях информационной открытости. Одно дело, когда есть цензура, и через нее что-то не пропускают. Так при советской власти было. А другое дело, когда напечатать можно

все, но есть механизмы загнать это все на периферию общественного сознания. Поэтому я и не согласен.

Насчет Вашего замечания о либералах. Я сам себя не причисляю к либералам. Но для меня важно другое, то, что те, кто стараются сложно думать об истории, как раз очень плохо работают с медийным пространством и не обращают внимания на те низкие жанры, которые и являются очень важными. В конце концов, взял Филиппов и написал пособие. А где, если угодно, либеральное пособие на тему русской истории в XX в.? Где оно? Я как-то сделал хулиганскую вещь, но, слава богу, у меня был хороший издатель, и он мне простил. У меня есть книга «Украинский вопрос в политике властей и в русском общественном мнении». Она вышла в 2000 г. тиражом 2 тыс. экземпляров. Я хулиганским образом всю книгу положил в Интернет. И меня Игорь Савкин, поклон ему низкий, редактор издательства «Алетейя», простил и не стал за это преследовать. Оказалось, что с моей книжкой историческая политика в Украине с 2000 г. борется не покладая рук и уже в кровь сбила себе кулаки, а все равно не выходит. Но это же надо с медиа работать! Поэтому когда кто-то говорит: «Мы издали 25 томов про историю ГУЛага тиражом 3 тыс. экземпляров», - то я хочу спросить: «Ребята, неужели вы думаете, что этим вы сформируете медийное пространство? Это очень важно, это очень нужно, это развитие науки и еще много чего, но это не решит проблему, пока вы не сделаете одного тома, который будет вашим ответом на белую книгу, черную книгу, красную книгу и еще что-то». В этом отношении тот лагерь сложно мыслящих довольно плохо работает. Но я вам хочу сказать, что иногда возникают странные возможности коалиции. Пример. То, что пишет Сергей Кара-Мурза на исторические темы, мне совсем не близко. Но совсем недавно я прочитал его статью, вопль возмущения по поводу этого «византийского» фильма. Значит, и его уже достало. Это меня достало, его достало, нас по-разному достало. Но мне неважно, что нас по-разному достало, мне важно, что нас обоих достало. Мне не нужно, чтобы наши точки зрения совпадали, мне нужно, чтобы была какая-то коалиция людей, возмущенных примитивом.

И насчет резонанса, молодого поколения и т.д. Молодое поколение интересуется, но надо научиться с этим молодым поколением разговаривать, и это очень сложная задача. Кстати, в том числе я считаю, что у либералов очень серьезная проблема, потому что традиция говорения на эти темы, которая была выработана в 60-70-ые гг., во многом продолжается. Мы недавно говорили, в том числе с вашими коллегами из Мемориала, и вместе сказали такую вещь, что надо понять, что страна изменилась, люди изменились, и надо понять, как о тех же вещах говорить по-новому людям, которые уже не прячутся на кухне от советской власти, не ощущают себя совершенно обездоленными, как поговорить об этом по-новому с сытой страной. Это не мои слова, это я у кого-то украл, не помню, кто это сказал. Как о разных проблемах, в том числе о проблеме трагедии в нашей истории поговорить со страной, которая стала потихоньку сытой, которой это ужасно нравится, она радостно переживает это новое качество. Но, тем не менее, это не значит, что они совсем не готовы поговорить о прошлом, в том числе в трагическом ключе. Хотя не только о трагедиях идет речь.

Ольга Лобач: Во-первых, я благодарна за ту тему, которую вы упомянули вскользь, но она мне представляется крайне важной. В частности, то, что относится к искушению профессионального сообщества. Не так давно был открытый семинар «Полит.ру», который собирал философов. Они разговаривали по поводу современного состояния философии, и в частности самими философами там была высказана мысль: «Раньше мы были нужны, были ангажированы, и жилось нам очень хорошо и правильно, философия в нашем обществе была востребована. А сейчас мы живем так же, как остальные гуманитарии, хуже, чем раньше, потому что успешный философ сейчас никому не

нужен». Судя по всему, акцент на искушение переместился на историю, потому что она более употребима в политически-медийных дискуссиях. При этом могу горячо согласиться с вами в диагнозе современной культурной ситуации, когда у вас отнимают возможность говорения, которая предполагает услышание вас. Тексты существуют, а коммуникации нет. У меня только один вопрос. Вы действительно считаете, что участие в медийном пространстве, вхождение в пространство формализованных обменов, как вы его описали, поможет спасти эту ситуацию? И второе. Профессиональное сообщество историков, судя по всему, в вашем изложении не обладает этической устойчивостью к использованию. И вообще может ли любое профессиональное сообщество обладать такой устойчивостью? В этом смысле моя позиция заключается в том, что то, что вы описываете, называется определенной культурной ситуацией, и если вы не выделяете себя из профессионального сообщества в сообщество культурных людей, где у вас есть действия, принципы, формы этой деятельности, где профессиональное сообщество становится второй характеристикой, то из этой ситуации не выйти. А также большое спасибо, потому что я уже не один раз слышу в ваших текстах мысль, представляющуюся мне важной, о том, что политика – это только одна из действительностей нашего социума, и если ставить ее слишком высоко, с ней никогда нельзя будет ничего сделать. Вы сами ее туда поставите и никогда не найдете с ней ни общего языка, ни взаимодействия.

Миллер: Вопрос, вроде, короткий. А у меня есть целый ряд важных, с моей точки зрения, возражений. Во-первых, философы. Ничего подобного. Ангажируют. И я вам приведу пример философа Леонида Полякова. Замечательно ангажирован и недавно обслуживал, в 2007-2008 гг., по самое не балуйся.

Долгин: И это далеко не единственный пример, я бы мягко сказал.

Миллер: Историков, правильно, тоже ангажируют. Обладает ли профессиональное сообщество историков устойчивостью – конечно, нет, если мы берем историков за профессиональное сообщество. Но внутри есть какие-то группы, которые такой устойчивостью, в общем, обладают. На разных уровнях разные вещи их начинают задевать и выводить из себя. Я не хочу называть имен. Но я занимаюсь networking, построением сетей, и я вижу, как я приобретаю союзников. Причем эти сети не обязательно только внутри России. Я знаю ситуации, когда на историческом факультете московского вполне уважаемого университета люди, профессиональные историки, причем не обязательно шибко либерального направления, видят, как у них начинают воровать студентов, их начинают подтягивать к обслуживанию исторической политики. И они говорят своим студентам: «Знаете, ребята, обратной дороги вам не будет». Постепенно, по крайней мере, какие-то фрагменты исторического сообщества начинают на это реагировать. Точно то же самое происходит в других странах, которые являются территорией, на которой это осуществляется.

Теперь что касается того, что не будем ставить политику высоко, никогда не договоримся и т.д. Слишком высоко ставить политику не надо. Может быть, я неправильно понял, но в том, что вы говорили, я узнал тезис, что власть всегда плоха, и порядочный интеллигентный человек с ней разговаривать не должен. Если это не так, то перестаю отвечать, поскольку вы представляете, что я могу сказать по этому поводу.

Игорь Чубайс: Спасибо большое за лекцию, я узнал много разных новых фактов, но возникло и много вопросов. Когда вы говорите об исторической политике, мне кажется, что вы недостаточно четко ее объясняете или не совсем понятно ее оцениваете. Потому что когда вы говорите об исторической политике на Украине или в Польше, у вас подтекст такой, что это зло. Когда вы стали говорить об учебнике Филиппова, вы

говорили об этом, как о чем-то естественном и нормальном. В этой связи у меня короткие размышления.

Долгин: Там просто неправильно была понятна мысль. Естественно и нормально, что появляется такой учебник, неважно, в России, на Украине или в Польше. Плохо, что осуществляется государственная политика по продавливанию этого учебного пособия.

Чубайс: Так этот учебник - целиком и полностью порождение государственной политики.

Миллер: Именно в этом смысле это и ужасно. Правильно, мы абсолютно с вами согласны.

Чубайс: Ладно, мне еще надо подумать. Но с моей точки зрения, то, что вы называете исторической политикой, по существу неизбежно, потому что знание всегда социально обусловлено. Нет абсолютно нейтрального знания. Только озабоченный мужчина, глядя на небо, мог увидеть там созвездие Девы. Там нет никакой девы, а он увидел созвездие Девы, потому что мы всегда социально обусловлены. Тем не менее, есть какой-то ход, который позволяет эту проблему снизить, не отменить, но снизить. И ход заключается в том, что необходимы настоящие, хотя и тоже социально обусловленные, но фундированные научные исследования. Вы все время говорите о Катюне, Голодоморе и т.д. Кто у нас знал о Голодоморе до тех пор, пока украинцы три-четыре года назад не раскрутили эту проблему? У нас же вообще нет ответа. Кто у нас говорил о Катюне до 1991г., причем ведь мы здесь проигрываем на 100%, потому что на самом деле мало кто знает, что в 1920 г., когда был замечательный поход Сталина и Тухачевского в Варшаву, 75 тыс. наших красноармейцев там осталось в плену и было уничтожено. И ни разу ни советское, ни постсоветское правительство не вспомнило об этих людях, которые погибли ни за что. А за Катюнь мы обязаны каяться. Но поляки помнят своих, а нашим властям плевать на своих. Поэтому если бы у нас была своя история, настоящая, тогда эта политизация истории была бы уже крайне затруднительна. У нас нет научных школ, у нас нет новой гуманитарной науки, у нас сегодня гуляет сталинизм, и из-за этого все наши проблемы. Если бы мы сказали, кто такой Сталин, эстонцы и украинцы с нами бы не ссорились. А когда его поднимают на щит, тогда несется. «Мы погибали, а что же вы делали?!» И тогда они будут отворачиваться от России, а не просто от историков.

Миллер: Хорошо. Здесь очень важны два тезиса. Во-первых, я готов с вами целиком и полностью согласиться. То, что вы сказали в конце, что ссоры и не ссоры, а совершенно сознательная эксплуатация темы современной России как наследницы сталинских преступлений, возможно ровно потому, что мы это не сделали темой нашего внутреннего обсуждения. В этом смысле можно попытаться объяснить политикам, что очень часто интересы нормального исторического осмысления и их интересы совпадают, просто не надо слушать только одних. А дальше вы сами продемонстрировали упражнение в исторической политике. Вы сказали, что «ежели бы мы сразу полякам выкатили 75 тыс. наших красноармейцев, вот бы они заткнулись по поводу Катюни». Вопрос здесь в следующем. То, что они чтят людей, погибших в Катюне - абсолютно святое и нормальное дело. Смотрите, что ненормально. Во-первых, они тоже хотят, чтобы это был геноцид. Во-вторых, они сразу включают его в политический контекст. Обратите внимание, почему это историческая политика, потому что есть, например, такой эпизод, как Волынская резня. Они четко знают, что им надо политически заключить союз с Украиной. Как они работали с темой Волынской резни, когда УПА резала несколько десятков тысяч поляков, причем с примерной жестокостью, чтобы остальные убежали. Как они с этим работают? Примирение, совместные конференции и т.д. Вы что думаете, украинцы во всем покаются и т.д.? Ничего подобного. Бегают толпы людей по Украине, которые кричат, что поляки первые начали, сами виноваты и т.д. Но есть политическая

воля к преодолению этого. Они внутри своей собственной страны будут говорить людям, которые сейчас хотят построить памятник жертвам Волынской резни: «Это политически неграмотный ход». Значит, вопрос не в том, будем ли мы помнить. Всех надо помнить, всех надо изучать, всем надо ставить памятники и т.д. Вопрос в том, как это используется. Поэтому не надо. 75 тыс. красноармейцев совершенно не являются ответом на Катынь. Вот как раз это и есть пример исторической политики: «Вы нам Катынь, а мы вам 75 тыс. красноармейцев». Это и есть плевание друг другу в борщ. Этого очень желательно было бы избежать. А про Филиппова понятно, что нормально, что люди высказывают разные точки зрения. Ненормально, когда какая-то специфическая обслуживающая точка зрения внедряется, как доминирующая, с помощью, условно говоря, госзаказа.

Никита Соколов: Для меня в выстроенной вами картине остается сомнительным один штрих. Я бы совершенно в нее уверовал, но мне не хватает информации, чтобы окончательно в нее уверовать. До сих пор, до самой последней секунды все время говорилось о линиях такого противостояния, отягощенных воспоминаниями того, что это противостояние по линии империя – окраина. В связи с этим чрезвычайно интересно было бы узнать, как строятся эти разговоры, когда учет взаимных грехов начинаются между окраинами. Эпизод Волынской резни, Колиивщина к этому относятся, можно еще вспомнить, там многими событиями отягощены взаимные отношения Украины и Польши. Не упрощаем ли мы задачу, не делаем ли черно-белой ситуацию, не принимая в расчет отдельные счеты между окраинами, или они такие же, как с метрополиями?

Миллер: Я бы сказал, что и в отношениях между окраинами, и в отношениях между окраинами и метрополией есть пространство для применения исторической политики. Я вас уверяю, что в Польше есть силы, которые хотят ту же самую Волынскую резню превратить в объект исторической политики, но исходя из собственных политических задач. Другое дело, что они не доминируют в политике. Потому что доминирующая линия польской внешней политики, которая преобладает между всеми правительствами (а оно у них после каждых выборов новое, еще ни разу партия, которая в Польше была у власти, не выиграла их второй раз) это «Мы с украинцами должны дружить и известно против кого». Принцип «мы дружим против кого-то». Но когда возникает какой-то конфликт между бывшими окраинами, казалось бы, сколько времени прошло, скажем, чехи и австрийцы, но это тоже объекты исторической политики, когда там возникают реальные политические интересы. Там это все-таки в политике занимает не настолько важное место. Тут еще другая сторона вопроса. Очень часто некоторые страны ставятся в пример, что они хорошо все делают. Нет стран, которые делают все хорошо. В этом смысле Гавел ставится как пример человека, который правильно работал с историей, правильно все говорил. Ничего подобного. Точно так же были политизированы. Гавел не отменил декретов Бенеша и т.д.

Долгин: Декреты Бенеша – декреты о выселении судетских немцев.

Миллер: Да, и об отъеме их собственности. И до сих пор они их не отменили. У всех есть свои проблемы, я бы здесь не хотел уходить в проблему исторической вины, и как с ней надо работать. Это отдельная сложная тема. Я сказал о пространстве Восточной Европы по той причине, что, наряду с Польшей, Украиной, Россией, я работаю еще в Венгрии, смотрю, что там происходит. Историческая политика – общая проблема всего региона.

Виталий Лейбин: Я бы хотел немного сдвинуться с некоторого манихейства, которое, кажется, возникло в обсуждении. Мне по некоторым оценкам показалось, что содержание у вас более глубокое, чем манихейское различие, что государственная политика – это плохо, а некоторая настоящая наука – это хорошо. Ведь на самом деле у исторических

нарративов есть много разных функций: педагогическая – понятно, что государство в школе всегда что-то преподает. Правильно ли я понимаю, что дело не в том, что государство не должно работать со сферой идеологии и исторической мифологии, а в том, что она работает слишком просто. Теперь вопрос. Кто и как может помочь работать сложно? Мы же понимаем, что есть отличные историки, как Тит Ливий, но он не сомневался, что Римская империя и римская доблесть – это супер. Кто создаст такой нарратив о российской доблести, может быть, не только государственной, но и гражданской. Какова более сложная структура этого мира? И второй вопрос – исторический. Может ли быть по-исторически по-другому, более сложно организована общественная коммуникация в тех случаях, когда страны только-только после перелома или еще новые, как Украина, или после революции, как мы. Бывает ли в таких странах более сложное обсуждение, и какие есть примеры?

Алексей Миллер (фото Наташи Четвериковой)

Миллер: Я не знаю ответов на эти вопросы. Я был бы очень рад, если бы я мог уверенно сказать, что то, о чем я говорил – это болезни роста. Я, в общем, надеюсь, что это так. Но мне кажется, что для того, чтобы это превратилось в болезнь роста, этому надо совершенно сознательно противодействовать. И второй вопрос - кто сделает. Это вопрос заказа. Государство же неслучайно кого-то выбирает, делает ему заказ и потом награждает местом в Совете национальной безопасности. Оно сформулировало такой заказ, никто государство не заставлял, не надо думать, что там сидят такие дурачки, которые не понимают, что они сознательно все это дело примитивизируют. Они решили, что так им будет по каким-то причинам выгодно. Я считаю, что ситуация вовсе не вынуждает их к такому. Скажем, такая историческая политика, которая проводится на Украине, в этом смысле не только какие-то проблемы решает, как они думают, но она очень серьезные проблемы создает. Они могли бы по-другому работать с проблемой молодости, неоднородности собственной страны, и у них бы заметно лучше получилось. Но я как-то смотрел передачу, которую вел Савик Шустер уже на Украине, и они там обсуждали УПА. Там были две стороны. Одна сторона говорила о том, что УПА – это герои, а другая сторона говорила о том, что УПА – это преступники. И там выступил какой-то человек, который стал говорить: «Знаете, время было такое, это была война, люди друг друга убивали, и все в какой-то степени герои, потому что жертвовали собой, в каком-то смысле преступники, потому что убивали других людей, еще что-то нехорошее делали. Может быть, просто скажем, что это пожилые люди, что ветераны советской армии, что ветераны УПА, дадим им пенсию и закончим на этом. Скажем, что они – две части украинской истории, каждый по-своему заблуждался, каждый по-своему понимал свою правду и все». И тут обе стороны на него набросились. Это и есть историческая политика, когда с одной стороны у вас Витренко, а с другой стороны какой-нибудь галицийский украинец, который считает так, а не иначе. Я думаю, что всегда есть выбор. Эта опция, что оставим Катынь русским в том смысле, что пусть они сами разбираются с этой проблемой своей вины. Это Туск придумал, потому что он такой умный? Нет, эта опция всегда была на столе, о ней сто лет говорят. Просто он решил, что он ее возьмет, а другие смотрели на нее, лежащую на столе, и не видели, не хотели видеть. В этом смысле это проблема того, чего хочет власть.

Павел Полян: Забавно, у меня тоже был один грузинский студент, который так расстроился, узнав, во-первых, что турков-месхетинцев обижали, в том числе обижали вторично при демократическом грузинском правительстве, что тоже перестал ходить на наши общие мероприятия.

Миллер: Но есть другие грузинские студенты.

Полян: Наверное.

Миллер: Нет, я их видел, я их знаю, я с ними работаю.

Полян: Мне кажется, термин «историческая политика» красивый, но лишен реального серьезного содержания, потому что речь идет о соотношении достаточно четких вещей, политики и истории. Даже не только политики и истории, но политики и науки, потому что точно в таком же положении, как история, по отношению к государственной политике находятся и другие дисциплины. Демография особенно на острие, может, гораздо больше, чем история. Также социология и даже география. Всегда находится такая часть, и есть, наверно, тем не менее, историческое ядро. В данном случае, если мы будем говорить об историческом сообществе, которое на это идти не склонно, и в этом есть следующий потенциал. Не надо думать, что одна идеология, которая кроется за политикой, может приводить к таким печальным результатам, о которых сегодня очень интересно рассказывал Алексей. Это может быть и экономика. Например, если вы думаете, что такой прекрасный жест немецкого правительства, как выплата компенсаций остарбайтерам, другим категориям обиженных при Гитлере – это гуманитарный жест, который выработан во внутренних механизмах немецкого общества, немецкой души, вы глубоко заблуждаетесь. Это реакция на реальную угрозу бойкота немецкого банка. Когда немецкие интересы в Америке оказались настолько под угрозой в силу исков, которые выдвинули малочисленные, но юридически сильные группы жертв-американских евреев, Германия дрогнула и государство объединилось в очень трудный и сложный процесс, объединилось с крупной немецкой промышленностью и пошло на эту компенсацию, которая всячески преподносится, как чрезвычайно благообразное и снимающее с мундира Германии какие-то пятна. А вот когда речь дошла до советских военнопленных, у которых не было никакого лобби ни в Германии, ни в России, нигде, то тут они сочли возможным так далеко не идти и выкинули их из числа претендентов на то, что раздавалось. Хотя исторически для этого не было никаких оснований. Именно в Германии были первые исследования по советским военнопленным, которые камня на камне не оставляли от позиции, сформулированной в немецком законе. Не в украинском, не в российском, не в молдавском и не польском, а в немецком, в цивилизованном немецком законе об этой компенсации. Те, кто были военнопленными, не имеют на нее права, а то, что советские военнопленные были в таком статусе, который с военнопленным не имеет почти ничего общего – это неважно, они все равно были военнопленными такими же, как английские и американские. Так что происхождение этой давящей на науку государственной воли, государственной политики, даже не всегда такой последовательной – это общий случай. Выступил «Мемориал», это мне достаточно близко. Две альтернативы. Мне кажется, обе они правильны. То, что говорил Алексей про интернет-форум, мне кажется более существенным, чтобы выходили документальные сборники документов, адекватным образом откомментированные, и были доступны и в интернете и еще как угодно. Например, такого сборника по голодомору нет. Я был свидетелем не только таких маргинальных дискуссий в рамках того, что, с моей точки зрения, не так уж обязательно называть исторической политикой. Я был свидетелем и участником дискуссии о голодоморе на научных форумах, где канадские, немецкие, американские, российские, украинские ученые вполне с аргументацией. Но у них не было общего документального текста, на который можно было бы опереться и разобрать аргументы друг друга. Каждый что-то знает, что-то в архиве нашел, что-то не нашел, что-то подтасовал, что-то забыл, что-то вспомнил, а вот такого рода книги нет. И мне кажется, что это одна опция, которая должна обязательно развиваться. Но в то же время в международном историческом сообществе, которое свободно от влияния своих правительств, в той или иной степени, во всяком случае, в большей, чем национальные, должны существовать какие-то органы,

общественные структуры, исторические Гринписы, amnesty international и т.д., которые от имени исторического сообщества, как профессионалов (политики тоже профессионалы, наверно, и историки профессионалы), борясь за свою историческую и профессиональную честь и за музу Клио, должны этому противостоять, как профессионалы профессионалам. Их слово должно быть веским. Это зависит не от того, что это тут же будет засорено теми, о ком говорилось в этом докладе. Форматы, процедуры, сознательное, осмысленное противостояние обязательно необходимо именно в профессиональной среде.

Миллер: Очень коротко. Насчет того, что нет ничего нового. Мне трудно сейчас это сформулировать, но я думаю, что чего-то принципиально новое есть. Павел говорил о том, что в 1939 или 1940 году были историки, которые были готовы объяснить, почему надо присоединять Западную Украину, Белоруссию. Этот пример показывает, что одна очень важная часть моего аргумента не была понята. Павел приводил примеры из Советского Союза 1940 г. Это вполне жесткое, хотите, называйте тоталитарное, хотите авторитарное, но это было жесткое идеологическое общество, где все обслуживали, а которые не обслуживали, обслуживали на лесоповале. Это совершенно другая ситуация. Мы сейчас все-таки обсуждаем общество, которое живет если при авторитаризме, то очень мягких формах авторитаризма, где, в общем-то, никакой физической угрозы почти нет. Надо очень сильно постараться, чтобы какие-нибудь борцы за чистоту русской нации тюкнули тебя в подъезде. Я в хорошем смысле говорю. Действительно, есть люди, которые пострадали таким образом, но все-таки это единицы, и это, судя по всему, все-таки не государственный заказ. Но, тем не менее, государство в этом плюралистическом обществе с множеством разных медийных форм, где оно не совсем все контролирует (ведь не только телевизор существует, все-таки интернет – очень мощная вещь), но проводит такую политику, историческую политику. И здесь для меня очень важен был момент, что не то, чтобы историку звонили и говорили: «Слушай, ты там набросай примерно пять страниц к очередной речи Никиты Сергеевича по поводу юбилея воссоединения Украины с Россией» – историк садился и набрасывал. А историки рекрутируются, как уже серьезные бойцы идеологического фронта, уже не в том смысле, что они госслужащие, когда работают в академическом институте, а они уже в структурах, которые никакого отношения к академическим не имеют. И в этом смысле есть принципиальная новизна.

Григорий Чудновский: Темы, которые вы подняли, дают возможность подойти к ним с других ракурсов. Я хочу задать один вопрос и одновременно сказать, что мне наиболее близко то, как вы оценили структуру дискуссии. Эта принципиальная вещь действительно ускользает, потому что там главное коммуникация, а ее не получается. А мой вопрос следующий. Я ухожу от вашего дискурса, я его понимаю, но ухожу. Но если вам удастся, как включенному наблюдателю, ответьте, пожалуйста. У меня создается впечатление, что все, что вы говорили, – это часть более общей рамочной проблемы – новое мироустройство. В частности, те страны, о которых вы говорили, которые включены в последние годы в Евросоюз, и их поведение в рамках Катании, упреков Германии в том, что у Польши не хватает населения, потому что оно уничтожено, это можно понимать, как важный способ провокации, в которых непонятны границы реакции тех будущих партнеров в Евросоюзе, с которыми придется жить, а одновременно реакция на эти вещи тех стран типа России, которые не входят в данный блок. По-моему, здесь возникает серьезная проблема, связанная с границами реакции, и для этого надо провоцировать. Поэтому неслучайно, я думаю, кроме обслуживающей темы политиками, историками, журналистами процессов становления новых государств, есть еще такая тема, как прощупывание. Эта тема исходит из незнания реакции и необходимости прощупать. Поэтому, например, на Украине можно говорить о голодоморе, как геноциде, и 99% – это не очень важная информация, был ли голодомор или целенаправленный геноцид со стороны России. Они подняли эту тему и хотят посмотреть, как на нее реагирует мир,

Россия в частности. Можно точно так же говорить, что героями Украины стали люди с сомнительным прошлым, нацистским и т.д., это вызывает взрывы. Вот эти взрывы необходимы, их надо понять и прошупать. Поскольку вы правильно говорите, что сильно упростился подход, а надо его ставить в более сложных конфигурациях. Поэтому речь идет о том, что это провоцирующие технологии, которых не хватает в силу того, что мы слабо размежевались, и это дополняет наше понимание друг друга.

Миллер: В какой степени кто кого хочет провоцировать, я не знаю, я у них в головах не сидел. Я точно знаю, что вы не правы, когда говорите, что на 99% голодомор для Украины не важен, а это прошупывание реакции и т.д. Ничего подобного. Это один из ключевых элементов определенной стратегии идентификации людей самой Украины. Поэтому, конечно, описать все то, о чем я говорил, в таких категориях, как вы попробовали, не получится.

Долгин: Могу еще добавить, что за годы, пока мы жили в разных местах, кое-что изменилось. Если вспомнить реакции начала 90-х гг., то сейчас они уже разные.

Леонид Блехер (фонд «Общественное мнение»): Алексей Ильич, мы с вами живем в стране, в которой коую тысячу лет основную роль играет представление людей, которые не говорят, а только слушают и действуют. Я хочу спросить у вас, не имеет ли смысла подход, при котором поведение историков, поведение политиков само по себе является некой реакцией, что первичными являются представления людей о мире. Дело же не в том, что говорят Качиньские, а в том, что их выбрали, совершенно свободно выбрали люди. И тех людей в Польше, которые считают иначе (а они есть), оказалось меньше. Есть состояние общественного сознания и в Польше, и на Украине, и у нас в России, которое определяет как пляску политиков, так и не голоса, но популярность тех или других голосов историков. То, что происходит и то, что вы говорили, выглядит так, будто источником всего являются мыслящие, думающие, говорящие, формулирующие люди. Да, такая точка есть, и за ней очень большая традиция. А если представить себе, что они сами по себе являются функцией и следствием совсем другого океана, тогда смена их взглядов, этих голосов с либеральных 80-90-х гг. – это такие странные полугосударственные, полунационалистические неопределенные у нас в России или неуверенные на Украине в 80-90-ые гг., когда народ как в какой-то же шизухе за полгода голосует противоположным образом. Это же что-то говорит о людях, никаких политиков еще не было, они появились потом. И политики, мне даже неудобно говорить, но в каком-то смысле историки только озвучивают состояние мышления людей.

Миллер: Первое, что я могу сказать – какое-то рациональное зерно в этом есть в том смысле, что, конечно, происходит какая-то эволюция общественных настроений. Она отражается и в том, как историки выбирают темы и т.д. Это верно. Но все-таки к исторической политике это прямого отношения не имеет. Я обращаю ваше внимание на то, что Качиньские считали, что они войдут в резонанс с электоратом, если они так сформулируют свое послание избирателям, и выразили, может быть, отчасти чаяния какой-то части электората – ради бога. Но вот прошел год, и вдруг оказалось, что их стратегия неверна, что они эти выборы проиграли. Дальше Ющенко так сформулировал свою историческую политику, и, может быть, он выражал настроения какой-то группы, с которой он внутренне резонировал. Но с точки зрения его политической карьеры это было самоубийством, потому что он лично настоял на том, чтобы попробовать договориться с Восточной Украиной и стать объединяющей фигурой, он эту опцию своим УПА выкинул в помойку. Обратите внимание, что тот политик, который пытается это сделать сегодня в Украине – Юлия Тимошенко – старается как можно меньше затрагивать эти разделяющие темы. Ни по голодомору, ни по УПА она не бежит в первых рядах. Т.е. представлять, что

есть какая-то молчащая масса, у которой есть одно настроение – ничего подобного. Тем более, вы говорите, что люди 1000 лет думали одно и то же. Люди изменились, между прочим. Они научились читать газеты, смотреть телевизор, читать интернет и массу всяких других вещей. Они вообще научились читать в основном в XX в. С этими тысячелетними процессами кое-что все-таки меняется.

Блехер: Мы в нашем фонде проводили косые сотни исследований о том, как люди воспринимают то, что им говорят. Самая интересная тема. И какими же шокирующими были для нас результаты исследования того, как люди воспринимают то, что им говорят по телевизору. Исследования, которые смотрят на то, что говорится, не получают адекватного результата. Адекватно расспрашивать тех, кто слушает, и этот результат шокирующий. Люди пропускают те слова, которые им по каким-то причинам не подходят. Люди истолковывают вплоть до противоположного смысла то, что им подходит. Воспринимающий активен. Это с виду мы говорим – он слушает, это не так.

Миллер: Я с этим совершенно согласен. Но все-таки это не значит, что можно пойти так далеко, как идете вы.

Блехер: Но договориться можно.

Миллер: Договориться можно.

Александр Матюхин (студент): Как я понял из лекции, вы сказали, что история фактически делается в двух экземплярах: одна – в сложных категориях для профессионалов и профессионалами, а другая – в упрощенных категориях для широких масс различными людьми, в том числе тоже профессионалами.

Долгин: Просто разные механизмы трансляции знания.

Матюхин: Да. Вот получается, что мы до масс тоже должны донести адекватную информацию, которая соответствует действительности. Спрашивается, можно ли при упрощении этих профессиональных категорий сохранить сущность повествования.

Долгин: Хороший методологический вопрос.

Миллер: Я думаю, что вопрос не только в том, как донести, упрощая. Хотя и здесь, как и во всем, надо меру знать, в этом упрощении. Дело ведь в том, что ставится в центр этих посланий об истории. Любимая мысль Александра Аузана, который здесь часто выступает, заключается в том (если я ее правильно понимаю, пусть он меня извинит, если неправильно), что большая часть наших бед – от Карамзина. В том смысле, что есть определенный исторический нарратив, в котором в центре стоит государство и великие военачальники. Соответственно, памятники у нас военным победам и т.д. Если где-то в опросах мелькнет, что самый главный – Пушкин, так это слава богу. А так главные у нас – все-таки люди, которые умеют загнать большую массу людей в болота построить Петербург и там сдохнуть, или еще что-нибудь в таком роде. Я думаю, что можно построить не очень сложный нарратив. Условно говоря, вот что сейчас делает Лунгин. Я не знаю, что у него получится, но он снимает фильм, в котором он хочет сказать: «Ребята, посмотрите, важнее не Иван Грозный, а митрополит Колычев». Если мы так перестроим исторические нарративы, а потом или, не дожидаясь, пока мы-историки это перестроим, как пионеры, талантливые люди снимут по этому фильму, то мы добьемся существенных изменений в том, что вы называете массовым сознанием. Т.е. это не вопрос того, что историки сложно, а для масс надо просто. Это еще вопрос выбора тем, героев и т.д.

Долгин: Скажем так: любая модель – это всегда некоторое упрощение, абстрагирование от чего-то, но дальше вопрос в том, насколько корректно выбирается то, что сохраняется, и насколько корректно используется эта модель.

Борис Складенко: Алексей Ильич, прежде всего, спасибо за великолепную, прекрасную лекцию, в которой прозвучало два пояснения, из которых, на мой взгляд, проистекают методологические вещи, но не совсем четко между собой соотносимые. Первая – прозвучал вопрос о манихейском уходе от обсуждения, как средство.

Долгин: О манихейском уходе от многоцветия.

Складенко: Да, и, соответственно, уходе от обсуждения темы по существу, по содержанию. Это первое. А второе, что прозвучало – это политизированность, ангажированность историков. Не совсем понятно соотношение между ними, потому что политизация – это, вроде, из области именно ангажирования, субъективного или ангажированного выбора самого историка, в то время как манихейство в противоположность холистическому есть способ мышления, который есть таков, каков он есть, присущий тому или иному индивидууму. В менталитете народа или в проблематике, которая обсуждается в менталитете народа каково соотношение? Все-таки, с одной стороны, вы говорите о манихействе, как способе ухода, с другой стороны, об ангажированности.

Миллер: Как только я сказал слово «манихейство», сразу стал жалеть, что его сказал. Я некорректно его употребил. Я имел в виду, что сознательно конструируется оппозиция очень простых тезисов, которые исключают нормальный разговор. Т.е. вы нам – Катюнь, а мы вам – 75 тыс. наших красноармейцев. Я ведь вам могу сказать, что как только Катюнь возникла как проблема, одна из стратегий была не в том смысле, что «давайте разберемся, напишем книги о Катюни», которые мы написали. В России книги о Катюни есть и неплохие.

Долгин: Это ровно та же проблема, что есть академическая наука, и что есть реальные средства трансляции, которые доходят через СМИ, через образование.

Миллер: Вот когда у нас возникает Катюнь, и мы можем это обсуждать, либо мы не хотим это обсуждать и говорим: «Это немцы». Либо мы говорим: «А вы наших красноармейцев убили» - в смысле и вы гады, и мы гады, вот и хорошо. Помните, был такой замечательный эпизод, когда диктор канала «Россия» говорил про Джинджича, и это вызвало скандалы, когда он сказал: «И вот этот предатель сербского народа получил свою пулю». Я абсолютно уверен, что это он сам. Я имею в виду, что он это не согласовывал на уровне начальника ВГТРК, но он сам уже, его мышление является продуктом той атмосферы, которая создана. Это очень важно. И это как раз очень серьезно, это сказывается.

В этом смысле оставим манихейство, оно здесь не причем. Эта убийственная простота такой оппозиции, когда стенка на стенку, когда драка. Есть такое красивое словосочетание – диалог историографий. Вот украинская историография сформулировала свою позицию, что голодомор – это геноцид, российская историография сформулировала свою позицию – не геноцид, и сейчас у них будет диалог, мы можем представить, какой. Понятно, что дальше есть штрейкбрехеры по обе стороны: «Если ты, падла, украинский историк, не признал это геноцидом, то ты не принадлежишь украинской историографии, а ты предатель родины». Когда Масарик доказывал, что Краледворская и Зеленогорская

рукописи – это подделки (а это была часть чешского мифа), его противники говорили ему, что «тебя родила не чешская женщина, а ведьма с отравленной кровью». И когда мы слышим это, когда полемизируют с человеком не потому, что он сказал, а потому, кто он, сколько у него процентов чешской, русской, украинской и прочей крови, и сколько денег он получил из каких ресурсов – это и есть историческая политика.

Лейбин: У меня появился один вопрос в лоб, по поводу учебника Филиппова. Там был еще учебник социологии, и происходила интересная ситуация обсуждения. Разные социологи пытались обсуждать, как же написать учебник обществоведения для школьников. Участвовали в том числе лекторы, которые сюда приходили. Никто не взялся. Но там более простая ситуация. С учебником истории похоже. Было точное знание, что если поручить это человеку-спичрайтеру, то он напишет плохо. Но если обратится к сообществу, то они напишут, что мы плохие парни в духе вражеской исторической политики. Вопрос, можно ли утверждать, что российское историческое сообщество профессионалов таково, что при правильной организации властей оно могло бы разместить заказ на некоторый педагогический учебник, нарратив для педагогических целей, который не вызывал бы шизофрению у школьников. Есть ли такое сообщество и можно ли разместить такой заказ?

Миллер: Натан Эйдельман любил цитировать тезис одного из царей: «Некем взять». Т.е. реформы проводить некем. И Эйдельман всегда говорил: «Ты попробуй заказ сформулировать, и народ-то найдется, он к тебе потянется». Я думаю, что это та же ситуация. Я понимаю, что у нас далеко не лучшим образом обстоит дело с исторической наукой, но я думаю, что найти вменяемых людей, которые это напишут, можно. Мне никогда никаких заказов от властей не поступало. По собственной инициативе я решил, что для того, чтобы можно было в университетах преподавать историю Российской империи именно как империи, в которой не только русские жили, надо было бы сделать серию книг «Окраины Российской империи» в издательстве НЛЮ. Я ее делаю. К ней можно предъявлять разные претензии и фактического, и стилистического характера и т.д. Но я вам точно говорю, что если в Украине и Польше адепты исторической политики обвиняют меня в том, что я империалист, а в России мне говорят, что я стараюсь развалить Россию, похоже, кое-что удалось.

Долгин: Мы исчерпали время, и вопросов в таком режиме больше не будет. Но мы попросим Алексея Ильича ответить на вопросы в режиме нашего традиционного «Задай вопрос». Последнее завершающее. На мой взгляд, то, что было сказано по поводу государственной политики, и то, что говорилось по поводу общественной формы «Мемориалом», друг другу совершенно не противоречит. Это просто подходы из двух разных углов. Да, государственная политика есть, и надо ее учитывать, нужно с ней работать. С другой стороны, это не мешает обществу идти на какой-то исторический форум. Не в смысле интернет-форума, речь идет о том, чтобы взаимодействовать книгами, научными встречами, круглыми столами и т.д.

Миллер: Я хочу сказать, что та тема, по которой сейчас высказался Борис, является предметом активных дебатов. И чтобы не возникало какого-то недоразумения, я не являюсь противником общества «Мемориал», но я, как мне кажется, часто являюсь конструктивным критиком некоторых инициатив этого общества и остаюсь на этой позиции, что не мешает мне очень по-дружески общаться и с теми, кто присутствует, и с теми из «мемориальцев», кто сегодня отсутствует.

Национализация истории в Украине

Мы публикуем полную расшифровку лекции доктора исторических наук, заведующего отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессора Киево-Могилянской академии Георгия Касьянова, прочитанной 13 ноября 2008 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». Лекция продолжила тему исторической памяти и исторической политики.

Георгий Владимирович Касьянов родился в 1961 г. Закончил Киевский государственный педагогический институт (1983), аспирантуру Института истории Украины. Доктор исторических наук (1993). Стажировался в Гарварде и Кембридже, Лондонском и Хельсинкском университетах, Университете Монаша (Мельбурн, Австралия). Автор книг «Українська інтелігенція 1920-30-х років: соціальний портрет та історична доля» (1992), «Українська інтелігенція на рубежі XIX-XX ст.: Соціально-політичний портрет» (1993), «Історія України: нове бачення» (1996), «Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960-80-х років» (1995), «Теорії нації та націоналізму» (1999), «До питання по ідеологію ОУН» (2003), «Украина 1991 - 2007. Очерки новейшей истории» (2008). Соавтор ряда коллективных трудов по истории Украины.

Текст лекции

Я последние несколько лет занимаюсь способами переписывания истории на постсоветском пространстве. Главное, о чем я хочу поговорить, — это процесс национализации или, как его еще называют, приватизации истории. Содержание этого процесса заключается в следующем. Ранее общая история отделяется в сепаратную и превращается в национальную историю, которая вступает в конфронтацию с общей историей. Этот процесс продолжается уже почти 20 лет в Украине. Сначала я дам ретроспективу, а потом поговорю о внутренних составляющих. О том, как это выглядит методологически, теоретически и какие встречаются наиболее экстремальные проявления этого процесса. Итак. Происходило это в Украине по, более или менее стандартному сценарию. Но сразу скажу, что национализация истории в Украине — это скорее возвращение к стандартным интерпретационным схемам конца XIX — начала XX вв. Считалось даже хорошим тоном у историков писать в предисловиях к своим работам, что «мы стоим на твердом фундаменте школы Грушевского». Очень важный момент в этом сепарировании своей истории от ранее общей, общесоветской, заключается в том, что это была схема реверсивной истории. Стандартная схема реверсивной истории предполагает проекцию настоящего положения дел в прошлое. Интересно, что это обозначилось и в самой логике обращения к историческому материалу. Пересмотр и переписывание своей истории начались, конечно же, со сталинизма, потом перешли к периоду украинской революции 1917-1921 гг., потом — к дореволюционному периоду, к казачеству и к Киевской Руси. Таким образом, была восстановлена (или заново построена) линейная история Украины в ее суверенном варианте. Важной составляющей процесса с 1980-х гг. было то, что он был очень четко увязан с политической конъюнктурой. Национал-демократическая интеллигенция была ферментом этого процесса. Она начала отделение, точнее, эмансипацию украинской истории. Ведь при СССР не было истории Украины. Была история УССР в качестве «краеведческого» курса.

В 1989-1990-х гг. история стала использоваться как политический аргумент. В 1990-м году был пик уничтожения памятников Ленину, демонстраций, связанных с историей, прежде всего, с советской. В 1990 праздновалась годовщина Запорожской Сечи, мероприятия сопровождались колоссальным антикоммунистическим подъемом. История была аргументом в дискредитации правящей партии и в обосновании претензий УССР на большую автономию и суверенитет. Активно используются исторические аргументы, чтобы показать обособленность Украины от общего пространства. Именно в этот момент начинают разрабатываться концепции, которые имели националистическое содержание и потом вполне комфортно вошли в курсы истории и официальную идеологию. На рубеже 90-х гг. произошла окончательная суверенизация истории. Через неделю после принятия Декларации о суверенитете УССР, в июле 90-го года, с благословения Политбюро ЦК КПУ была принята программа развития исторических знаний и изучения и пропаганды истории УССР. Это был очень интересный микс идей, стандартных форм, позаимствованных из диаспорной историографии, которую до этого называли «буржуазно-националистической», и так называемых марксистских форм. С этого момента история Украины становится самостоятельной и как предмет исследований, и как предмет изучения в школах.

Тут Украина стала независимым государством, и историки приступили к созданию «официальной версии истории». Процесс развивался по стандартной непритязательной логике. Здесь можно выделить следующие компоненты. Первое – возвращение к столпам народнической историографии конца XIX-го века. Второе – массовый наплыв диаспорной историографии на Украину. Третье – создание стандартной, официальной версии истории Украины, которая с тех пор существует в неизменном виде, по крайней мере на уровне школьных программ. Этот процесс, конечно, сопровождался некоторыми экстремальными проявлениями. Например, в 93-м году пытались ввести курс «научного национализма» в вузах. Предложили этот курс бывшие преподаватели научного коммунизма и истории КПСС. Происходило достаточно формальное замещение старых структур, институций и даже портретов новыми. Был такой курьезный случай. В одном из «головных» исторических учреждений делали ремонт, красили стены и осталось пятно от портрета Ленина. И сделали потрет Грушевского и повесили на это же место. История КПСС фактически трансформировалась в нормативный курс истории Украины. На первом году обучения в вузах это обязательный курс, с такими же функциями индоктринации и воспитания «гражданского самосознания». Читают его бывшие преподаватели истории КПСС или научного коммунизма. Можно сказать, что к началу 90-х гг. процесс национализации завершился. Стандартная схема (или исторический канон) существует и представляет собой набор не очень интересных интерпретационных и познавательных форм, о которых я бы хотел сейчас сказать.

Прежде всего, стоит обратить внимание на методологическую сущность национального канона. Он по определению должен быть телеологическим. Тут никаких особых проблем не было, поскольку в сознании историков существовала формационная телеология из того варианта марксизма, который практиковался в СССР. Телеология была бы нефункциональной без довольно радикального варианта эссенциализма, предполагающего наличие некоей трансцендентной идеи нации, которую историкам нужно лишь правильно «охватить», для чего требуются «правильные» понятия и категории.

Соответственно, в рамках этого канона, когда возникает вопрос об отсутствии государственности (или нации) в течение тысячелетий, задачей историка становится не объяснить то, почему нация или «ее» государство есть, ведь она существует постоянно, вне времени, а объяснить, почему ее иногда нет. И тогда в научный инструментарий вводятся такие понятия, как «национальное возрождение».

И это приводит нас к следующей очень важной черте национального исторического канона. В его риторике преобладают не научные формулы, а метафоры и идеологемы. «Национальное возрождение» - это классический пример инсталляции метафоры в научный язык. В 1990-е годы это произошло абсолютно безболезненно: и в преподавании, и в научных исследованиях идеологическая метафора, продукт «национального проекта» XIX века, замечательно прижилась как одно из центральных понятий, объясняющих «наличие отсутствия» нации и национальной государственности и компенсирующих моменты прерывности в заведомо непрерывной истории существования той самой нации. И теперь в школьных программах есть отдельная глава, посвященная «национальному возрождению», а в системе высшего исторического образования существует даже такой специальный курс.

Георгий Касьянов (фото Наташи Четвериковой)

Еще одна важная черта канона – это этноцентричность, культурная и этническая эксклюзивность. В такой стандартной схеме главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность. В таком варианте история Украины – это история этнических украинцев. При всей комфортности такого подхода для проповедников упомянутого канона, все же постоянно возникает некое неудобство. Для внешнего наблюдателя всегда возникает проблема того, кто же такие «этнические украинцы». Ведь универсального критерия, подходящего под «украинский миллениум», не существует, — как найти этнических украинцев, к примеру, в Киевской Руси?

Еще одна важная черта – это линейность и абсолютизация непрерывности собственной нации. В более радикальном варианте предполагается, что украинская нация существовала всегда, по крайней мере, в рамках обозримой и описываемой истории. В более мягком – она существует с перерывами. Но эта прерывность перечеркивается тем, что автохтонный народ (украинцы) существовал всегда. А государство – не всегда. И, конечно, очень важная черта – это стремление удлинить свою историю. Наиболее радикальная форма, которая стала популярна в последнее время, – это обращение к Трипольской культуре. В некоторых вариантах, правда, не связанных с профессиональным историописанием, украинцы представлены как арии или даже как некие библейские народы.

Еще одна черта – это навязчивое стремление позиционировать себя в дихотомии «Восток-Запад». Хотя к Западу историки, исповедующие стандартный канон национализированной истории, относятся достаточно подозрительно, неотъемлемой чертой любого утверждения здесь является «европейскость» украинской нации. Тут возможны варианты. Например, «европейскость» подтверждается некоей извечной демократичностью украинской нации. Демократичность здесь – это, например, вечевой строй, казацкая христианская республика, первая в истории всего мира Конституция. Итак, размещение своей нации между Востоком и Западом с уклоном на Запад и с недоверием к нему является очень важной чертой канона национализированной историографии.

Как все это функционирует? Достаточно просто. Сама логика существования нового национального или «национализующего» государства предполагает спрос на такую схему истории. Это существует в школьных и вузовских курсах. В рамках этой схемы работают вполне уважаемые историки, имеющие хороший статус.

Но в последние лет десять стандартная схема подвергается серьезным атакам, размыванию со стороны тех же украинских историков, часть которых не удовлетворяет интеллектуальная скромность этого канона. Они хотят чего-то большего. Поразительно, что прямых дискуссий не происходит. Разве что в 93-м году, когда был круглый стол во Львове о проблемах формирования украинской власти. Больше открытых дискуссий не было. Канонический дискурс функционирует в рамках официальной схемы истории, неканонический существует самостоятельно. И сам, кстати говоря, институционализируется в журналах, институтах и т. д.

Следующая тема - национальный нарратив и политика истории. Политика истории – понятие относительно новое для украинской историографии. В 90-е годы политики истории как таковой еще не было. Она возникла как бы сама собой. Была своя логика в этом процессе – историки сами, без каких-то указаний, поняли, что им делать. И делали. Это началось еще при Кучме. Но тогда это имело тогда чисто практический характер, поскольку Кучма интересовался историей для своих текущих интересов. С 2005-го года началось более активное использование истории в государственной политике и политике вообще. Конечно, предвестником был 2003-й год, когда возникли очень острые дискуссии с поляками по поводу Волынской резни. Тогда же начались интересные вещи. Институт стратегических исследований при президенте Украины издал брошюру, которая в год России и Украины выглядела очень комично. Там фактически на основе исторического материала говорилось, что Россия – это враг Украины, что Россия лишила Украину государственности в XVII веке. При этом на государственном уровне отмечалась годовщина Переяславской Рады.

В брошюре содержались настоящие терминологические перлы о том, что Богдан Хмельницкий построил парламентскую республику, ввел президентскую форму правления, бездефицитный бюджет и т. д. – заметим, что избыток анахронизмов также является отличительной чертой канона национализированной истории.

На 2003-й год приходится скандал по поводу учебников, когда вице-премьер российского правительства предложила взаимно пересмотреть учебники и убрать оттуда ксенофобские моменты. В Украине часть историков и общественных деятелей решили, что это попытка России переписать украинские учебники. У меня лично требовали подписать открытое письмо протеста. Я отказался, поскольку не знал сути предложений. Потом это все как-то успокоилось. Но 2005-й год знаменует собой активизацию политики истории со стороны власть имущих. Здесь Вторая мировая война, Голодомор. Сейчас видна инсталляция Голодомора практически как формы гражданской религии для части общества. Идет масштабный проект по созданию системы символов, памятных мест, общественных реакций и т.д. Идет как международная кампания, так и внутри Украины. Одна только Книга Памяти чего стоит! Это колоссальный проект! Конечно, надо упомянуть о создании института национальной памяти.

Последствия активизации политики памяти очевидны. Это некоторые проблемы с Польшей и Россией, где в свою очередь наблюдается серьезное обострение синдрома исторической памяти — как на уровне высшей власти, так и на уровне общества. Идет война историй и репрезентаций историй с обеих сторон. Причем, с обеих сторон война несправедливая. Историки попали в необычную ситуацию. Раньше можно было высказывать абсолютно любые точки зрения о любом историческом моменте. Сейчас в Украине вас тоже никто не будет преследовать за публичные высказывания, не совпадающие с официальной политикой истории. Но силовое поле вокруг этого есть. Когда моим коллегам и мне приходится высказывать соображения по поводу Голодомора и политики памяти, нас часто спрашивают: «А вы не боитесь?» Пока мы не боимся. Но

осадок есть. Есть еще один важный тезис. Политика памяти в Украине не является системной. Она очень спонтанна. Она связана со вспышками текущих политических потребностей и с памятными датами. Вот пройдет 75-я годовщина голода 32-33-го гг. - и все значительно успокоится. Системной политики памяти пока нет, несмотря на создание института политики памяти. Собственно, все. Спасибо.

Обсуждение

Борис Долгин: Имеется факт. Украина – независимое государство. Есть и другой факт. Как бы ни относиться к экспериментам с независимостью в конце 10-х гг., из нынешней ситуации надо выстраивать какую-то линию, обосновывающую факт существования этого государства. Не следует ли из этого с неизбежностью, что все, что служило помехой к его формированию, должно представляться национальной историей как враждебная деятельность? Можно ли как-то выйти из этой логики, иначе построить обоснование существования государства, чтобы этим обоснованием не закладывать вражду?

Георгий Касьянов (фото Наташи Четвериковой)

Георгий Касьянов: Я бы первым поставил вопрос об обосновании существования нации. А нация без государства – это нехорошо, если речь идет о стандартном каноне. Эта логика описана мной. Если говорить об интерпретациях истории в смысле нахождения «другого», который мешает, то это неизбежно. Надо либо выходить за рамки национального канона, либо пытаться решать это механическими методами. Мы в следующем году хотим начать проект. Хотим взять все учебники истории и отследить в них все моменты этнической и иной нетерпимости. А потом хотим показать это учителям, авторам, методистам и т.д. Потому что там есть кошмарные вещи.

Борис Долгин: А вы как-то связаны с деятельностью комиссии при Институте национальной памяти, во главе с Натальей Яковенко, которая анализировала учебники и подготовила большой доклад?

Георгий Касьянов: Доклад подготовили мы — большая группа историков. Есть группа историков в Украине, которая уже давно высказывает озабоченность состоянием учебников по истории. Я в этой группе. Более того, я занимаю позицию председателя научно-исторической комиссии при Министерстве образования Украины по учебникам истории. Функция комиссии в том, чтобы давать учебникам грифы. Но с тех пор, как я стал ее председателем, учебники почему-то перестали туда приходить. Те, которые приходят, мы блокируем где-то 19 из 20. Они ужасны с любой точки зрения - эстетической, гигиенической, содержательной. Но то, что мы хотим сейчас сделать, находится несколько в стороне от Министерства. Мы хотим поднять на это регионы, общественность, чтобы создать публичный резонанс. Потому что дети выходят из школы, во-первых, с отвращением к курсу истории Украины, во-вторых, с серьезными зарядом ксенофобии.

Борис Долгин: Я сразу хочу сказать, что мы с удовольствием будем публиковать ваши документы.

Георгий Касьянов: Спасибо

Алексей Миллер: У меня два вопроса. Не мог бы ты описать поле, в котором происходят все эти дискуссии? Когда ты говоришь «мы, которые организуем все эти дискуссии», кого ты имеешь в виду? Есть ли какие-то журналы, у которых есть иммунитет к этим вещам?

Второй вопрос. Если я правильно понимаю, ты член некой российско-украинской структуры. Какой там есть полезный выход?

Георгий Касьянов: Поле дискуссии ограничивается узким кругом интеллектуалов. Их достаточно мало. Тех, кто пытается сформулировать проблему и вывести из нее какие-то практические действия. Резонанса это не имеет, как и влияния на какие-то структуры типа Министерства образования. Министерство – это стандартная иерархия, действующая по своим законам.

Что касается российско-украинской структуры, то никакой структуры здесь нет. Есть группа историков из России и Украины, которая несколько раз собиралась. Говорили и об учебниках, но никто их не читал и не анализировал. Это неформальная структура. Что сделано? Написана сотрудниками Института истории Украины на русском языке «История Украины», и есть на украинском языке «История России», написанная российскими историками.

Голос из зала: Вышли «Очерки истории Украины» на русском языке. Вышло аналогичное издание по истории России на украинском. Насколько эти очерки являются адекватными? Не является ли это просто переносом определенных клише, в частности, пропагандистских?

Георгий Касьянов: Я бы сказал, что нет. Эти тексты обсуждались. Мы давали свои тексты российским коллегам. И наоборот. Читали разделы параллельно. Забавно, что в российском варианте не было истории после 1991-го года. А у нас была. Когда российские коллеги это увидели, решили тоже написать. Вся история после 91-го года заняла 6 страниц. Не буду комментировать. И так все понятно. Происходили забавные вещи. В свое время нам с коллегами пришлось совершить демарш. Когда я увидел, что в нашей книжке есть тема «Украинское национальное возрождение», я сказал, что не буду в этом участвовать. Возрождение пропало. Но концептуально тема осталась. Так что можно сказать, что с украинской стороны идет проекция стандартных форм. Но никто никому ничего не указывал. Только главный редактор убрал самые заостренные моменты, например, в моем разделе. Но к тому моменту выходила моя собственная книга на ту же тему, так что я не возражал. Что касается пропаганды, то я эти книги не читал целиком. Можно предположить, что она будет присутствовать. Про свой раздел могу сказать, что написал я его, как хотел, мне никто не давал ценных указаний.

Борис Долгин: А как вообще имеет смысл сообща бороться с идиотизмом? У нас недавно выступал Адам Михник, который рассказывал о тамошней политике памяти. Он озвучивал лозунг объединения против идиотов с разных сторон - поверх границ. Где здесь пространство для нашего сотрудничества?

Георгий Касьянов: У нас с Миллером есть семинар для молодых историков из разных республик. На этом семинаре дискуссии ведутся на вполне нормальном уровне. Тексты есть на сайте. Последний семинар был по этническим чисткам, геноциду и т.д. А с идиотизмом, по-моему, бесполезно бороться. С ним надо учиться существовать параллельно. Это вещь вечная и неодолимая.

Борис Долгин: Идиотизм имеет орудия пропаганды.

Георгий Касьянов: Да. У нас есть идиотизм около Голодомора. Это действительно ужасное событие, но пляска на костях, которая продолжается уже 2,5 года, вызывает неприятные ассоциации и реакции. Я сейчас заканчиваю книжку, где это все описано,

потому меня и спрашивают, не боюсь ли я. Не боюсь. Страшно будет, если ее прочитают те, кто устраивает все это, и скажут: «Вот. Это то, о чем мы говорили». Так было с «Теорией наций и национализма». Я написал ее как научную. А потом некоторые националисты сказали: «Это наше! Правильно написал!» Они говорят о том, что я национализм легитимировал, что он нормален. Это так. Но они делают вывод, что они нормальные.

Алексей Миллер: Когда говорилось о том, как можно объединяться против идиотизма, я согласен с тем, что с каким-то идиотизмом можно существовать параллельно, не обращая на него внимания. Но есть формы идиотизма, которые требуют организованного действия. Я недавно еще думал, что это проблемы наши и Восточной Европы. Две недели назад во Франции опубликовано письмо Пьера Нора и других, в котором авторы говорят о том, что историки должны объединиться и не дать политикам политизировать историю. Оказывается, все эти вещи присутствуют. Во Франции полно криминализации интерпретаций. Похоже, что с какими-то формами идиотизма придется бороться организованно.

Георгий Касьянов: Возможно, я его просто недооценил.

Григорий Чудновский: Мы в прессе много читаем о событиях, происходящих в Украине. В частности, по религиям. И мы очень мало знаем о значении этого фактора со стороны профессиональных историков. Второе. Играет ли роль раздражающий фактор со стороны «Старшего брата России», когда Матвиенко рекомендует профессиональным историкам сесть за стол и что-то сбалансировать? Играют ли эти факторы на профессионального украинского историка? Может ли он отделиться от этого?

Георгий Касьянов: В Украине 3 православные церкви, одна католическая. 25% - это вообще протестантские общины. В современной ситуации очень мало кто об этом говорит. Я могу назвать 2-3 человек, которые об этом говорят. Что касается раздражающего фактора, то в том, что сказала Матвиенко, ничего страшного нет. Я не помню контекст, но я даже не уверен, что она понимала, что говорит. Но фактор был раздражающим. Было это дурацкое письмо, чуть ли не с «москалями».. Как вы знаете, сейчас началось отключение русскоязычных каналов. Оно вполне легитимное с точки зрения законодательства Украины. Но если отключат русский канал «Культура», я не знаю, что мне делать. Так что Россия как раздражитель всегда присутствует. К сожалению, обе стороны используют это. Не могу не упомянуть о муссировании темы компенсации за Голодомор. Никто из разумных украинских политиков уже давно об этом не говорит. Об этом говорили в 2003-м году – некоторые представители национал-демократов или правых. Но со стороны высшей государственной власти таких заявлений нет. А тут открываешь «Комсомольскую правду» и читаешь о том, что «Ющенко придумает, как содрать пару миллиардов» с России и т.д. Полная безответственность.

Вопрос из зала. Мы видим некоторые попытки переписать историю Украины. Интересны попытки нейтрального анализа. Поскольку попытки сделать из реальных исторических персонажей культовые фигуры не всегда оправданы. Это нарратив, который приобретает форму политики. Вопрос такой. Эти попытки изменения подхода к русскому фактору, проблемы самоопределения Украины вообще приобретут глобальный смысл? Или это просто некий политический мейнстрим?

Георгий Касьянов: Я пытаюсь понять вопрос. Можно выйти за пределы национального канона. Вышла книга в Центральном Европейском Университете, которая называется «Лаборатория транснациональной истории. Украина в современной историографии». Там

представлены подходы, которые и национальную, и транснациональную историю показывают так, что видно множество тем, которые представляют историю Украины вне национального нарратива. Физически это возможно.

Вопрос из зала. Как сами украинцы реагируют на книгу об истории Украины, о которой вы говорили? Ведь в любой истории есть вещи, о которых хочется забыть, но которые надо знать. Известно ли, как реагируют люди?

Георгий Касьянов: У нас был проект, который назывался «Великие Украинцы». Он свидетельствует о довольно высоком интересе среднего украинца к истории. Конечно, имеются в виду люди с какими-то интеллектуальными запросами. Так что запрос на историю есть. Что же касается реакции, то такие исследования не проводятся.

Борис Долгин: Есть же масса социологических центров.

Георгий Касьянов: Они проводят исследования по поводу Голодомора и т.д., но эти исследования не системны. Есть проект «Украинское общество», социологический мониторинг, который идет с 94-го года. Его уже можно назвать историческим, потому что там есть параметры, которые обнаруживают динамику за 15 лет. Есть там и вещи, касающиеся прошлого. Но это все-таки не история.

Борис Скляренко. Вы участвовали в семинаре в Польше. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу выступления Караганова, по поводу его позиций. Второе. Вы сами себя идентифицируете в политическом поле Украины с точки зрения политических предпочтений и т.д.?

Георгий Касьянов: Ничего не могу сейчас сказать про Караганова, потому что не помню, что он говорил. Я помню, что мне это не нравилось. И я с ним полемизировал. Но потом он куда-то исчез, и дальнейшей дискуссии не было. Мне показалось, что он эпатирует публику. Что касается моей позиции, то я три раза голосовал за Ющенко, которого терпеть не могу. У меня выбора другого не было. А сейчас я вообще не пойду голосовать, если они все-таки организуют досрочные выборы, что вряд ли.

Евгений Тесленко: Я хочу немного заострить уже прозвучавший вопрос. Предположим, что завтра каким-то образом выделится, допустим, Тверская область. Легко предположить, что послезавтра появятся претензии к Москве. Вопрос такой. Исторические тексты, как научные, так и псевдонаучные, рыхлят почву. Понятно, что на Западе Украины свои резонансы, на Востоке – другие. Но как вы оцениваете это рыхление?

Георгий Касьянов (фото Наташи Четвериковой)

Георгий Касьянов. Надо сказать, что историки во Львове иногда куда более продвинутые, нежели в других местах. Именно историки из Львова выступили за ликвидацию курса истории Украины в школе и за введение интегрированного курса истории, частью которого стала бы история Украины.

Вопрос из зала: Вы считаете, что это адекватный подход?

Георгий Касьянов: Да. Я считаю, что не нужна история Украины в том виде гражданского воспитания, в котором она присутствует сейчас. Она воспитывает человека с депрессией на уровне подсознания. Это же очень негативный образ своей истории. К этому

прибавляется еще и литература XIX-го века с этими умирающими крестьянами и брошенными матерями с детьми. Рыхление довольно мелкое.

Вера Кеник: Я помню, что еще при советской власти была культурная традиция народной жертвенности в Украине. Так что это не современное. У меня вопрос по методологии. Я видела учебники у своих племянников и ужаснулась. Это классический пример марксизма-ленинизма. Вопросом методологии кто-то вообще занимается? Может быть, разрабатывается какой-то антропологический подход? Или еще что-то?

Георгий Касьянов: Реплика по поводу марксизма. Понятно, что советский вариант марксизма-ленинизма очень похож на национализм. То же мировосприятие, тот же детерминизм. Движущая сила истории – это борьба. В одном случае – классов, в другом – наций и т.д. Что касается методологических поисков, то они происходят. Не в рамках национального канона. Есть разные подходы. Кто-то пытается выйти за его пределы через культурную историю. К сожалению, сложность в том, что Украина была при СССР очень провинциальной. И новации были невозможны. Поэтому базовая площадка низковата.

Но поиски ведутся. Издается даже журнал «Эйдос», но я его предпочитаю не читать. Там либо перепечатки историков, интересующихся методологией, либо пишут такие чудовищные вещи по проблемам методологии, что просто становится страшно. На уровне индивидуальных исследований это есть. Один историк написал о Грушевском на стыке психоанализа и историографии. Очень интересно. Написано о человеке, который жил в состоянии постоянного невроза. Я прочитал отдельно, что одной из причин его постоянных неврозов, возможно, в том, что он вырос в русском языке. И его русские тексты написаны очень хорошо. А украинские – очень тяжело, с тяжелыми оборотами. Такие вещи – это выход за пределы национальных схем.

Вопрос из зала: Давайте вернемся к началу лекции. Мы поняли одну вещь. Вы говорили про этнос? Но, например, украинцы не могли сразу стать христианами. Должно было быть что-то в основе. С чего начинается сама история Украины? И что вы понимаете под этносом?

Георгий Касьянов: История Украины начинается с первых текстов об истории. Насчет христианства, я думаю, что в значительной степени украинцы до сих пор не стали христианами. Что такое этнос? Я не знаю, что это такое. Это зависит от дисциплины. Для этнографии, истории, этнологии и этнополитологии это разные понятия. Я под этносом имею в виду в основном культурно-языковое сообщество, которое существует относительно гармонично в культурном смысле.

Вопрос из зала: Но противостояние российского и украинского взгляда на многие вопросы, на ваш взгляд, сохранится?

Георгий Касьянов: Если говорить о классических нарративах, то, конечно, сохранится. Это противоречие уже сто лет существует. В рамках канонических нарративов выйти из противостояния невозможно. В России есть своя каноническая историография, в Украине – своя. Но существуют и другие версии.

Борис Долгин: Если попробовать спроектировать некую идентичность для независимой Украины, чтобы она была неконфликтной, не строилась на вражде, какой она могла бы быть? Какой может быть модернистская, европейская идентичность Украины? И каким мог бы быть исторический дискурс, обеспечивающий эту идентичность?

Георгий Касьянов: Я лично всегда настаиваю на прозрачности культурных границ, взаимодействии и взаимообогащении культур. Это единственный способ преодолеть желание идти по узкому коридору без дверей и окон. Это единственное, что я могу предложить.

Борис Долгин: То есть вообще уходить от национального нарратива?

Георгий Касьянов: По крайней мере, в политике. Учителя тоже могут это сделать. Но тут надо, чтобы, говоря о Ярославе Мудром, учитель сказал: «Это был украинский князь, а наши соседи говорят, что он был русским. Почему?». И ученики смогут подумать и сказать, что речь идет о Древней Руси, когда не было еще ни России, ни Украины. Чтобы они могли думать.

Лев Московкин: Ответ про этнос ставит под сомнение то, что вы сказали ранее. Меня интересует ваша оценка того, что описание истории происходит в последние годы. Вы поняли вопрос?

Георгий Касьянов: Нет

Лев Московкин: Хорошо. Тогда один вопрос. Существует ли настоящая история Украины, адекватная тому, что было?

Георгий Касьянов: Боюсь, что не смогу вас удовлетворить, потому что считаю, что история – это не то, что было, а то, что написано.

Лев Московкин: Неправда!!!

Вопрос из зала: Наша общая история объединяет наши страны или разъединяет?

Георгий Касьянов: Должна объединять. А в результате разъединяет. Это выглядит очень односторонним с обеих сторон. Нынешняя политика памяти тоже является очень односторонней.

Вопрос из зала: Вопрос о предстоящем юбилее. В 2009-м году состоится юбилей Полтавской битвы. Понятно, что предпринимаются некие политические шаги в связи с этим. Есть ли оппозиция официальной политике со стороны профессиональных историков? Второй вопрос. Есть книга Марка Ферро, посвященная тому, как в разных странах детей учат истории. Нет ли у вас и ваших коллег желания написать подобную книгу о том, как учат истории в странах СНГ?

Георгий Касьянов: Начну со второго вопроса. Уже пишут. Процесс это довольно долгий. Завтра книга не появится. Про оппозицию. Открытой оппозиции мне не известно. Но так очень многие смеются и пожимают плечами.

Любовь Борусяк: Спасибо. Маленькая реплика. Проект «Великие украинцы», о котором вы сказали, был связан с очень большим скандалом - когда победителем стал Ярослав Мудрый, украинский народ возмутился, говоря, что «это не наш герой». На нашем проекте попытались найти лидера постарше, что так и не удалось. Остановились на Невском. А вначале вообще у нас лидировал Богдан Хмельницкий как великий русский. Эти голоса вообще пришлось убрать. Такой вот виток истории.

Георгий Касьянов: Я очень часто спрашивал об этом проекте. Его сначала вообще воспринимали как игру. А народ отнесся очень серьезно. Там были очень забавные вещи. Например, за бывшего министра внутренних дел проголосовали через SMS 20 000 человек. Что это он – великий украинец. Тот самый, который штурмовал прокуратуру на плечах спецназа.

Вопрос из зала: Нынешняя официальная украинская пропаганда способствует объединению Западной и Восточной Украины в рамках единой национальной платформы? Или, наоборот, обостряет противоречия и ставит под сомнение вообще существование Украины?

Георгий Касьянов: Системной пропаганды в Украине не существует. Та спонтанная пропаганда, которая касается Голодомора и т. д., приводит к разделению, хотя идея объединения народа вокруг общей трагедии вообще-то неплохая. Никакой угрозы государственности я здесь не вижу. Как только пропаганда успокоится, успокоится и общество.

Вопрос из зала: А она успокоится? Не активизируется?

Георгий Касьянов: Это связано с личностями конкретных политиков. В данный момент это связано с личностью президента Ющенко. Если он не пойдет на следующий срок, а у него это вряд ли получится, этот вопрос постепенно сойдет на нет.

Историческая политика: update

Лекция Алексея Миллера

05 ноября 2009, 00:56

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/>

Мы публикуем полную расшифровку лекции известного специалиста по истории и современному состоянию Восточной и Центральной Европы, доктора исторических наук Алексея Миллера, прочитанной 22 октября 2009 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». Лекция является своего рода продолжением лекции «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения».

В апреле прошлого года я говорил здесь об исторической политике. Наверное, все, кого это интересует, успели заметить, что с тех пор много чего произошло. Это и знаменитый указ «О комиссии по фальсификации истории», и новый учебник истории и пр. В том, что происходило, много вещей неочевидных, в том числе и с точки зрения их причинных и следственных взаимосвязей. Об этом мы сегодня и поговорим.

Есть еще одна причина, по которой меня эта тема так интересует последнее время. Те, кто были здесь, или те, кто читали лекцию, помнят: я пытался определить, что же такое историческая политика. В чем новизна, в чем специфика этого феномена? Мои рассуждения, судя по всему, не оказались достаточно убедительными — подавляющее большинство людей, которые впоследствии высказывались на эту тему, склонны относиться к понятию «историческая политика» как к новому термину для обозначения вещей, нам хорошо знакомых. Да, говорят они, раньше были термины «политизация истории», «политика памяти», а сейчас стало модным называть это исторической политикой.

Так думают многие, в том числе люди, мнение которых я уважаю. Вот, недавно Андрей Зорин в своем интервью «Полит.ру» очень красиво высказался по этому поводу. Он сказал, что историческая политика — это примерно то же самое, что преступность. Она всегда присутствует в обществе, и вся разница в том, что у более или менее здорового общества хватает сил, чтобы свести эту преступность к терпимому минимуму, а у общества менее здорового таких сил не хватает, и преступность расцветает вовсю. Мысль красивая, но с моей точки зрения, в некоторых важных аспектах неверная.

Понятно, что я хотел бы вернуться к теме теоретического осмысления феномена исторической политики, но сегодня я делать этого не буду. Причины такие. Вчера на сайте Московского центра Карнеги появился новый номер их журнала «Pro et Contra», полностью посвященный исторической политике. Я помогал его делать, там есть моя статья, где эти теоретические вопросы рассмотрены достаточно подробно. Я думаю, что эта статья будет опубликована на «Полит.ру» в скором времени, и призываю интересующихся ее посмотреть. Потому что, когда речь идет о сколько-нибудь сложном теоретическом вопросе, полезно обсуждать писанный текст, где все более четко выражено. Ну, а вторая причина очевидна. Так много всяких событий, о которых нужно поговорить, что не хотелось бы всего этого комкать и загружать в одну лекцию.

Итак, одно из заключительных замечаний, которое я сделал в апреле прошлого года, звучало примерно так. На фоне наших соседей (напомню, там мы говорили о России, Польше и Украине) Россия выглядит, в общем, довольно пристойно. У нас все эти проявления исторической политики еще достаточно ограничены. Правда, я высказал тогда опасение, что это потому, что мы медленно запрягаем. К сожалению, я накаркал – запрягли и погнали. Поэтому сегодня мы будем говорить только о России.

Надо заметить, что уже тогда, в 2008 г., некоторые механизмы были запущены. Прежде всего, это история с учебниками. Знаменитое пособие Филиппова для учителей появилось в 2007-ом году, а коллектив авторов, который работал над этим пособием, к сегодняшнему дню издал уже целую линейку учебников по истории России для 10 и 11-ого классов. Сейчас не хватает только одного учебника по истории России первой половины XX века, но он на подходе и вот-вот выйдет.

Эти учебники претендуют на статус «учебников нового поколения». Они действительно новые по подходам, и авторы этого не скрывают, больше того, очень ясно это обозначают. Буквально на первых страницах этих книжек говорится о том, что концепция тоталитаризма – это орудие холодной войны, и как инструмент познания она использоваться не может. Авторы говорят, что они будут работать в парадигме модернизации. Ну, и дальше этого придерживаются.

Собственно, разбор того, что там в этих учебниках написано, не является сегодня главным. Я могу сказать, что по очень многим параметрам этот учебник похож на постсталинский советский нарратив, правда, за вычетом коммунизма. Да, преступления были, да, мы о них очень сожалеем, но это не главное. Прежде всего, важны модернизационные усилия. Во многом эти преступления являются следствием изоляции страны, следствием особой ситуации «осажденной крепости» и тех мобилизационных усилий, которые вот таким образом совершались.

Если мы посмотрим на другие учебники, которые функционируют и рекомендованы к употреблению в школе, то все они используют концепцию тоталитаризма. Это учебники Чубарьяна, Загладина, Левандовского.

Элемент жульничества здесь понятен, потому что если мы возьмем концепцию Бжезинского, а она была плодом холодной войны, то ее давно уже никто не использует, когда обсуждаются темы тоталитаризма. Есть прекрасный журнал «Тоталитарные движения и политические религии», издаваемый с 2000-го года, по которому очень хорошо видно, что определение любого, кто рассуждает в этой парадигме тоталитаризма, как бойца холодной войны, просто не работает.

Еще последнее маленькое замечание о содержании. Там используется очень интересный прием. Когда авторы обсуждают оценки тех или иных событий, и им по тем или иным причинам не хватает аргументов, они всегда говорят: «Ну, вот, народ так помнит». И это очень любопытно, потому что я же не думаю, что Филиппов и Данилов (именно Данилов – главная фигура в написании этих учебников) такие идиоты, что не понимают: народ помнит именно так в результате той идеологической обработки, которая производилась в течение десятилетий советской власти.

Но если вы меня спросите, нравится ли мне этот учебник, я скажу: конечно, нет. Если вы меня спросите, имеет ли этот учебник право на существование, я отвечу: да, но с одной оговоркой – за исключением последней главы. Я смотрю на вещи иначе, они смотрят так, они достаточно стройно в рамках своей концепции все излагают. Может существовать

такой учебник. Почему без последней главы? Последняя глава и в пособии Филиппова, и в учебнике Данилова о суверенной демократии, у Филиппова она так и называется «Суверенная демократия». И это очень любопытно, потому что там это понятие стоит без кавычек, и они им оперируют как научным термином. В учебнике целая страница подробного объяснения, что это такое, в чем суть этой научной концепции: восемь пунктов, очень узнаваемо всё. Концепция «тоталитаризма» у них не может быть инструментом познания, а концепция суверенной демократии – очень даже может.

В чем здесь проблема? Ведь «суверенная демократия» это элемент идеологии одной из политических партий России. Называется она «Единая Россия». Мы знаем автора этой концепции – его фамилия Сурков. В общем, даже среди политического истеблишмента далеко не все эту концепцию разделяют. Я, например, помню, что Медведев, когда он еще был только кандидатом в президенты, давал интервью журналу «Эксперт», где он говорил как раз о том, что ему этот термин не нравится.

К чему это все? По закону нашей страны, который, как обычно, у нас не очень хорошо исполняется, школа должна быть свободна от идеологии. То есть в школе пропаганда взглядов той или иной политической партии у нас просто запрещена. Что мы видим в учебнике? Прямое нарушение именно этого правила. То есть происходит идеологическая индоктринация, и какой-то достаточно спорной концепции придается облик объективной истины. Но это, конечно, не самое главное. Самое интересное заключается не в том, что написано, потому что историческая политика это по большей части не о том, что написано. Историческая политика – это о том, как что делается.

Если вы зайдете в любой книжный магазин, который торгует учебниками, то у вас может сложиться превратное впечатление, что у нас с учебниками все хорошо. Потому что на полках вы найдете и учебник Чубарьяна, и учебник Загладина, и учебник Левандовского, и еще какие-то учебники. И очень часто вы не найдете учебника Данилова-Филиппова.

Но школы не покупают учебников в магазинах, они ими снабжаются из распределителей. Они заказывают учебники и бесплатно их получают. Если мы посмотрим на тираж учебника Данилова, то увидим, что в первый год тираж составил 250 тысяч экземпляров. Для сравнения могу сказать, что остальные учебники издаются тиражом, примерно, в 10-15 тысяч в год. Что это значит?

Первый вопрос, который при этом возникает, такой. Издательство «Просвещение» – коммерческая структура – решила учебник, который не понятно как пойдет на рынке, издать тиражом 250 тысяч. Прикиньте, это учебник, для изготовления этой книги есть достаточно жесткие гигиенические нормы, то есть она не может быть очень дешевой в изготовлении. Ну, положим самый минимум два доллара за штуку, это уже полмиллиона. Никакая коммерческая структура по доброй воле не вбухает полмиллиона долларов в продукт, который неизвестно, как пойдет, никогда на это не решилась бы. Это значит, что им заплатили аванс, и примерно можно догадаться, кто это сделал. Они учебник напечатали, им пообещали, что со сбытом проблем не будет («ребята, не беспокойтесь!»). То есть он был закуплен именно в количестве 250 тысяч экземпляров и пошел в этот школьный распределитель.

Дальше – школа заказывает учебник, и совершенно не гарантировано, что она получит именно тот учебник, который заказала. Пришлют тот, что есть. Догадываетесь с первого раза, какой учебник есть всегда и каких учебников постоянно не хватает. Чтобы ситуация стала совсем безвыходной, надо добавить еще один элемент в картину. Это единый государственный экзамен (ЕГЭ). Понятно, что если вопросы по истории будут «заточены»

под учебник Данилова-Филиппова, то все, деваться уже некуда. А то, что так будет, в этом нет никаких сомнений.

Ну, представьте себе вопрос ЕГЭ, примерно, такого содержания: «Что такое тоталитаризм?» Ответ первый: «Это такая научная концепция, которая описывает политический режим сталинской России». Ответ второй: «Это ложная теория, использовавшаяся врагами России во время холодной войны». Выберите правильный вариант.

Вы можете себе представить? Может быть, эти вопросы будут как-то более хитро составлены, но смысл будет примерно такой и механизм такой. Вот тут как раз механизм исторической политики виден во всей красе. То есть тихо, негласно, с использованием административного ресурса и государственных денег в школы закачан в невероятном количестве 250 тысяч этот учебник Данилова-Филиппова.

Есть ли у школы возможность как-то избежать этого учебника? Есть. Для этого она должна пойти в магазин и купить учебник. Она имеет право это сделать, но из своего бюджета. Можете представить, какой у школы бюджет и на что она его тратит – пожарная безопасность, ремонт и так далее. Значит, надо собрать деньги с родителей. В Москве, где у людей есть лишняя денежка, это еще реально, они могут согласиться. Но, если, не дай Бог, один родитель говорит, что он против этого, то всё. Потому что, если на этом настаивают, то это вымогательство, идет по статье Уголовного кодекса. То есть ситуация абсолютно безвыходная. И на наших глазах тихо, незаметно у нас отнимают одно из завоеваний последних 15 лет в области преподавания истории в школе – право учителя выбирать учебник, по которому он работает. Причем, когда я говорю «отнимают» – несовершенный вид, я не имею в виду, что у этого процесса есть какие-то альтернативы. Я имею в виду, что этот процесс не завершен окончательно, но он будет завершен с абсолютной неизбежностью. Потому что, помимо всего прочего, понятно, если учебник становится базовым учебником для ЕГЭ, то вывести на рынок какие-то новые учебники, даже если представить себе, что можно пробить под него «гриф», будет практически невозможно. Это пункт первый.

Пункт второй – это законы. Если вы помните, зимой 2009 года Шойгу, наш министр по созданию чрезвычайных ситуаций – кстати, один из лидеров «Единой России» – стал говорить о том, что надо бы закон принять, который наказывал за отрицание победы Советского Союза во Второй Мировой войне. Все немножко посмеялись, но идея проросла.

Борис Долгин: Он говорил – в Великой Отечественной войне.

Алексей Миллер: Конечно. Идея проросла, и сейчас в Госдуме лежит два законопроекта, которые внесены депутатами «Единой России», так что голосов хватит, можно не сомневаться. Я не буду подробно эти законопроекты анализировать, а вместо этого скажу, что, в принципе, это не только наши проблемы. Я вам зачитаю короткий текст, который называется «Воззвание из Блуа». Этот текст был написан выдающимся французским историком Пьером Нора год назад. С тех пор его подписали многие выдающиеся историки, в том числе и российские. Текст короткий, я его зачитаю целиком.

«История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания. Мы обращаемся к

историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближайшее время подписать в личном качестве наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины.

Мы призываем политических деятелей отдать себе отчет в том, что, обладая властью воздействовать на коллективную память народа, вы, тем не менее, не имеете права устанавливать законом некую государственную правду в отношении прошлого, юридическое навязывание которой может повлечь за собой тяжелые последствия – как для работы профессиональных историков, так и для интеллектуальной свободы в целом. В демократическом обществе свобода историка – это наша общая свобода».

Ну, с законами все понятно. А теперь самое интересное. Это указ «О комиссии по фальсификациям». Чтобы понять ее значение, надо увидеть более широкую картину. Где-то года полтора–два назад у нас появились рассуждения в печати, что, вот, наши соседи – поляки, украинцы – создали Институт национальной памяти и используют это оружие, в том числе, против нас. Не стоило бы нам что-то такое тоже организовать? Потом эти разговоры как-то утихли, но, как сейчас понятно, утихли они не потому, что эта мысль была забыта, а потому что, подумав основательно над этой темой, наш коллективный административный разум нашел более изящное и эффективное решение проблемы.

Когда заговорили об Институте национальной памяти в России, было понятно, что есть некоторые структурные проблемы. Уже из сравнения польского и украинского институтов национальной памяти эти проблемы были вполне понятны. Я говорил в прошлый раз о польском Институте национальной памяти. Это такая структура, которой перешло ведение архивами спецслужб коммунистической Польши, а это, между прочим, 80 километров папок. Эта структура занимается также прокурорскими расследованиями того, что в этих папках содержалось, а кроме того, у нее были исследовательский и издательский отделы.

И вот в той статье, которая сейчас выходит, и о которой мы говорили, я, пользуясь данными 2006 года, написал, что в польском институте национальной памяти работает 1200 человек. А недавно коллега из Польши мне сообщил радостную весть, что теперь там количество сотрудников удвоилось – их теперь 2400. И это уже вполне превратилось в такое Министерство памяти, в том числе и потому, что 600 человек из этих 2400 занимаются обеспечением работы самой этой структуры. Это уже такая бюрократическая машина, которая сама себя кормит.

Тем не менее, воспроизведение этого опыта на Украине оказалось невозможным, хотя и у них есть структура, которая называется Институт национальной памяти. Невозможно просто потому, что в отличие от Польши, преемственность спецслужб была сохранена, и архивы украинского КГБ сегодня продолжают контролироваться архивистами СБУ (Служба безопасности Украины). Поэтому, в отличие от польского института, который хранит и изучает эти архивы, украинский институт просто существует при СБУ. Заместитель его директора одновременно является советником директора СБУ. И СБУ «сливает» в Институт национальной памяти те документы, которые, по их мнению, стоило бы вот сейчас по каким-то причинам опубликовать.

То есть смысл процесса сразу меняется. Вместо исследования, в котором, конечно, возможны злоупотребления, за счет того, что сотрудники польского Института национальной памяти имеют приоритетный доступ к этим документам, сотрудники Института национальной памяти Украины просто с руки едят у украинского СБУ.

Понятно, что все это не верифицируемо, потому что нет доступа для всех, нельзя посмотреть, а что там рядом лежало в архивных папках, наряду с опубликованными документами и так далее.

Судя по тому, что мы сегодня видим у нас, было решено такую институцию не создавать – понятно, что у нас преемственность спецслужб вполне сохранилась. А вместо этого – создать, я бы сказал, такую сетевую структуру, которая с точки зрения целей, поставленных организаторами исторической политики, обещает быть заметно более эффективной. Что я имею в виду?

Итак, у нас есть комиссия. Если помните, недоумение у общественности вызвало то, что в этой комиссии представители спецслужб существенно преобладают над профессиональными историками. Нам объяснили: это произошло потому, что люди, представляющие в комиссии спецслужбы, должны поспособствовать историкам в получении материалов из архивов спецслужб.

Это очень интересный тезис. Он говорит, что закон, который существует в Российской Федерации, о том, что срок давности архивных документов, секретность на которые может быть сохранена, составляет 30 лет, будут продолжать игнорировать. Этот закон (я не помню его номера) предполагает, что все документы старше 30 лет, автоматически становятся открытыми. Возможны исключения решением тех или иных органов, но должна быть разработана процедура, в соответствии с которой тот или иной документ может быть закрыт еще на какой-то срок. Так все делают. Но у нас закон принят, а к нему, естественно, приняты подзаконные акты, которые ставят закон с ног на голову. В том смысле, что у нас документы не становятся автоматически открытыми, а каждый документ открывается специальным решением специальной комиссии. Можете себе представить, как это работает. Поэтому понятно, что комиссия будет заниматься тем, чем занимается СБУ Украины, то есть сливать нужным историкам те или иные документы, которые она считает полезным опубликовать. По-прежнему историки не будут иметь к этим документам доступа на равных основаниях и без ограничений.

Вы, может быть, обратили внимание на замечательную публикацию. Совсем недавно, под дату начала войны, ее очень рекламировали. Это публикация о тайной дипломатии 1939 года, в которой рассказывалось, что польский министр иностранных дел был нацистским агентом и так далее. Была такая публикация из архивов СВР, но обратите внимание, там даже нет архивных сигнатур. Просто вот есть документ, верьте нам, что он у нас есть и он такой.

Кто эти историки, которые будут получать доступ к этим документам? Некоторых из них мы уже можем сегодня идентифицировать. Но прежде, чем я назову имена, я хочу обратиться к одному очень любопытному тексту.

Есть такой Павел Данилин – очень эмоциональный и простодушный человек. Это тот Павел Данилин, который как раз и писал главу про суверенную демократию в пособии Филиппова, учебнике Данилова и так далее. Он шеф-редактор издания Kreaml.org. Он про учебники хорошо говорил. Когда стало понятно, как был воспринят общественностью учебник Филиппова-Данилова, он в своем блоге опубликовал следующее замечание: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бородами, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания». Звучит немножко затейливо, но, по сути, очень верно.

Примерно с той же степенью эмоциональности он рассуждал и о комиссии, о том, что резко негативной была реакция в сообществе историков на этот указ. Он признает это и дальше говорит, что это проистекает главным образом из беспомощности профессиональных историков, их ревности к успешным бойцам исторической политики. Дальше цитата: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровень выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители-энтузиасты – вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти, борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом – смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты».

Дальше он говорит о том, что, «к сожалению, вот Чубарьяна включили, Сахарова включили и либерала Сванидзе, и что их включать совсем было не обязательно, потому что именно при них ревизионисты подняли головы, выступая в центральных СМИ, как будто при Геббельсе».

Что здесь важно? Из этого дискурса понятно, что с именно этими ревизионистами и надо вести борьбу. Ведь эта комиссия прежде всего ориентирована на внутренний рынок для внутреннего употребления, а поскольку эти ревизионисты «оборзели», как при Геббельсе, то борьба с ними должна быть вполне беспощадной, потому что мы ведь привыкли с Геббельсом бороться беспощадно.

Теперь – о любителях. Когда он говорит об этих любителях, он иногда их по именам называет: Исаев и Дюков. Дюков очень интересный персонаж – можете набрать его в «Википедии», найдете о нем целую статью. Александр Дюков – директор фонда Историческая память. Молодой человек, где-то ему 30 с небольшим, окончил, кажется, Историко-архивный, никогда с тех пор по профессии не работал. До недавнего времени. Создал фонд и где-то по три-четыре книжки в год сейчас издает. Откуда фонд финансируется, остается догадываться.

Я успел прочитать две книжки. Первая книжка посвящена политике УПА – Украинской повстанческой армии в отношении евреев. Книжка по содержанию более или менее пристойная. Но тут как бы совпадение интенций и исторической правды получается. Потому что ему важно было показать, что УПА плохо обходилась с евреями. Действительно, плохо обходилась. Что в этой книжке бросается в глаза, так это большое количество материалов из архивов ФСБ, которые, как отмечается, впервые вводятся в научный оборот. Как он их получил? Надо спросить у мемориальцев, как они получают документы из ФСБ. Наверное, это обычное и простое дело.

А вторая книжка еще более любопытная. Она называется так – «Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться». И там, во введении, говорится следующее: «Наши враги, внешние и внутренние (я еще раз подчеркиваю, что внешние и внутренние – Алексей Миллер) покушаются на наше самое святое – на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить великой Победы. Вторая геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что победа была достигнута слишком дорогой ценой, что она, якобы, обернулась порабощением Восточной Европы, что солдаты Красной армии будто бы изнасиловали Германию, а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Эта книга – отповедь

клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России».

И вот в такой стилистике вся эта книжка и написана, из чего вы можете примерно заключить, что это за человек. Итак, вот такой фонд, вот такой историк, которого Данилин называет любителем. Какие издательства издают его книжки? - «Европа», «Regnum» «Эксмо». Про них тоже можно кое-что сказать. «Regnum» возглавляет Колеров, который служил в администрации президента, «Европа» – это Павловский и его центр.

Что мы видим? Мы видим такую сеть, в которой, в отличие от Польши или от Украины, где сотрудники Института национальной памяти являются государственными чиновниками, здесь это не государственные чиновники. Это все неправительственные организации. Откуда они получают деньги на всю эту деятельность? Как они получают доступ к этим документам? В тех цитатах, которые я приводил, есть очень характерный пассаж – «наезд» на Академию наук и на академических историков. И защищают «все самое дорогое, что есть у России» – эти вот эти «любители», которые очень похожи на активистов исторической политики в Польше и Украине.

Это такие молодые ребята в костюмчиках с галстучками, очень похожие на комсомольских функционеров 25-35-летней давности. Но они не от правительства работают, они сами по себе. Якобы. Понятно, что здесь сразу мы видим несколько очень интересных конфликтных моментов.

Первое. До сих пор финансирование исторической науки в России осуществлялось следующим образом. Были академические институты и университеты, в которых люди сидели на зарплате и чего-то там делали. Плюс Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), который получал деньги и который распределял их на исследовательские проекты. Причем распределял на основе экспертизы таких же историков, которые эти деньги и получали. Идеальна эта система? Конечно, нет. Там есть элементы кумовства и все такое, но везде в мире система устроена таким образом.

Теперь оказывается, что можно финансировать напрямую, непонятно как, без экспертизы научного сообщества. Но финансировать то, что нужно. Поскольку эти люди не встроены в академическую структуру, они абсолютно свободны от профессиональной исторической этики. Потому что если вы думаете, что Дюков или какой-нибудь там Вятрович в Украине будут отвечать на разгромную рецензию в академическом журнале, то можете не беспокоиться – не будут. Потому что им на это абсолютно наплевать.

Мне в страшном сне не могло присниться, что я когда-нибудь буду защищать Академию наук, но приходится. Летом этого года мы узнали, что академик Тишков сразу, как только комиссия была образована, издал циркуляр, где было дано указание всем гуманитарным институтам выяснить, кто у нас чего фальсифицирует. И доложить. Что во всей этой истории бросается в глаза? Сам Тишков, когда документ утек и ему позвонили со словами «что ж ты такое подписал», тут же стал отнекиваться и говорить, в этом интервью «Свободе»: «Да, я сейчас отзову подпись» и прочее. Стыдно стало.

Посмотрим, как академические структуры прореагировали. Какие-то директора привычно взяли под козырек. Собрали народ, сказали, что пришла «указилровка» из Президиума, надо чего-то сделать. Худо-бедно, часто с издевательским непониманием того, что от них требуется, соорудили какие-то бумаги. Но я знаю, что есть директора, которые этот циркуляр послали, и очень далеко. То есть при всех ее недостатках Академия – структура, с которой трудно работать, не совсем послушный инструмент.

В свете того, что я сказал, очень любопытно посмотреть на недавние события, связанные с визитом Путина в Польшу. Помните, накануне был такой вал продукции – и печатной, и в телевизоре в духе самой жесткой исторической политики. И вдруг Путин поехал и произнес там, на Вестерплатте, вроде бы очень спокойную, очень примирительную, вполне приемлемую речь. Первая реакция была от тех людей, которые уже видят себя активистами исторической политики на государственном содержании. Были вопли: «Ну зачем же он так?», «Поляки, их ничем не проймешь!» Тут же пошли возгласы – «Вот он приехал, он им так хорошо сказал, а они в ответ ему нахамили, вот и не надо было этого делать», и так далее.

Насколько мне известно, речь Путина писал Чубарьян. И это очень любопытно. Потому что, как выяснилось, это борьба академического истэблшмента и нового, возникающего, такой молодой своры с хунвейбинскими замашками. В целом, можно видеть, что это уже борьба за то, чьи идеи будут озвучиваться, каким образом, как это будет звучать в речах первых лиц государства. Эту борьбу можно уже видеть. И все это можно проследить на более низких уровнях - масса примеров.

Обратите внимание, недавно был скандал, кажется, на журфаке МГУ. Вдруг выяснилось, что команда из Фонда эффективной политики будет там лекции читать и чуть ли не определять программу обучения. Создан факультет телевизионной журналистики под руководством Виталия Третьякова, который очень близок по духу к людям, которые обслуживают историческую политику. Это попытка уже и на этом уровне работать с массами. Структура создана, она работает.

Чем можно все это завершить? В апреле прошлого года я говорил, что плоды исторической политики, результаты исторической политики тем страшнее, чем менее демократическое и плюралистическое общество является объектом ее воздействия. И вот, что мы сегодня видим? С ловкостью, изобретательностью и настырностью, которые очень похожи на те качества, с которыми работают наперсточники на рынке, тихо, в основном под столом, все это уже сделано.

Если мы зададим вопрос, есть ли у нас какие-то акторы, какие-то силы, которые могут этому сопротивляться, ответ будет очень простой. Нет. И, судя по всему, мы в очередной раз подтвердим тот жуткий прогноз, который в свое время сделал Чаадаев. Ну, он, правда, глобально его делал. Тогда, в первой половине XIX века, он сказал, что, если у России есть какая-нибудь общемировая миссия, то эта миссия состоит в том, чтобы довести до абсурда какие-то ложные западные идеи и тем преподать миру ужасающий урок. В XX веке с поставленной задачей справились, и, судя по всему, то же самое мы сейчас сделаем с исторической политикой.

Если у нас есть какие-то шансы на то, что эффект не будет совершенно катастрофическим, то в чем они заключаются? Это надежда на то, что совесть или разум как-то заставят остановиться тех людей, которые все это заказали, организовали и проводят. Но, господа, откуда ж там совести-то взяться? Мы же все видим. Выборы видим последние. Видим то, как историческая политика проводится. Все мы это видим, поэтому я думаю, что все будет очень плохо. И на этой, как всегда оптимистической, ноте, я заканчиваю свои рассуждения.

Обсуждение лекции

Борис Долгин: Я ни в какой степени не сочувствую борцам исторической политики. Но давайте посмотрим на продемонстрированный механизм. Кроме академических

институтов, вузов и РГНФ, существуют, к счастью, частные фонды и для нормальных книг, западные, отечественные фонды (например, Фонд Ельцина), которые тоже участвуют в финансировании изданий. Есть важное отличие, заключающееся в том, что в нормальной ситуации обычно хорошо известно, кто, собственно является оценочной комиссией. Кто и когда это делал в фонде Сороса и почему такие хорошие книги изданы, кто находится в редколлегии серии по сталинизму, которую издает РОССПЭН и так далее. Но нельзя сказать, что не существует возможностей финансирования иных, нежели только по академическим каналам. Нельзя сказать, что система неправительственных организаций не работает. Видимо, специфика «борцов» не в том, что это НГО – НГО бывают разные, а в том, что это ГОНГО – организованные государством негосударственные организации.

Алексей Миллер: Вот это и есть суть вопроса. Потому что если бы у нас был частный фонд, созданный, например, Сурковым, который бы финансировал исследования по истории, как он того хочет, – ради Бога. Вот, у нас есть Фонд Суркова, Фонд Ельцина, Фонд Горбачева, фонд еще кого-то. – Вперед и с песней!

Мы говорим о государственных деньгах и административных ресурсах. В принципе все, о чем я рассказал, – это демонстрация того, как политическая сила, которая контролирует административный ресурс и через него контролирует государственные деньги, а это не их деньги, осуществляет свою программу. И, используя эти административные ресурсы, внедряет плоды исторической политики в массовое сознание. Вы сравните степень представленности продукта, издаваемого или производимого на конференциях при поддержке Фонда Ельцина, и учебника Филиппова. Была конференция на 500 человек, крупнейшая, самая крупная за всю историю, посвященная истории сталинизма, – она проходила в Москве в прошлом году. Почти все зарубежные и наши специалисты там были. Там происходила масса интересного. Вы где-нибудь в телевизоре видели что-нибудь про это?

Борис Долгин: Я могу сказать, что часть записи была выложена на «Полит.ру», остальное еще будет выложено. Поэтому у читателей будет шанс, но не в телевизоре.

Алексей Миллер: Значит, учебник. Можно себе представить, что Фонд Ельцина или какой-нибудь еще фонд попросит группу историков написать альтернативный учебник. Ну, и что дальше с ним будет? Поэтому речь не о том, что написано. У меня нет претензий к Дюкову. Хочешь писать то, что я цитировал, пиши, хочешь издавать, издавай. Меня беспокоит другое – на какие он деньги это делает, пишет и издает? Здесь проблема именно в административных механизмах. Еще раз подчеркиваю, не «что», а «как». Дело именно в механизме изготовления и внедрения.

Борис Долгин: И второй мой вопрос. Вопреки тому, чем вы закончили, но зато вслед тому, о чем я постоянно спрашиваю. Не «кого», а «что» можно всему этому противопоставить?

Алексей Миллер: На уровне страны, как я уже сказал, этому нельзя противопоставить ничего. Что можно сделать? Я прошлым летом был в таком замечательном месте, называется Монт-Сен-Мишель, это аббатство на побережье Франции. Гора неприступная, там кучка монахов 30 лет – я уж не знаю, что они там ели, – но 30 лет они оборонялись от англичан, когда те захватили Францию. Надо попробовать где-то окопаться и лет 30 попробовать продержаться, потому что Франция захвачена.

Понимаете, какая штука, историческую политику ведь не в России придумали. Вот то, о чем я говорил. Сначала был вызов, и у нас на этот вызов отреагировали. Отреагировали

так, как умеют. Обратите внимание, вот был вызов со стороны «цветных революций» некоторое время назад. Подумали и придумали организацию – называется «Наши». Очень эффективно по-своему. Это был вопрос о том, что может кто-то выйдет на площадь в большом количестве и станет оспаривать результаты выборов, а мы сразу 20 тысяч «наших» загоним на эту площадь, и, поди там, доказывай, кто из них народ.

Но мы уже как бы забыли про эти оранжевые революции. А «Наши» используются активно, в том числе, и для проведения исторической политики. Такой изощренный административный разум, он в качестве ответа на вызовы неизменно создает такие структуры, которые потом используются уже не как реакция на вызов, которые хуже самого вызова. Как вы думаете, писания Дюкова кто-нибудь примет всерьез за рубежами нашего отечества? Вот мы смеемся над тем, что публикует украинский Институт народной памяти? Смеемся. И заслуженно. И они так же будут смеяться над тем, что публикует Дюков. Эффективность – ноль. Но это – на международной арене.

Что можно было бы в ответ сделать? Понятно. Я уже говорил о том, что активисты исторической политики из этих стран совершенно не настроены на диалог. Вспомните, вот Путин поехал, сказал, что он очень сожалеет и так далее. Дональд Туск, премьер Польши, тоже произнес очень взвешенную речь, где была та фраза, которую у нас выдали за редкое хамство. А она, на мой взгляд, была очень хорошо сформулирована, он говорил, что солдаты Советской армии, поскольку они сами были несвободны, подлинной свободы принести не могли, но при этом нацистов, слава Богу, прогнали. Весьма разумная фраза.

Вот на польской арене что происходит? Понятно, что там выступал президент Качиньский, который сказал все самые противные слова, которые только можно сказать в рамках исторической политики. Но было понятно, что Туск выиграл, а Качинский проиграл. А у них скоро новые президентские выборы. Соответственно, что делает партия «Право и Справедливость»? Она относит в сейм проект резолюции, что надо нам 17 сентября принять такую резолюцию, в которой мы должны сказать всю правду этим русским. Правда заключается в том, что Катынь – это геноцид и так далее.

В ответ не принадлежащий к этой партии вице-председатель сейма Несёловский говорит, что такую резолюцию сейма он ставить не будет. И дальше совершает в рамках польского контекста очень неосторожный шаг. Он сказал, что против этой резолюции, в том числе и потому, что Катынь – не геноцид. Тут же выступает председатель организации, которая называется «Катынская семья» – это организация семей, чьи родственники погибли в Катыни. Он тоже говорит, что Катынь – это не геноцид. Начинается дикий хай в прессе, которая поддерживает историческую политику в Польше. А тому же самому Несёловскому напоминают, что два года назад, будучи членом сената, он голосовал за резолюцию, где Катынь объявлена геноцидом. Его обвиняют в «отрицательстве» – такой специальный термин, который используется для обозначения тех нехороших людей, которые отрицают Холокост. Замечу, что никакой Катыни он не отрицал, он только отрицал квалификацию этого как геноцида. Начинается дикий скандал. Председателя «Катынской семьи» хотят сместить. В результате – довольно смешно и грустно одновременно – они принимают резолюцию, в которой сказано примерно следующее: «преступление Катыни, которое носит признаки геноцида».

К истории это не имеет никакого отношения. Это чисто политическая борьба. И понятно, что им было нужно. Путин и Туск встретились, Туск набирает очки за счет какого-то потепления. Под патронажем Туска и Путина работает польско-российская комиссия, которая довольно успешно «разруливает» все эти вещи. Значит, противникам Туска нужно снова создать конфронтацию. И с этими людьми говорить бесполезно. Можно,

конечно, на их ребят выпустить наших ребят и пусть они ругаются между собой. Это ровно то, что каждой стороне, играющей в историческую политику, и надо для своих внутренних целей.

Можно найти в той и другой стране массу людей, которые так не думают, они не хотят в этом участвовать. Вот с ними и надо говорить. И надо создавать продукт, в том числе читабельный, который бы показывал, условно говоря, что российские и украинские историки могут между собой разговаривать так, что современная повестка дня исторической политики российско-украинских отношений будет выглядеть смешной.

Борис Долгин: Читайте цикл бесед Алексея Миллера и Георгия Касьянова «Россия-Украина: как пишется история» (часть 1: Голодомор, часть 2. Вторая мировая война, часть 3. От Хмельницкого до Мазепы, часть 4. Между Гражданской и Второй мировой, часть 5. Первая мировая, часть 6. Российская Империя).

Алексей Миллер: Именно это я и хотел сказать. Что я имею в виду? Ищите себе подобных на другой стороне. Вы не хотите этой грязи? Ищите тех, кто с другой стороны не хочет этой грязи. Люди, которые поддерживают «Воззвание из Блуа», – вот ваши настоящие союзники. Вместо этого – создадим комиссию по борьбе с фальсификациями и станем похожими на Качиньского. А кому это надо?

Замечу, что разница-то заключается в том, что у них демократия есть. У них есть и Качиньский, и Туск, и есть противодействие внутри Польши. А у нас-то нет. Поэтому эффекты исторической политики с нашей стороны будут заметно более разрушительны.

Григорий Чудновский: Спасибо. Я всегда с удовольствием вас слушаю и ухожу всегда с ощущением, что я узнал много нового, о чем даже не предполагал. Но сегодня я не хочу вопросы задавать, а хочу выступить с той позиции, которая, возможно, историку недоступна, в том числе и вашим коллегам.

Алексей Миллер: Историки – ограниченные люди.

Григорий Чудновский: Я это и имею в виду. Неприкрыто. Естественно, я не буду спорить и конфликтовать, а только несколько суждений выскажу, но не по поводу того, что вы сказали. Все, что вы сказали, я наблюдаю без вас, без историков. Я слежу за некоторыми событиями, и кто что проводит. Все, что вы сказали, близко мне, поэтому я не с этим спорю. Я с другой вещью спорю, с которой вы, возможно, согласитесь.

Сегодня цельную историю знают очень мало людей в России. Она вся разрозненная – что сохранилось от Советского Союза, что нахватили за эти 15-20 лет. Осколки. Поэтому у меня есть предположение: что бы ни написал товарищ Филиппов вместе с Сурковым, Данилиным и Павловским, это не ляжет полноценно на общественное сознание, о котором вы мельком сказали. Его и нет в историческом смысле.

Когда в 50-ые годы я учился в школе, меня учили учителя с партийными билетами. Я любил историю и учился на пятерки, но когда я задал вопрос, на который не получил ответа, я добровольно ушел на тройки и на двойки. Я не историчен был в той ситуации, в которую меня погрузили. Я поступил в университет, на математический факультет, и я прошел туда без знания истории. Когда я потом поступил в аспирантуру, я так же проскочил политэкономия – я ее не знаю. И таких, как я, немало. Если они, конечно, не делали партийную карьеру - или какую-то иную. В советское время давление исторической и политической идеологии было весьма высоким.

Мы не восприимчивы к истории, и у меня создается впечатление, что навязать ее сегодня очень трудно. Мы же можем самообразованием заниматься. В моей домашней библиотеке десятки исторических книг, самых разных, в том числе Андрея Зубова, который здесь выступал. Может быть, вы о нем тоже что-то скажете, если вам это интересно. Я их все листаю, я не могу читать, как вы, я выбираю то, что созвучно моему духу, моим ценностям и устремлениям. И в этом смысле что-то «отбраковываю», даже ЕГЭ, которое заставит школьников выбирать из тех двух альтернатив, о которых вы сказали. После того, как он что-то выберет (неважно что), потом он немедленно это забудет. Ошибается Сурков, ошибается Павловский, что они могут навязать это.

Алексей Миллер: Хорошо, я понял. Но я вас должен огорчить. Те люди, которые делали этот учебник, меньше всего думают о том, что его будут читать люди, скажем, за 50, у которых, как вы говорите, есть иммунитет, есть исторические книжки в домашней библиотеке, есть способность выбирать, и так далее. Не нужно недооценивать. Школа – это самый мощный инструмент индоктринации, который в течение долгого времени был у государства. А сегодня есть еще дополнительный, второй инструмент, который соревнуется со школой. Это телевидение. Школа и учебник истории – это очень эффективная вещь, потому что дети восприимчивы. И я вас уверяю, что меня меньше всего волнуют люди, которые будут учиться на пятерки по истории, даже по этому учебнику. Потому что, как правило, если учитель хороший, то он пятерки ставит тому, кто что-то соображает. Он какие-то вопросы задает «на сообразительность», а они чего-нибудь сообразят, может быть, что-то им родители подскажут. А троечники чего-то вызубрят, им же надо чего-то вызубрить, чтобы ЕГЭ сдать, и это у них останется. У них останется дух учебника – или «душок», я не знаю.

Это очень сильное средство. Понимаете, какая штука. В том, что вы сказали, очень много от ментальности людей – во многом я и себя причисляю к ним, – которые значительную и порой прекрасную часть своей жизни провели на кухне. За хорошей бутылочкой обсуждая политические проблемы, чувствуя себя очень далекими от народа. Если с этой перспективы смотреть, то кухня, слава Богу, остается пока, а купить выпивку даже проще, чем было раньше. Но мы же вроде думали, что у нас какие-то изменения в обществе происходят. Или мы опять возвращаемся на кухню? И они будут радостно нам говорить, чтобы мы трясли своими козлиными бородами на кухне – или нас попрут из школы, где мы, условно говоря, преподаем историю. Попрут, если мы, конечно, не согласимся учить по тем книжкам, которые нам дадут. Вот он нас честно и правильно предупреждает.

В том и разница, что при советской власти все было по-своему очень просто и честно. В каком смысле при советской власти не было исторической политики? В том смысле, что было известно и законодательно закреплено, что есть одна партия с правильной идеологией. И учебники должны были этой идеологии соответствовать. Если кто-то уклонялся, то его вызывали на партсобрание и объясняли, что он неправ. Если он чего-то не понял, его могли выгнать с работы. Его можно было не печатать – был Главлит.

В чем принципиальное отличие этой ситуации от той, в которой мы сегодня находимся, и в которой, с их точки зрения, нужна историческая политика? Нельзя запретить книгу. Книгу можно напечатать, но как сделать так, чтобы она оказалась доступна только небольшому маргинальному сегменту общества? Вроде бы до сих пор мы говорим, что у нас плюрализм учебников, «историк имеет право». И вы можете угадать, где шарик находится под этими наперстками. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что никогда не можете, если сам наперсточник не хочет, чтобы вы угадали. Вот в чем дело.

При советской власти все было в этом смысле очень честно и просто. Пишешь кандидатскую диссертацию, где у тебя цитаты из Маркса и Ленина. Вот и все.

Теперь про Зубова. Я знаю книгу. Мы говорим о 2-х-томнике по истории России XX века, который только что вышел. Я очень люблю Андрея Борисовича, но мне книжка не нравится. Почему она мне не нравится? Во-первых, потому что изначально планировалось написать учебник, и это было бы очень любопытно. Но вместо этого получилась книга, которая никак не может быть учебником.

Борис Долгин: Но это он вполне признает.

Алексей Миллер: Да. Учебника не получилось. Второе. Книга очень идеологична. Она по-другому идеологична. Там многие вещи очень декларативно заявлены, и ровно те тезисы, которые нуждаются в очень серьезном обосновании. Поэтому книга Зубова – легкая мишень для критики. Я не буду здесь этой критикой заниматься. Я просто думаю, чтобы бороться с нарративом Филиппова-Данилова, нужна другая книжка.

Владимир Молотников: Если говорить о термине «историческая политика», так и напрашивается сказать – «внутренняя историческая политика» и «внешняя историческая политика». Внутренняя историческая политика – это, грубо говоря, все, что касается школьного учебника. По крайней мере, в изложении лектора. Очень интересно, что при подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии Кейтель, увидев в зале представителей свободной Франции, сказал: «А что, мы и французам войну проиграли?» Во французском школьном учебнике по сегодняшней день немцы проиграли войну, в том числе, и французам.

Вопрос коллаборационизма – это такая же болезненная тема для француза, как для нас тоталитаризм. В школьном учебнике Франции о «горизонтальном» коллаборационизме, как историки называют это массовое явление, ничего нет. А это 200 тысяч детей, рожденных от немецких оккупантов; телами «коллаборационировали», в том числе. Это исключено, этого быть не может, это учебник. Нравится или не нравится, но в государственной школе будет учебник, в котором будет написано – «Франция победила во Второй Мировой войне». Это успешная политика, она проводилась десятилетиями. Поэтому когда в 70-е годы известнейший французский режиссер Луи Маль снимает фильм «Лакомб Люсьен» – первый во Франции фильм на эту тему, он вынужден эмигрировать из страны. Общество отказывается принимать эту правду даже на экране кинотеатра.

Еще один пример успешной исторической внутренней политики. В ходе Второй Мировой войны был такой маленький эпизодик. Несколько островов в Ла-Манше, находящихся под юрисдикцией британской короны, были оккупированы немцами. Ну, массовый коллаборационизм. В 1956 году снимается фильм об этом – живы еще англичане, которые сотрудничали с немцами – и ни одна кинокомпания не прокручивает этого фильма.

Это я о том, нужно ли иметь единые школьные учебники. А как может быть не один школьный учебник? Если страна решила, что будет ЕГЭ, хорошо это или плохо, я не знаю. Вот Корея живет с ЕГЭ, живет хорошо, уровень образования там высокий, значит, естественно, учебник будет один. Моя дочь учится в частной школе, там часть родителей решила, что учебников по истории должно быть два, другая часть – не присоединилась к этому мнению. Мы купили учебники, а те, которые хотят учиться только по одному учебнику, не купили. Но никакого уголовного наказания для школы, конечно, нет и быть не может. Но это внутренняя политика.

Но есть и внешняя историческая политика. В конце лекции прозвучала важная вещь – российская историческая политика в какой-то степени является ответом на вызовы. А, собственно, что это за вызовы? Почему о вызовах ничего не сказано? Правильны эти вызовы или неправильны – другой вопрос, но Вы скажите, что это за вызовы и кто эти вызовы совершает? Дело в том, что существуют слова «историю пишут победители». Так было всегда. XXI век – это век новой исторической реальности. Историю начинают писать мародеры. И это было всегда, понимаете, всегда. И в советское время была историческая политика. Я помню, был дурацкий польский фильм «Четыре танкиста и собака». На ближних подступах к Берлину в апреле 1945 года немецкие танковые части обращаются в бегство с криком «Поляки прорвались!» Поляки выиграли войну.

Борис Долгин: Господин Молотников затронул один важный момент, о котором я должен сказать. ЕГЭ ни в коем случае не связан с идеей одного учебника, по которому он сдается. ЕГЭ основан на принципе апелляции к некоторому стандарту. А вот будет ли вместо этого принципа реализована историческая политика на материале учебника, это связано не с природой ЕГЭ.

Алексей Миллер: Хорошо. Я сначала Борису отвечу. Конечно, можно себе представить набор вопросов по ЕГЭ, которые нормально сосуществуют в условиях, когда страна учится по нескольким учебникам истории. Я же о том, что, если мы видим, как один учебник внедряется, то понятно, под какой учебник ЕГЭ будет заточен. Это важно прояснить.

Теперь о том, что было сказано. В принципе, я начал с этого, когда процитировал Андрея Зорина и сказал, что есть люди, полагающие, что такая политизация истории, использование истории в политических целях, – это такая же неизбежная вещь, как преступность в обществе. Все, что вы говорили о Франции, это правильно, но до определенного момента. Потому что где-то с 1980-х годов пошел процесс переосмысления, и сейчас этот процесс продвинулся достаточно далеко. Если вы полагаете, что в современных французских учебниках нет ничего о коллаборационизме, то вы ошибаетесь. Есть.

Теперь – что это значит применительно к нашей ситуации? Да, мы можем себе представить ситуацию, когда общество, пережив очень тяжелые потрясения, заключает, что о каких-то вещах говорить нельзя. Не будем говорить некоторое время. Это везде происходит. О коллаборационизме не будем некоторое время говорить, не будем о том, кто прав и кто виноват, и чего там происходило во время гражданской войны в Испании. Не будем говорить – у нас демократический процесс очень хрупкий.

Но мы сегодня уже достаточно далеки исторически от тех событий, которые обсуждаем. У нас уже не стоит вопрос о том, кого бы нам посадить за преступления прошлого. Мы же этим вопросом не занимаемся.

Мы вполне можем себя ощутить, как французское общество, которое в какой-то момент сочло возможным для себя вернуться к этой тематике. Мы можем ощутить себя, как общество всей Европы конца 1960-х годов, когда многие неприятные вопросы Второй Мировой войны были подняты. Сколько уже прошло с 45-го года? Когда мы будем праздновать годовщину победы? Прошло 65 лет – может быть, можно себе уже позволить? Это первое.

Второе, о вызовах. Не говорил я о вызовах, потому что говорил о них в предыдущей лекции, но раз вы спрашиваете, скажу. Люди, которые пытаются проводить историческую политику в странах, являющихся нашими соседями на западе, по разным политическим причинам пытаются выстроить схему, в которой есть два виновника войны. Об этом написано в статьях того номера «Pro et Contra». Там есть статьи украинского и польского авторов, есть и про Эстонию. Так вот, там есть Гитлер и Сталин, и два одинаково безобразных режима – эта схема им очень подходит для их политических целей. Можно на это разным образом реагировать. Я вас уверяю, что принятием закона, который бы запрещал такую интерпретацию, мы ничего не добьемся.

Голос из зала: А голодомор?

Алексей Миллер: Голодомор – это тема, которая используется, в том числе, и для формирования негативного этнического украинского национализма. Безусловно. Но об этом надо говорить подробно, а у меня сейчас ни времени, ни желания такого нет. В том, что я говорил сегодня, я ни слова не сказал о том, что где-то историческая политика лучше нашей. Я говорил о последствиях, которые у нас могут быть особенно тяжелы.

Года четыре назад, когда был предыдущий юбилей Победы, мне позвонили из украинской службы ВВС. Парень брал интервью, и все спрашивал у меня, не собирается ли Россия каяться по поводу миллионов немецких женщин, изнасилованных русскими солдатами. Вообще к проблеме покаяния у меня отношение довольно сложное – я считаю, что это неправильное слово, потому что покаяние – индивидуальный акт. Но проблема существует. Я в ответ ему задал вопрос: «А как так получается, что в армии, которая победила Гитлера, было 25% украинцев, а немецких женщин насиловали только русские?» Если два миллиона немецких женщин, предположим, изнасилованы, то не будем обижать украинских мужчин. 25% – соответственно, 500000 женщин должны были пострадать от украинцев. Давайте, покажите нам пример, если вы считаете, что надо покаяться. – Вперед! Интервью в эфир не пошло.

К чему я все это говорю? Хорошо, я его отбрил, а снимает ли это проблему самого факта и его осмысления у нас? Наверное, нет. Это и есть – суть. Можно проводить историческую политику, которая будет основана на том, что «сам дурак», и на этом дискуссия закончена.

Первым о теме французского коллаборационизма, о его масштабах написал не француз, а американец. Можно ведь было сказать, что это враждебная фальсификация. А можно перевести книгу американского историка и начать изучать эту проблему, что они и сделали. С точки зрения политической целесообразности я вам могу сказать, что если бы французы ушли в «несознанку», объявили бы этого американского историка врагом народа и сказали бы, что он клеветник, они бы еще 25 лет отбрехивались. И все время выглядели бы идиотами.

Вот так мы и выглядим. Вот туда мы и забрели. И на кой нам это надо? Чем больше мы сами для себя будем этим заниматься, тем меньше какой-то чужой человек будет вешать на нас этих собак. Голод начала 1930-х годов. Источники у нас, надо их открыть, изучить, опубликовать. Но ведь этого же нет. А если мы пишем сейчас книжку, насколько мне известно, про голод, где исследователи сориентированы на то, что надо дать отпор украинским клеветникам, ну, и будет книжка такая же по ценности, как их книжки о голодоморе. Сядут, поговорят, разойдутся, довольные друг другом.

Илья: Мне очень понравилась лекция, спасибо большое. Но я, наверное, с критикой выступлю, хотя, может быть, и буду неправ. Я откажусь от термина «историческая политика» – считаю, что это уродование нашей истории. Хотелось бы начать с того, зачем вообще нужна наука история. Наука история существует для того, чтобы, смотря в прошлое, мы могли в будущем не делать тех ошибок, которые мы совершали.

Сейчас я услышал великолепную речь о том, что «Единая Россия» не дает нам делать хорошую историю. И дальше прозвучал такой тезис, что, если это не сделано на деньги правительства, то это были наши деньги с вами. В общем, это неплохо. Но тезис о том, что переосмысление истории является плохим, потому что это делается на наши деньги, он неверен. Потому что дискредитирует всю историческую науку и делает ее бессмысленной. Поэтому я бы хотел всех вас предостеречь от однобокой критики, т.к. хорошей политики у нас нет и не будет никогда.

Алексей Миллер: Илья, вы, наверное, как-то отвлеклись или что-нибудь неверно поняли. В том, что вы сказали, мое недоумение вызывает следующая вещь. Я ведь не говорил, что на государственные деньги – это плохо. Я говорил о том, что у нас существует государственная система финансирования науки. И во всем мире она примерно такая – мы ее, собственно, и скопировали. Она заключается в том, что даются государственные деньги, они кладутся в фонд, исследователи подают заявки в этот фонд, обосновывают, что они собираются делать, и такие же профессионалы, как они, эти деньги государственные распределяют. В этом случае как исследователь я получаю свободу. Я прошу денег, и если я достаточно убедительно об этом прошу, мне их дают, и я делаю то, что считаю нужным. Судьями, дать мне деньги или нет, являются мои коллеги. Все понятно.

А другой вариант, что какой-то человек, который контролирует государственные деньги (они не являются его собственностью), говорит: «Ребята, надо вот такую тему осветить вот в таком-то ключе, позвоните полковнику такому-то, он вам скинет документы. Чего писать знаете. – Вперед!» – Это то, как не надо делать.

И дальше про учебник. Либо у нас есть принцип, что учебников должно быть несколько, и они должны быть равнодоступными, либо эти государственные деньги закачали в издательство. Я показал подсчет – полмиллиона баксов просто на то, чтобы напечатать 250 тысяч экземпляров. Ну, напечатайте 25 тысяч, это все равно будет больше, чем тираж других учебников. Выведите его на рынок, пусть он стоит на тех же полках магазинов, и пусть люди его покупают, если они хотят. Причем, по каким учебникам учить, выбирают учителя и родители. А если вы его в распределители отвезли и через них распределяете? Вот в чем беда.

Поэтому я как-то очень сильно не узнал в том, что вы говорили, того, что я излагал. Я все-таки предлагаю вам быть аккуратнее.

Илья: Можно, я поясню? Вы сейчас опять же заявили о том, что проблема не в переосмыслении, а в доступности. Что, скажем, другим версиям истории не дают пройти в массы.

Борис Долгин: Мне кажется, я понимаю, почему возникло некоторое недоразумение. Илье показалось, если я правильно понимаю, что главная претензия – это не содержание, не метод работы с документом, а только момент распределения ресурсов. Если я правильно понимаю Алексея Ильича...

Алексей Миллер: Минуточку. Правильно Борис изложил?

Илья: Не совсем. Главным являются не только деньги, но сама история.

Алексей Миллер: Спасибо большое. Сейчас я ухватюсь за то, что вы сию минуту сказали, «история является общей». Вы правы, только что это значит «общая история»? Есть такая интерпретация, которая мне кажется глубоко порочной, что «общая история» – это правильная интерпретация истории, которая должна быть всем обществом усвоена. Я вас уверяю, что такой истории не существует.

Что значит «общая история»? Это значит, что по поводу истории в обществе происходят дебаты, и они происходят постоянно. Вы мне говорите, что событие такое-то должно быть интерпретировано таким-то образом. А я вам отвечаю, что нет, уважаемый Илья, я иначе вижу это событие, у меня другая интерпретация. И пока мы с вами разговариваем, а другие слушают, если они хотят, у нас и происходит осмысление, переживание этой истории. Если вы думаете, что история - это учитель жизни, забудьте об этом. История еще никогда никого ничему не научила. Процесс говорения и обсуждения истории, соприкосновения и столкновения разных точек зрения – вот он и учит.

Чему он учит? Во-первых, слушать друг друга. Выявлять друг у друга побудительные мотивы, что кому дорого, кто как жульничает в интерпретации истории, и так далее. Это тот случай, когда важен процесс. Мы никогда в масштабе общества не придем – и не должны приходить – к общему, единому пониманию истории. Поэтому когда я говорю, что мне учебник Филиппова-Данилова не нравится, я не утверждаю, что он не имеет права на существование. Имеет. Но я готов с ними полемизировать в той мере, в которой я буду слышать в ответ какие-то честные рассуждения, которые не перевирают мои аргументы.

Но я говорю – «за исключением последней главы». Почему? Потому что там идеологический конструкт сегодняшнего дня, исповедуемый одной партией, переносится в учебник как объективная истина. Вот и все. В идеале учебник и должен показывать каждый раз, когда вы доходите до какого-то момента, где нет консенсуса в обществе. Вы говорите: а знаете, есть люди, которые думают об этом по-разному. И давайте об этом поговорим в классе. И не строите этот разговор так, чтобы аргументы ваших оппонентов излагались так, будто они беспросветные идиоты. То есть именно процесс обсуждения – это то, что подавляется. Сегодня я почти совсем не говорил (совершенно сознательно), о том, что же там в истории. Это вообще была не моя задача. Я говорил о том, как этим манипулируют, я говорил только о механизме, я несколько раз это повторил. Вот это важно.

Илья: Еще пару слов. Я целиком и полностью согласен с тем, что вы сейчас сказали. Так вот, касательно истории. Когда изучение истории, дебаты по этому поводу идут исключительно для того, чтобы выявить более или менее истинную точку зрения, это одно дело. Когда дебаты идут для того, чтобы с помощью истории манипулировать нами с вами, это абсолютно другое дело. И когда, независимо от того, на какие деньги этот учебник является ничем иным, как средством достижения и проведения своей политики, а не исторических исследований, тогда этот учебник плох. И не важно, на какие деньги он был сделан, будь это «Единая Россия» или кто-то другой.

Алексей Миллер: Да, ради Бога, но это уже другой вопрос.

Илья: У вас прозвучал тезис о том, что если это сделано не на деньги «Единой России», значит, это верно.

Алексей Миллер: Нет. Вы меня опять неправильно поняли. Я сказал, что на частные деньги люди вправе писать любые учебники, какие они считают нужным.

Борис Долгин: И при этом профессиональные историки имеют право с ними дискутировать и обосновывать, почему они не согласны.

Алексей Миллер: Конечно, разумеется.

Борис Долгин: Это совершенно не отрицает вредности любой некорректной интерпретации.

Илья: Любой?

Борис Долгин: Любой.

Павел Елизаров: Две вещи, которые я хотел бы сказать. Первая – это комментарий по поводу того, что была продвинута некоторая идеология правящей партии. Я абсолютно убежден, что нынешнее поколение, к которому я несколько ближе, чем вы, вообще лишено всякой идеологии. Оно в принципе не понимает, что такое идеология, и мне кажется, что в этом заключается опасность. У меня ощущение, что люди вообще не верят в идеологию, в принципе. И с этой точки зрения, опасность состоит в том, что мост будут строить над пропастью, где никаких опор нет. И чем больше мост, тем больше опасность, что он рухнет под собственной тяжестью. Потому что никто не пойдет поддерживать никакую идеологию.

Я разговаривал с молодежью, которая приехала со слета на Селигере, и спросил об их впечатлениях, они ответили – «прикольно». То есть это не похоже на пионеров прошлого, которые верили, скажем, в коммунистическую партию. Сейчас никто ни во что не верит, это время цинизма. Но, с другой стороны, в этом есть некоторый шанс.

Вторая вещь, которая у меня переходит в собственно вопрос. Я согласен с большей частью того, о чем вы сказали. Но не очень согласен, что нужно «запереться в крепости». Почему? Потому что при всем уважении к историкам, философам и, вообще, людям теоретическим, я не верю, что они должны существовать как-то отдельно. Наоборот, так или иначе, они должны сообщать людям то, что они делают. Почему? Потому что на самом деле очень мало людей, которые так хорошо разбираются в истории, как вы.

Я это проиллюстрирую на примере. Когда я 1990-ые годы учился в школе, было несколько разных учебников истории. В них были разные точки зрения, и было непонятно, что такое «русские», что мы собой представляем. В одних учебниках сталинизм ругали, в других более спокойно к нему относились, третьи вообще обходили этот вопрос стороной.

Я поехал учиться в Германию, начал обсуждать со своими европейскими коллегами разные проблемы. Я любил задавать провокационные вопросы и спрашивал – демократия, а почему это хорошо? Многие впадали в ступор, они не понимали. У них есть то, что в политической науке называется «стохастический демократический консенсус». В Западной Европе есть такой консенсус, что «демократия – это хорошо» и есть вещи, которые не обсуждаются. А я – человек, у которого нет идеологии, – спрашивал: «Почему?» Люди просто не понимали моего вопроса, по крайней мере, большая часть. Так вот. Мне кажется, что в условиях, когда новое поколение невосприимчиво к идеологии,

нужно создать базу какую-то для идеологии, какой-то консенсус. Возможно, путем дискуссии, не знаю.

Вопрос: есть ли альтернатива «запиранию в крепости». Как можно у людей в массовом масштабе, по возможности не насильственными методами, попытаться сформировать какой-то консенсус. Например, по таким вопросам: кто мы, русские, кто такой был для нас Сталин и так далее. Чтобы люди, приезжающие из нашей страны в Европу, не только политологи или историки, а просто люди, могли бы сформулировать свое мнение о том, кто такой был Сталин и что такое Катынь. Как можно сделать, чтобы возникла база для такого консенсуса? Ведь иначе мы будем иметь постоянные разрозненные крики и полное отсутствие единого мнения.

Алексей Миллер: Интересное рассуждение. То, что вы сказали по поводу такого консенсуса или, если угодно, такой идеологической индоктринации, что «демократия – хорошо», это действительно, существует. И этот базовый консенсус совершенно необходим для существования демократии. Но мне не очень понятно, почему мы об этом говорим применительно к истории.

Допустим, у нас есть базовый консенсус, что «демократия – это хорошо», и он предполагает определенную телеологию, телеологический взгляд на историю. Это верно, но в условиях демократического общества. Дальше я могу как-то отличаться, я могу выражать взгляды, отличные от взглядов большинства. Ведь демократия, в том числе, и про то, как это меньшинство может выживать, функционировать и заявлять о себе. Правильно?

Может быть, наша проблема заключается в том, что, когда я говорю о «суверенной демократии» в кавычках, я понимаю, что это не имеет никакого отношения к утверждению демократических ценностей в обществе. Понимаете, если бы в учебнике было написано, что мы стремимся построить демократическое общество, и это наша ценность, это национальный консенсус, то ради Бога. Потому что это открывает богатое пространство для интерпретации – дальше мы можем обсуждать формы демократии, парламентаризма и что-нибудь еще.

Алексей Миллер
(фото Н. Четвериковой)

Когда нам говорят, что у нас «суверенная демократия», то в чем здесь суть? Нам говорят, да, наш режим не похож на те, что называются просто демократическими, но вот такая у нас демократия. Поэтому у нас демократия есть, и вот это самое страшное. Ведь, если бы лидеры нашего государства говорили, что демократию в сегодняшней ситуации построить невозможно, в том числе и потому, о чем вы говорили, то есть потому, что общество фрагментированное, народ деидеологизированный, всем на все наплевать и так далее, это было бы не только честнее, но и плодотворнее.

У нас – авторитаризм. Он такой мягкий, симпатичный по сравнению с другими видами авторитаризма. Слава Богу, не диктатура, не тирания. В этом много разумного, потому что авторитарных режимов может быть масса. Почему было бы плодотворно это признать? Потому что, заявив такую позицию, человек уже может сказать: «Мы бы хотели, чтобы была демократия. Поэтому давайте ее вместе делать. У нас такие-то намерения, мы вам вот это предлагаем». Тогда возникает диалог людей, которые могут друг другу доверять. Потому что самое короткое определение, что такое демократия, это «взаимобязывающий и безопасный диалог между властью и обществом».

Если ко мне выходит человек и говорит: «Ребята, у нас уже есть демократия», о чем нам разговаривать? У нас нет почвы для диалога. Мне не о чем с ним поговорить всерьез. Если он скажет: «Да, у нас авторитарный режим, так давайте рассуждать, как отсюда двигаться к демократии», – вот, уже приятная повестка дня, интересная, плодотворная. Понимаете?

Поэтому если в учебнике будет написано, что демократия – это та ценность, которую мы стремимся утвердить в обществе, да, это будет идеологическая доктринация. К примеру, какой-нибудь человек скажет, что он монархист, это ему больше подходит, он обидится на этот учебник. Но тут можно будет сказать, наверное, с некоторой долей лукавства, что в принципе европейский демократический консенсус существует. В Европу хотите – вот вы про Европу говорили, давайте будем принимать тот базовый политический консенсус, который там существует.

Мне представляется, что консенсус по поводу того, кто такой Сталин, он нам не нужен, такой глобальный консенсус. А если консенсус по таким базовым вещам устанавливается, то он устанавливается путем государственных решений. Может быть, вы не заметили, но одно такое важное государственное решение недавно состоялось. Внук Сталина, Джугашвили, подал иск к «Новой газете» за то, что они обозвали Сталина преступником. Суд этот иск отклонил. Господа, это первый раз, когда на судебном уровне в нашей стране зафиксировано понятие, что Сталин – преступник. Пусть косвенно. Если вы посмотрите на законодательную базу, то есть только одна фраза в преамбуле закона о реабилитации репрессированных, которую можно считать характеристикой сталинской политики как преступной. И все!

Если мы хотим каких-то базовых характеристик, они достигаются путем государственных решений: судебных, законодательных и так далее. А почему Сталин что-то делал, как это объяснить, называется это тоталитаризмом или не называется, это никак не должно регулироваться законодательно. У нас есть подписи Сталина под длинными списками внесудебных расстрелов. – Все! Этого достаточно, это преступление по любым нормам, в том числе, и по тем советским законам, которые тогда были.

Борис Долгин: И об этом у нас было специальное выступление Никиты Петрова. Надеюсь, оно рано или поздно будет выложено.

Вопрос: Получается, чтобы получить на более или менее объективном основании понимание истории, нужны демократические государственные институты. Следовательно, сначала мы в нашей стране должны создать демократию, без объективного осмысления истории. Кроме того, судя по тому, что вы сказали, демократическому осмыслению истории должны споспешествовать государственные решения. А где же нам взять хорошие государственные решения, если у нас государство такое, что никакой демократии в нем нет и быть не может?

Алексей Миллер: Вы все время тянете меня в дискуссию об очень сложных и интересных вопросах, о которых здесь иногда рассуждают более внятно, чем я. Есть много всяких интересных текстов и дискуссий о том, как возможно построение демократии в посткоммунистических обществах. Я вам отвечу коротко и на этом закончим. С моей точки зрения – невозможно. Что я здесь имею в виду? У нас с момента падения коммунизма нет ни одного примера, когда отдельно взятое посткоммунистическое государство смогло построить консолидированную демократию западного образца.

Есть исключения. Что я имею в виду? Есть страны, которые были приняты в Европейский Союз или которым сказали: ведите себя хорошо – будете приняты послезавтра. То есть эти страны получили мотивацию и внешний стабилизатор. Вот только в таких странах, где есть этот внешний стабилизатор и где элиты мотивированы вести себя демократически, процесс консолидации демократии до сих пор оказывался относительно успешным.

Россия-Украина: как пишется история

Разговор российского историка Алексея Миллера и украинского историка Георгия Касьянова.

Часть 1. Голодомор

10 марта 2009, 09:00

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/03/10/golodomor/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работает государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентичностей – российско-украинская история – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Первая часть беседы содержит рассказ о ее замысле и разговор о проблеме Голодомора.

Миллер. Думаю, что надо определить время, место, действующих лиц, смысл происходящего: Алексей Миллер, историк, чей дом в Москве, и Георгий Касьянов, чей дом в Киеве, сидят в Будапеште, который сейчас, 15 января, страдает от смога, потому что топят углем, а не газом, из-за очередного российско-украинского газового конфликта, и собираются обсуждать историю российско-украинских отношений. Или, может быть, даже украинско-русскую историю, так будет точнее.

Касьянов. Со стороны Миллера - русско-украинскую, со стороны Касьянова - украинско-русскую.

М.: И надо определиться, что мы, собственно, хотим сделать, чтобы не возникло необоснованных ожиданий, потому что, хоть мы и историки, мы не считаем себя готовыми и вправе излагать, «как это было на самом деле». А предмет наших разговоров, которые будут охватывать тематику от XVII до XX века, - в основном, конечно, концентрируясь на двадцатом, - то, как наиболее острые проблемы истории сейчас трактуются, что мы знаем и чего мы не знаем, что из тех трактовок, которые функционируют в России или Украине, может действительно относиться к научному знанию, быть предметом научной дискуссии и научной критики, а что к науке заведомо не относится. Согласен?

К.: Да. И нужно сказать, что мы говорим не о том, «что и как было», а о том, как говорят, пишут и рассуждают о том, что считается истинным.

М.: Это не значит, что нас не интересует то, «как это было». Мы пытаемся понять, что мы знаем об этом, тоже.

К.: Да, мы хотим к этому приблизиться.

М.: В наших диалогах мы не станем придерживаться хронологической последовательности и коснемся, прежде всего, того, что сейчас обсуждается наиболее живо, а именно, причин, природы и механизмов голода 1932-1933 года и его специфики в Украине.

К.: Причины, результаты, и образ голода, или, как его стали называть, Голодомора. Нас, конечно, интересует, в значительной степени, не только научная часть этой проблемы – как ученые об этом пишут и говорят, но и как суждения и выводы транслируются в какие-то идеологические формы, как эти формы живут в общественном сознании, там функционируют, и как это потом возвращается к ученым и на них воздействует. Меня очень интригует этот процесс, как в 80-х некие готовые идеологические формы, возникшие в среде украинской диаспоры и некоторых исследователей, пришли в Украину, как они стали функционировать в ситуации конца 80-х годов. Тогда речь шла о суверенизации республики, и в контексте дискуссий о суверенности и перспективе независимости, в частности, связанных с критикой советского прошлого и советского режима как такового, использовались представления о голоде 1932 – 1933 годов. Они возникли на основе преставлений о голоде среди украинской диаспоры, которые были легитимированы большой книгой Роберта Конквеста и работой комиссии Конгресса США, которые так и не были «узаконены» юридически работой юристов 1988-90 годов.

Международная комиссия юристов была создана по инициативе крупнейших диаспор украинских организаций с целью исследовать голод 1932-33 годов в Украине, и сверхзадачей ее, которая, конечно, открыто не формулировалась, было доказать, что это было целенаправленный организованный голод, геноцид. Комиссия работала два года, в ее составе были известные юристы, и ученые, и практики, и она пришла к желаемому выводу, о том, что это был геноцид, но к нему были добавлены так называемые особые мнения членов комиссии, которые в отчете комиссии составляют больше половины. И по этим особым мнениям вывод о геноциде не является окончательным. Т.е. желаемого итога не было. Потом это объясняли тем, что у комиссии было недостаточно документальных свидетельств, но факт остается фактом – комиссия желаемого для заказчика вывода не сделала. Может быть, поэтому результаты ее деятельности не очень и афишировались промоутерами в Украине той версии голода 1932-1933 годов, которая потом стала довлеющей и в научных, и в политических работах.

М.: Мне кажется, что нужно договориться о термине. Если мы пытаемся подобрать какой-то особый термин для обозначения голода, который влечет за собой массовую гибель населения, тогда в качестве одного из вариантов можно принять слово «голодомор». Ведь такой голод был в Украине и еще массе других мест, и мы, если условимся, можем называть его «голодомором». Если «Голодомор» - это термин, который очень четко связан с украинскими событиями 1932-33 года и с трактовкой этого голода как геноцида, тогда употребление этого слова в разговоре становится очень проблематичным.

Еще мы могли бы зафиксировать вот что: мне кажется, что вопрос о том, можно ли эти события называть геноцидом или нет, вполне может обсуждаться историками в рамках научности. Очевидно, что мы далеки от единомыслия по этому вопросу. И при этом я не имею в виду с одной стороны российских, а с другой – украинских историков. То отсутствие консенсуса в терминологии и в базовых научных принципах, которое мы наблюдаем в российско-украинских дискуссиях в последнее время, очень угнетает, поскольку оно и является единомыслием, т.к., наиболее активно и громко вовлеченные в

эту дискуссию украинские историки могут рассуждать по-разному и приводить разные аргументы, но мы уже заранее знаем, к какому выводу они придут, - геноцид.

К.: Часть украинских историков.

М.: А их оппоненты с российской стороны тоже используют разные аргументы, но они точно придут к выводу, что это был не геноцид. И такая форма дискуссии мне плодотворной не кажется.

С другой стороны, мы должны понимать, что когда историки говорят о геноциде, то их слова имеют иной смысл и вес, чем если мы говорим об этом в юридической плоскости. Историки, например, могут ссылаться на разные неформальные мнения и авторитеты, трактовать определение геноцида из конвенции ООН расширительно. Пока они ведут сугубо исторические дебаты – это вполне допустимо. Но как только мы начинаем говорить в юридической плоскости, тогда в силу вступают заметно более строгие законы полемики и применения тех или иных характеристик. Мы сейчас не говорим о том, что конвенция ООН - это истина в последней инстанции. Она писалась в определенных политических условиях, она отражает определенные политические интересы, но это юридический документ, и, пока он не пересмотрен, только он имеет юридическое значение. А не рассуждения о необходимости расширить определение понятия геноцид, даже если эти рассуждения исходят от человека, участвовавшего в разработке конвенции. Потому что значение конвенции как юридического документа определяется не тем, что его написал Липкин, а тем, что его утвердила ассамблея ООН.

Историки могут пользоваться этими терминами вольнее, но важно понимать, что это два разных пласта. Характеристика этого процесса как геноцида теми или иными историками в юридическом смысле ничего не значит, это может сказать только суд. И в этом смысле интересно, что в Украине возникла идея создания именно такого суда. Я хочу напомнить то, что написала Ханна Арент в своей книжке «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме». Книга эта довольно известна, на нее часто ссылаются, не читая, развивая ту идею, которая отражена в подзаголовке, - о банальности зла. Но в ней есть и другая идея, которая для Арент не менее важна и которая поссорила ее с израильским истеблишментом того времени; наблюдая этот судебный процесс над Эйхманом и вовсе не ставя под сомнение его вину, Арент говорила: неправильно, что его судит суд в Израиле, потому что получается, что его судят жертвы, а вся философия правосудия построена на том, что жертва не осуществляет суда, что это должна делать нейтральная сторона. И в этом смысле, даже если мы говорим о возможности такого суда, то он должен быть международным. А идея о том, что такой суд нужно провести в Киеве, вероятно, отражает скорее пропагандистские стремления, чем намерение получить какой-то авторитетный юридический вердикт.

К.: Я начну с конца - с твоих последних предположений. Есть разные предложения, вплоть до международного суда в Гааге. Как правило, эти предложения имеют абстрактный характер предположения: «может быть, стоило бы...». В самой Украине были попытки организовать трибунал на манер Нюрнбергского, в первый раз это, кстати, и делалось в связи с «голодомором». Что бы мы сейчас ни вкладывали в это понятие - в 1993 году высказывалось такое предложение, — организовать «народный трибунал» в связи с голодом 32-33 годов. В той ситуации с доминированием левых в парламенте и с тяжелым экономическим положением это предложение не встретило одобрения, и такой трибунал состоялся, но не в Киеве, а в Литве и через 10 лет. Он, конечно, имел чисто символический характер — ряд организаций осудили тоталитаризм, и на этом все закончилось. Разворачивая мои тезисы в обратном порядке, я перейду к геноциду. Я

соглашусь с тем, что историки могут очень широко трактовать это понятие, хотя в последнее время возникла тенденция всегда отсылать к конвенции ООН, которая называется «О предупреждении преступления геноцида». Очень часто игнорируется само название конвенции - «о предупреждении / предотвращении геноцида»: речь идет о том, чтобы нечто подобное не повторилось в настоящем и будущем, а не о прошлом. Это очень важно. Пункт второй: как украинцы пришли к этому термину, и как это понятие вообще было инсталлировано в дискурс относительно голода. Сначала в публицистике и под ее влиянием в работах исследователей термин был просто принят как таковой, без какой-либо научной критики и ссылок на авторитеты, просто называли голод 1932-33 годов геноцидом. Потом стали обращаться к конвенции, упоминать все ее пять пунктов и считать, сколько пунктов соответствует событиям в Украине. Потом украинские историки обнаружили, что все пять пунктов не обязательны, а достаточно, чтобы был хотя бы один пункт, — и это уже можно квалифицировать как геноцид. И тогда для тех историков, которые представляли мейнстрим в конце 80-х - начале 90-х, это мнение стало восприниматься как единственно правильное, и этот вопрос вообще был снят. Только для тех случаев, когда возникал вопрос о квалификации действий власти в тот период, опять обращаются к конвенции, формально вспоминают снова все эти признаки и говорят, что это был геноцид.

Историки, конечно, не имеют юридического образования, поэтому, когда появляется это слово, оно используется достаточно широко в исторических текстах, и не только в Украине. Например, террор в Вандее некоторые французские историки называют геноцидом, и это выходит за рамки любых его определений. Поэтому четкого определения тому, что произошло в 1932-33 гг., мы не сможем дать в рамках существующих понятий, определений и категорий — любая попытка такого рода будет редуционизмом. И последнее касательно голодомора. Слово «голодомор» - это украинское изобретение, оно было придумано еще до того, как стало активно употребляться в 90-е годы, можно отослать к книге Василия Барки «Желтый князь», оно было в словаре, изданном в диаспоре, сейчас оно есть в словаре украинского языка. Я не думаю, что его можно распространять на весь голод, т.к. тогда оно теряет смысл, который вкладывается в него его авторами.

М.: Я полагаю, что мы сейчас еще скажем об общественном смысле этой дискуссии, нужно еще кое-что прояснить: дело в том, что украинские политики и историки неоднократно говорили и говорят, что они не обвиняют русских, а обвиняют советский режим, Кремль и Сталина. Это довольно здравая позиция, но здесь очень важно отдавать себе отчет, что все люди, которые так говорят, либо очень наивны, либо лукавят, поскольку они прекрасно знают, какое значение эти рассуждения и весь этот дискурс Голодомора имеет в Украине. Потому что для меня в свое время было очень сильным потрясением, когда я смотрел на памятный знак жертвам 1932-33 года, который стоит у Михайловского собора (хороший памятник!), и сразу за ним обнаружил огромный плакат, причем он сделан не руками, а промышленным образом, в пластике. Плакат висит уже многие годы, и в нем выделено специально цветом, что на место выморенных голодом украинцев завезли русских. Т.е. если кто-то говорит, что «мы Москву и русских не обвиняем», то этот человек должен быть очень озабочен тем, как его слова игнорируются и перевираются в Украине. Но мне кажется, что этой озабоченности не существует, и что молчаливо принимается, что кто-то, менее уважаемый или меньше заботящийся о том, чтобы выглядеть уважаемым, мои рассуждения о том, кто виноват, доведет до конца. Верны мои рассуждения?

К.: Я думаю, что в значительной степени да. Во-первых, политика в Украине неоднородна, и есть силы, которые открыто и не стесняясь говорят о том, что в голоде

виновата Россия, что нынешние россияне должны нести за это ответственность, и что русские как народ виноваты в том, что украинцы страдали. Эту линию доводят даже до Андрея Боголюбского, о котором говорят, что он, московский князь, плохо обошелся с украинским городом Киевом. Интересно, что эта линия исходит не только от представителей правого лагеря или экстремалов, но и от тех людей, которых называют социал-демократами. Например, известнейшая фигура, Иван Драч, поэт, редактор, шестидесятник, человек, успешно процветавший при советском режиме, - он в 1993 году во время конференции, посвященной голодомору, предъявил счет России. Он же это повторил в 2003 году, через 10 лет, на слушаниях в Верховной Раде — он был депутатом фракции, поддерживавшей так называемую демократическую оппозицию. Через 15 лет после упомянутой конференции, в 2006-2007 годах, и через 20 лет после того, как голод 32-33 годов стал заметным явлением в культурной жизни, некоторые люди из партии, которые входят в блок «Наша Украина», например, Ярослав Кендзьор, тоже бывший диссидент и человек, причисляющий себя к национал-демократам, тоже совершенно открыто говорят о том, что Россия должна ответить, заплатить, повиниться, покаяться и т.д. — именно нынешняя Россия. И таким образом возникает диссонанс, когда Ющенко говорит о том, что «государств, которые виноваты в этом, нет, людей, которые виноваты в этом, нет, мы просто хотим, чтобы почтили их память, признали это геноцидом, и на этом мы успокоимся». С другой стороны, люди из партий, которые входят в его блок и которые представляют его в парламенте, говорят о том, что «мы обвиняем Россию». Более того, если речь идет об экспозиции, которая находится на ограде Михайловского Златоверхого собора, то фраза, которую ты упомянул, присутствует и в учебниках по истории Украины. Я приведу цитату, хоть и не дословно: «Еще не успел развеяться трупный смрад, как с севера, в основном, из России, уже шли эшелоны с переселенцами», - безо всяких пояснений о характере переселений, его результатах, целях и т.д.

Из всего этого можно сделать один очень важный вывод. Конечно, политики, которые следят за своим международным имиджем и представляют себя как людей, объединяющих Украину и стремящихся к тому, чтобы Украина жила в добрых отношениях с соседями, не говорят таких вещей прямо, хотя им это охотно приписывают и договаривают за них политические оппоненты. Но существует контекст, который часто бывает важнее, чем сам текст, и в этом контексте, к сожалению, присутствуют ксенофобские моменты, где весьма красноречивой фигурой умолчания, шилом в мешке, может быть не только Россия и сталинский режим, но и некоторые этнические группы. Я бы хотел вспомнить о евреях и о том, что высшее учебное заведение, Межрегиональная академия управления персоналом, частное высшее учебное заведение, аккредитованное государством, выдающее дипломы государственного образца, издает статьи в журнале «Персонал», и брошюры, посвященные голоду 1932-1933 годов, в которых открытым текстом, безо всяких экивоков, утверждается, что голод 1932-33 годов был организован большевиками, среди которых основную массу представляли евреи, и что все это — конечно же, «жидомасонский заговор», и — дальше «по тексту».

М.: Я хотел бы задать тебе здесь уточняющий вопрос: когда мы говорим о том, что Ющенко говорит одно, а функционеры низших рангов из его партии — другое, то это мы имеем дело с нарушением партийной дисциплины или с песней на два голоса, которые уже расписаны?

К.: Я не думаю, что они расписаны изначально: во-первых, во всем этом оранжевом блоке никакой дисциплины изначально не было, этот блок создан из довольно пестрой массы партий, общей идеей которых было привести Ющенко к власти...

М.: Но было ли когда-нибудь, чтобы Ющенко одергивал этих людей и критиковал их за то, что они что-либо неверно трактуют?

К.: По поводу голода не было ни одного случая. Было такое, что Ющенко высказал свое недовольство Олегом Тягнибоком, - это человек крайне правого направления, но это касалось антисемитских высказываний. А против русофобских или ксенофобских заявлений, которые звучат каждый день, Ющенко никогда открыто не выступал. Т.е. существует, если не двойной стандарт, то двойная линия.

М.: У меня еще такой вопрос: ведь подобный дискурс представляет угрозу если, может быть, и не для русских, живущих в России, их поди достань, то для тех, по крайней мере, 8 миллионов русских, которые живут в Украине. Насколько люди, которые развивают этот дискурс, понимают, что они способствуют отчуждению этих людей? Они это делают сознательно, чтобы заставить этих людей молчать в тряпочку и считать себя виноватыми, или они вообще об этом не думают в своем стремлении заявить, что Украина — не Россия?

К.: Я хотел бы уточнить: речь идет о русских и о том, что граждане Украины, русские, могут быть представлены как наследники тех, кто приехал из России и стал украинцем по гражданству?

М.: Именно это я и имею в виду.

К.: Если говорить о резонансе и о возможности, что это станет опасным для этих людей, и о том, что они станут изгоями на основании того, что у них какое-то «темное прошлое», конечно же, нет. Причин этому много, я их сейчас не буду озвучивать. Дискомфорта, который бы испытывало русскоязычное население по поводу неких выводов о якобы его роли в Голодоморе, нет, он во многом виртуален. Он педалируется политиками для того, чтобы какая-то часть населения, в данном случае, русскоязычная, испытывала этот дискомфорт, который используется в определенных политических целях как в Украине, так и в России. Проблема в другом — навязывание одной, официальной версии Голодомора как «интегрирующей» идеи — глубоко порочная практика, которая действительно порождает дискомфорт в обществе, охотно используемый политиками.

М.: Хорошо. Я бы считал, что здесь уже нужно дать и другую сторону — российскую перспективу.

К.: Я хотел бы заострить внимание на одном важном моменте: люди — политики и историки, которые педалируют теорию о вине России как государства и русских как народа, о вине и об ответственности, и о том, чтобы повиниться, покаяться, - очень помогают той части российского истеблишмента, и политического, и культурного, которая очень заинтересована в сохранении нервной атмосферы и неровных отношений России с Украиной. И очень помогают тем ультра в России - или даже не ультра, а просто людям без каких-либо моральных принципов, которые любят слово «однако», создавать тот имидж Украины, который крайне выгоден в условиях кризиса, когда нужен кто-то другой, на которого можно слить негативные эмоции и коннотации.

М.: Я очень хорошо представляю себе тот круг людей, о которых ты говоришь, и они у меня не вызывают симпатии, но не нужно преувеличивать терапевтическую роль всех этих вещей. Самые разные люди в Украине, и не только, считают, что если педалируется в России какая-то антиукраинская тема, то это чтобы «отвлечь внимание трудящихся от проблем». Мне кажется, что как раз этого преувеличивать не надо. Потому что у нас

врагов достаточно, мы и без Украины можем обойтись — вон, одни американцы чего стоят...

К.: Украинцы же «под американцами»...

М.: Я бы сказал, что этот дискурс в некотором смысле застал Россию врасплох.

К.: Дискурс — антироссийский?

М.: Нет, о голодоморе как геноциде. Ведь на самом деле у нас же никто не занимался этой темой среди историков. И в этом смысле можно сказать, что нет худа без добра.

К.: Темой голода как геноцида не занимался?

М.: Нет, темой масштабного голода в Украине как таковой. У нас есть проблема российской деревни. Вот у нас есть работы Данилова, Зеленина. Темой голода вообще занимались. Но никто из российских историков не посчитал себя обязанным специально заняться голодом в Украине или в Казахстане. Ничего хорошего это об историках не говорит, потому что нужно заниматься не только «своими болячками».

К.: Может быть, они занимались голодом в СССР в общем?

М.: Может быть, но до сих пор у нас нет ни одной основательной книги о том, какая трагедия произошла в Казахстане. Ведь это же не для того, чтобы казахи сказали: «ну, вы молодцы, выполнили урок», - а чтобы люди в России могли чуть-чуть лучше понимать, что думают казахи о том, что с ними сделала советская власть. И то же самое — об Украине. И до сих пор никакой книжки об этом так и нет, а есть только «отповеди клеветникам».

К.: Может быть, есть такая негласная договоренность: во-первых, с конца 80-х - начала 90-х происходило разделение и национализация истории.

М.: Да, извини, я тебя перебую, я с тобой согласен: национализация в том смысле, что историки в Москве не занимаются историей Украины, если это не Киевская Русь или Переяславская Рада на худой конец — это соблюдалось жестко еще при советской власти. Я это испытал на своей шкуре, когда писал кандидатскую о Галиции, и у меня там были поляки. Я хотел написать главу о польско-украинских отношениях. И мне сразу сказали: «Ты чего хочешь — писать или защищаться?» Потому что про украинцев пусть пишут во Львове. Но вот как раз после советской власти, когда эти препоны были сняты, и было понятно, что возникли разные государства, и есть какие-то важные, в том числе болезненные сюжеты, и этим можно стало заниматься, никто не пожелал этого сделать.

К.: Но это можно объяснить: в каждом новом государстве возникла необходимость в легитимизации этого государства, и, соответственно, состоялось отделение власти и истории от ранее общего исторического и политического пространства.

М.: Нет-нет. Все-таки Москва — это большой космополитический имперский город.

К.: Москва — да. Но Киев — нет.

М.: Правильно, поэтому не суди о Москве по Киеву.

К.: Я и не сужу. В Киеве как раз произошло это отделение, и там стала возможна только украинская история.

М.: Согласен. В Вильнюсе так же, и еще где-то. В Москве не так, и в Москве так быть не должно. Как раз после распада СССР в Институте Славяноведения возникли центры белорусистики, украинистики, и т.д. Именно тогда, например, я начал заниматься украинским вопросом XIX века в Российской империи. Не потому что чувствовал необходимость легитимации Российского государства.

К.: Я хотел бы прокомментировать твой тезис о Казахстане. Действительно, при том, что есть желание охватывать весь бывший имперский простор, выпадают какие-то сюжеты, которые могли бы быть предметом интереса российских историков - казахский, украинский голод того же времени, - и очень интересная тенденция вычленять российские сюжеты, связанные с голодом, и не обращать внимания на нероссийские сюжеты. Но у меня есть информация, что когда обсуждалась проблема голода 1932-33 годов, с украинской стороны было предложение издать совместный труд, в котором отдельным томом был бы голод в России, отдельным — в Украине и отдельным - в Казахстане. И к этому присовокупить документы обо всех этих событиях. К сожалению, с российской стороны последовал отказ.

М.: А когда это было?

К.: В прошлом году. Я не могу называть имен и фамилий, поскольку я не уполномочен, но это было на уровне высшего академического истеблишмента.

М.: Ну понятно. Мне кажется, что это не удивительно, в том числе, и потому что это было на уровне высшего академического истеблишмента. Мне жаль, что нет такой книжки в России, но я совершенно не имею в виду академический истеблишмент, на который не возлагаю больших надежд, а скорее отдельного индивидуального исследователя. Сейчас в России можно напечатать все, что угодно, ты только напиши! Но никто почему-то не берется. Мне кажется, что российская сторона отреагировала самым примитивным способом: она увидела, что «катят бочку». Дальше ситуация была такая же, как у историков в каком-нибудь 1989 году: они думали как «Краткий курс истории ВКП(б)», только все наоборот. И тут: украинские историки считают, что это геноцид, что Россия виновата, и сейчас мы должны эту бочку толкать обратно. Неважно, какие аргументы мы будем применять, мы точно знаем, что это не геноцид... Причем высказываются люди, которые специалисты, скажем, по XVII веку, и даже они «знают, что не геноцид». Я бы понял, если бы кто-нибудь сказал: «Ваша система аргументов, украинские коллеги, меня не убеждает. Я вижу дырки здесь, здесь и здесь». Но происходит иное, а именно: зеркальное выстраивание аргументов, и цена им такая же, как и тем, что с украинской стороны. И когда ты говоришь, что те украинские политики, которые стремятся использовать «русский вопрос», играют на руку каким-то российским политикам, это и есть один из ключевых механизмов исторической политики, о которой я при разных okazиях стараюсь говорить. Это столкновение «стенка на стенку» называется у них «диалог национальных историографий»: наша украинская историография сказала свое веское слово, и наша российская историография сказала свое, прямо противоположное. И теперь весь интеллектуальный процесс заключается в том, чтобы почетче сформулировать аргументы.

К.: Мне кажется, что ты немножко обостряешь. Все-таки в историографических дискуссиях, когда ученые говорят без участия политиков или более широкой публики, существуют какие-то полутона, нюансы...

М.: Ну в каком смысле нюансы? Вот возьмем Кульчицкого. Он уверен, что это геноцид. Раньше он «знал», что это геноцид 1932-1933 годов, а теперь, в результате дискуссий с оппонентами, он несколько усложнил и уточнил свой аргумент и теперь говорит, что геноцид — это то, что происходило несколько первых месяцев 1933 года. Но вывод-то все равно изначально предусмотрен, и весь подход к материалу и все аргументы будут заточены под этот вывод. Т.е. нет того, чтобы встретились люди и сказали друг другу: «А мы не знаем, может, это геноцид, может, и не геноцид. И давайте поговорим о том, что это было и как это было, потому что это определение — о нем можно дебатировать без конца, и важно, может быть, не это, а важнее разобраться, что же происходило». Нельзя сказать, что люди совсем не слушают друг друга. Нет, они слушают, но по принципу: «Вы нам такую шайбу с нарезкой, а мы вам тогда болт с винтом». Но смысл все равно один и тот же. И ощущение формирования «стенки на стенку» существует.

К.: Я хочу сказать, что с российской стороны в свое время тоже была ремарка о том, что если уж говорить о геноциде, тогда давайте распространять его на все крестьянство, а не только на украинское. потому что в России тоже. Данилов, по-моему, это сказал.

М.: Тут вот тебе бы сказал Кульчицкий, что «мы не имеем в виду этнических украинцев, а имеем в виду граждан Украины», потому что новая фенечка его, да и не только его, что геноцид был совершен против граждан Украины.

К.: Эта «фенечка» — не Кульчицкого, а Мейса, который отстаивал эту точку зрения в свое время, он хотел расширить определение геноцида на политическую украинскую нацию, а не только этническую, отвергая чисто этнический компонент.

М.: Потому что его очень трудно защищать.

К.: Да.

М.: Тогда давай зафиксируем наше отношение к этому аргументу. Либо у нас есть суверенная политическая нация, и тогда можно говорить о том, что члены украинской политической нации подверглись чему-то, либо ее нет. Если она есть, тогда какие претензии вообще к Москве? А если мы понимаем, что на самом деле Украины как государства не было, тогда нечего морочить голову. Российской политической нации тогда тоже не существовало и существовать не могло.

К.: Я этот аргумент относительно существования нации, созданной Украинской Народной Республикой, потом унаследованной украинской социалистической советской республикой, конечно, не поддерживаю и считаю, что это желание подтянуть действительное под желаемое. В данном случае этот тезис Кульчицкого, который является модификацией тезиса Мейса, просто подтягивает под концепцию геноцида то, что происходило в 1932-1933 году. Но если тогда вернуться к концепции геноцида, даже так, как она отражена к концепции ООН, тогда вообще все рухнет, потому что там нет политической нации.

М.: Там либо этничность, либо раса, либо религия.

К.: И тогда рухнет все, потому что получается, что они разрушают сами себя.

М.: И в этой связи Кульчицкий пропагандирует тезис о том, что в деревне наблюдалось какое-то украинское возрождение, и советская власть стремилась это подавить,

организовав такой голод для украинских крестьян. Никакой критики этот тезис не выдерживает. Безусловно, была национализация настроений среди украинской элиты, но уже с 1930-го года мы видим, что режим знает, как с этим справляться. Чего, естественно, мы одобрить не можем, поскольку отправка людей на Соловки, а потом добывание их там никому чести не делает.

К.: Этот тезис про крестьянство как выразителя национальной идеи, как основу нации — вероятно, следует вспомнить более широкий контекст - всей украинской историографии 1990-х - начала 2000-х годов - это возвращение в рамки народнического дискурса, в каком-то смысле романтического и в рамках которого народ — это основа всего, а крестьянство — это основа народа, поэтому крестьянство это основа нации. Это все тезисы столетней давности, которые сейчас снова вошли в употребление. И исходя из этой общей ситуации государства, которое хочет нации нивелировать, хочет построить тоталитарное государство, авторитарное, и т.д. - этот тезис, конечно же, экстраполируется на голодомор, и в рамках этого тезиса идея, что украинские крестьяне были основой национализма, и поэтому их уничтожали, выглядит как бы вполне уместно. Но это просто неграмотно, потому что любой студент, который изучает национализм, знает, что такие движения появляются всегда в городах, что национализм, по крайней мере, в Восточной Европе возникает при переходе от аграрного к индустриальному обществу, в эпоху модернизации, что его носителями являются образованные слои общества, что интеграция крестьянства в нацию — сверхзадача, забирающая десятилетия и столетия при относительно благоприятных условиях — в данном случае тезис об украинском крестьянстве как носителе национальной идеи и потому объекте репрессий, не выдерживает критики (наряду с весьма сомнительными пережевываниями одной и той же цитаты о крестьянстве из Сталина 1925 года). Этот тезис принадлежит к политической идеологии романтического национализма, который относится к науке только как объект исследования, а не как методология.

М.: В недавних украинских публикациях возник еще мотив, что голодомор был средством борьбы Москвы за утверждение концепта общерусской нации, которая включала бы малороссов, белорусов и т.д. Вот так, мол, они нас в эту общую нацию загоняли. Это, конечно, ни в какие ворота не лезет, потому что очевидно, что политика коренизации 20-х годов была полностью противоположна всему этому проекту. Не нужно вешать на советскую власть лишних собак, она и так полностью ими увешана.

К.: Внутри этой логики вполне естественно выглядит тезис о том, что «загоняние в общерусскую нацию», потому что 1932-1933 год, согласно украинской историографии, - это конец украинизации, коренизации и переход к тому, что называется унитаризацией и унификацией культуры.

М.: Что не вполне верно, как мы знаем. Ну вот, поговорив о дискурсивном поле, если так можно выразиться, давай все же попробуем определиться с нашим знанием и незнанием о том, что там происходило. И о том, на кого здесь можно опереться. Я бы выделил несколько тем, которые нуждаются в серьезном исследовании. Можно было бы начать, условно говоря, снизу. Мне кажется, что происходившее в очень большой степени должно изучаться на микроуровне. Это значит, что помимо общей политики, которая определяется в Москве, есть реальная площадка событий, конкретная деревня, район, и там есть люди, которые в рамках этой кампании преследуют какие-то свои цели, встают перед какими-то, очень часто драматическими выборами. Т.е. с одной стороны, у нас есть разнообразные активисты из бедноты, которые дорвались до власти и в рамках этой кампании по заготовке зерна сводят счеты и т.д. Там всегда находятся люди, которые какую-то семью спасают и помогают спрятать или делают вид, что они зерна не нашли, но

большая часть все же отнимает. Есть и какие-то председатели колхозов, которые более или менее сознательно идут под расстрел, отдавая крестьянам семенное зерно, чтобы они выжили в это самое голодное время. Очень важный момент, который требует изучения, — на самом ли деле это была такая, что называется «закрытая коробочка» - вот «морим голодом и никакого выхода у вас нет»? Понятно, что главная цель этого голода - заставить людей отдать землю, пойти в колхоз и там работать.

Оставить колхоз как единственного, пусть и очень худого кормильца, — вот будешь работать — будет тебе плошка каши.

К.: В результате так же и получилось.

М.: Вопрос в том, насколько реальным было выжить за счет колхоза. Дальше, соответственно, какие группы среди страдающих от голода были самыми незащищенными? Потому что, например, кормили ли детей тех, кто шел в колхоз? Кормили ли в школе? Были ли там детдома, куда собирали этих детей?

Следующий момент — это рекрутация на стройки пятилетки. Она происходила, мы знаем. Сколько было людей, какие механизмы, кто и как мог вырваться? Следующий вопрос — на стыке деревни и города. Что происходило с человеком, который доходил до города? Потому что одна из типичных картинок этого времени — это крестьяне, добредшие до города и умирающие на улицах. А горожане не жируют, но голода там нет. Что происходило? Это один уровень, и про это мы очень мало знаем. Если мы погрузимся туда, то картина станет очень сложной, и она заведомо будет создавать проблемы для этой геноцидальной трактовки.

Следующий уровень — что происходило на уровне коммуникаций между республикой и центром. Мне кажется, это очень важно. Об этом написали Терри Мартин и еще Кондрашин: люди на местах а) боятся рапортовать и говорить правду; б) когда они все же говорят что-то более близкое к реальной картине, хоть и неполную правду, в Москве склонны им не верить. Важно это хорошенько изучить, причем без задачи доказать, было это геноцидом или нет, а просто — изучить. Потому что когда Кульчицкий начинает строить большие замки на фразе Сталина, что «в украинской коммунистической партии 500 000 членов, хе-хе», и это «хе-хе» он дальше интерпретирует на две с половиной страницы, то это нонсенс.

К.: Ну, это делает не только Кульчицкий, а и большинство историков, которые работают в рамках этого доминирующего дискурса.

М.: Да. Кстати, оговорюсь здесь, что все время ссылаюсь в качестве примера на Кульчицкого просто потому, что читаю то, что он публикует, а есть много таких, кто заметно прямолинейнее Кульчицкого и агрессивнее — просто я не слежу систематически за их «творчеством».

Но мне кажется, что тему коммуникации с Москвой стоило бы просто нормально изучить. И, наконец, следующий шаг — и вот тут Терри Мартин, как мне кажется, был очень прав, когда говорил, что национальный фактор очень важен. В каком смысле? Сталин смотрит на Украину, и для его видения проблемы важен национальный фактор. Он боится потенциального сепаратизма. Он видит, что есть элита, которая, может быть, в это играет...

К.: Об этом пишет Кульчицкий.

М.: Отсюда он не склонен этой элите доверять, когда она кричит, что нельзя больше брать зерна. Дальше, у него есть тезис про петлюровцев и пилсудчиков, которые свили там гнездо, и т.д. Проблема заключается в том, что нельзя не признать, что польская агентура есть.

К.: Я в этом не уверен.

М.: Нет, она есть, потому что прометейская акция существует. ГПУ сотнями арестовывало реальных польских агентов в конце 20-х – начале 30-х годов, которые еще в 1929 г. разворачивают пропагандистскую кампанию среди крестьян с призывами не давать хлеба большевикам и поднимать восстание. Об этом есть хорошая книга Тима Снайдера «Очерки тайной войны», изданная в 2005 г. Но любая польская подрывная активность и даже опасения насчет возможной польской интервенции, которые у Сталина были, совершенно не оправдывают того, что делает Сталин. Очень важно понять, что наличие десятков или даже сотен людей, связанных с польской агентурой на Украине, никак, в рамках нормальной человеческой логики, не может оправдать того, что 3 с лишним миллиона человек умерли от голода. Это важно подчеркнуть, а то ведь с российской стороны обязательно найдутся те, кто польскую агентуру отыщут и будут ее наличием оправдывать организованный голод. Итак, Сталин видит проблему, в том числе, через «украинскость» и через призму «польской интриги», и это усугубляет ситуацию. Мне представляется, что это предмет для нормального, спокойного обсуждения. Потому что российские историки часто говорят, что это такая общая проблема: Поволжье страдает, Кубань страдает, и страдают все зерновые районы. Конечно, в Украине есть своя специфика. При этом я не думаю, что выдерживает критику аргумент о том, что «и Кубань морили голодом, потому что она была украинская». Но то, что у Польши и у части украинской элиты здесь какая-то своя игра, крепко сидит в голове у Сталина.

Еще в последнее время появились рассуждения и даже вышла небольшая книжка Юрия Шевцова «Новая идеология: голодомор», где, в частности, автор говорит, что советская власть, на самом деле, не хотела, чтобы так все случилось и такой быстрой коллективизации не планировала. Сначала планировали дать на деревню трактора, потом все это заработает, но степень напряженности социального конфликта в деревне была такой мощной и такой вырывающейся из-под контроля, что коллективизация на местах пошла со своей собственной динамикой, заметно более высокой, чем советская власть планировала. И в результате у народа уже все отняли, скотину они уже порезали, а трактора пришли только на следующий год. Опять же, беда в том, что вся эта книжка написана главным образом для того, чтобы оспорить идею геноцида. И в этой книжке много совершенно похабных аргументов.

К.: Например?

М.: Например, Шевцов пишет, что «альтернативой советской беспощадности в ходе коллективизации была только большая война. Чреватая еще большими жертвами и еще большим голодом» (С. 124). Выходит, то, как была проведена коллективизация, и то, скольких жертв она стоила, – это наиболее «гуманистический» вариант, а могло быть только хуже. Там есть еще очень много неубедительных, а порой и просто похабных вещей, как, например, заголовок одной из глав «Антикоммунизм – отложенная победа нацизма».

Однако сам тезис о том, что в селе была какая-то внутренняя динамика конфликта, и его стоит изучить, а не говорить об идее единого национального украинского крестьянства,

важен. Т.е., к сожалению, в структуре этой сколки, этого «диалога национальных историографий», даже какие-то интересные идеи пропадают.

И, наконец, еще один важный сюжет, о котором написано очень много, — сколько же народу померло? Мне кажется, что про это лучше всего написал Дж.-П. Химка. Этот текст опубликован и по-русски в «Отечественных записках». Он пишет о том, как беседовал с людьми, которые в течение многих лет занимались подсчетами жертв 1932-1933 годов.

К.: Он с Максудовым...

М.: Не только, там и о том, как он с поляками говорил. Мы говорим об одной и той же статье. Он показывает, что и эти люди, и он сам понимают, что точные цифры установить очень сложно, а системы подсчетов весьма сложны и многофакторны. При этом понятно, что мы никогда не получим окончательной цифры, но очевидно и то, что существуют какие-то границы консенсуса. С цифрами в Украине происходили очень интересные события, потому что в какой-то момент возникла знаменитая цифра 10 млн. человек.

К.: 7 тире 10.

М.: Сначала 7 тире 10, а потом просто 10 млн., так говорил Ющенко, а потом возникло много желающих помочь ему с этой цифрой среди историков. Но вдруг Институт демографии украинской Академии наук сказал, что, по его подсчетам — 3,5.

К.: Тоже вилку дают.

М.: Понятно, но основная цифра такая. А у Химки есть такая заметка о том, что людей погибло так много, что попытки приписать еще — это аморально и непонятно зачем. Нет, понятно, чтобы это выглядело еще страшнее, чем Холокост. И это отражает, на самом деле, и наплевательское отношение к страданиям этих людей — 3-х миллионов нам мало - давай десять уморим. И на самом деле страдания этих людей — это то, что по-английски называется *unmanagable past*. Т.е. такое прошлое, такой опыт, такой ужас, который нельзя никоим образом рационализировать и даже передать. Это то, с чем столкнулись люди, когда они пытались рассказать об Освенциме или о ГУЛаге. Те, которые не как Солженицын, который пытается вывести какую-то душеукрепляющую мораль из ГУЛага, а Шаламов, который говорит: «Не верьте! От первой до последней минуты лагерь корежит, портит и уродует человека». Тадеуш Боровский, который прошел Аушвиц и покончил с собой в начале 50-х годов, написав два сборника рассказов об этом. Или Имре Кертеш, который получил Нобелевскую премию за свою книгу, которую он все время пишет, - одну книгу о том, как он не может рассказать, что он пережил в Аушвице и Бухенвальде. И все это — с массовым каннибализмом, с тем, что мы не можем выбрать, кого из детей кормить - так чудовищно, что это не рассказать.

К.: Это последнее утверждение о том, что трудно рационально понять и осознать эту чудовищность, — я с ним полностью согласен, поэтому часто приходится говорить не о том, что происходило, а о том, что говорят о происходившем. И о той избирательной последовательности событий, которая представлена в трудах историков. Потому что историки, особенно когда речь идет о создании доминантной версии, очень избирательно подходят к материалу. Если реконструировать события голода 1932-1933 годов, то мы обнаружим, что внимание фокусируется на страданиях украинцев, на политике, которая привела к этим страданиям, - и вещи, которые полностью выпадают за эту схему и могли бы сделать картину более разнообразной, полностью игнорируются. Это то, о чем ты говорил: локальный уровень, система отношений в селе, время НЭПа и стремительного

обогащения части села и пауперизации другой части. Выпадает система традиционных отношений внутри села, когда село представляет собой систему родственных связей, разных поколений, которые пребывают в разных отношениях между собой. И были в селе люди, которые искренне верили, что можно изменить мир такими методами, и действовали этими методами. Эта схема не то что бесцветна — она полностью черного цвета. И это действует против нее самой, потому что если говорить о познавательном потенциале этой темы, то он огромен, он предполагает огромное количество подтем, нюансов и т.д., но все это сведено к одной линии, которая сама себя исчерпала с самого начала, потому что в этой схеме выводы предшествовали гипотезам: геноцид, против украинцев и т.д. - и под эту тему «подтачивались» аргументы. Тут мы имеем дело с экстремальной формой редукционизма, порожденной вмешательством политики в историографию. Поэтому если говорить о голодоморе как об историографическом явлении, о чем-то, что может повлиять на всю систему рассмотрения украинской истории, по крайней мере, XX столетия, то нужно стремительно уходить от этого доминирующего дискурса и выводить тему в более общий контекст.

Российский историк Кондрашин пытается делать то же самое на примере российского голода, сравнивая его с другими странами. И его же фамилия как автора стоит под инструкцией для составления сборника документов о голоде, инструкцией, в которой предлагается подбирать документы так, чтобы доказать «общесоюзную» природу голода и затушевать «украинский фактор»...

Если же набрать в Google «голод», то легко можно обнаружить, что украинский голод, при всем его ужасе и всех его масштабах, теряет ту уникальность, которую ему придают работающие в рамках доминирующего дискурса. Потому что можно взять, например, голод в конце 50-х годов в Китае и рассмотреть его рядом с украинским, и его масштабы поразят наше воображение. Потому что речь о геноциде там не идет совсем, а масштабы — заметно большие. И технология та же самая.

М.: В связи с этой «избирательностью» при подборе архивных документов для публикации — это один из самых деструктивных элементов «исторической политики» подобного рода. Потому что наверняка в рамках такой политики и в публикациях воспоминаний о голоде, которыми занимаются в Украине, будет избирательность, и, таким образом, огромные усилия и средства будут затрачены не на издание действительно научного качества, а на «борьбу национальных историографий». А потом другим людям придется смотреть, что в этих проектах сознательно опущено. Это если повезет, и по ходу борьбы реальные материалы сами не «подредактируют».

Я хочу еще отметить в заключение очень важный момент. С моей точки зрения. Когда мы говорим о сложности этого явления (голода 1932-33 гг.) и о том, что оно не уникально, о роли каких-то локальных факторов, тем не менее, одно можно сказать очень четко и ясно — что режим совершенно не оправдывается этими рассуждениями. Потому что если у тебя гибнет несколько миллионов человек не потому, что ты хотел, чтобы они сдохли от голода, а потому что у тебя был «не совсем удачный менеджмент», то ты все равно сволочь. А если этот «менеджмент» еще и опирается на то, что человеческая жизнь для тебя не очень много значит, в рамках твоей идеологии, то ты тем более сволочь. Мы снова обращаемся к тому, что конфликт в самом селе придает дополнительную динамику всему этому. Но у Сталина есть гигантский репрессивный аппарат, который позволяет давать сдерживающие импульсы, если бы он заботился о людях и считал, что эта офигевшая от привалившей в руки власти сельская голытьба сейчас доведет дело до катастрофы. Есть возможность существенно минимизировать это, но ведь никто же этого не делал!

В этом смысле мне кажется, что российская историография тут попадает в ловушку, потому что в России ведь что происходит: с одной стороны, мы должны дать достойный ответ клеветникам по поводу голодомора. Поэтому мы должны защищать Сталина и говорить, что «он не хотел»... Да наплевать ему было, по большому счету. Ведь когда он потом посылает помощь зерновую, и существенную, на Украину — это ведь не потому, что ему было жалко людей, а потому что приближается весна — нужно ведь, чтобы кто-то пахал. В этом смысле вся история с голодом 1932-33 года — часть заметно более широкой проблемы в российской историографии — что мы до сих пор не можем сказать, что это был чудовищный, преступный, античеловеческий режим. Он был по-другому античеловеческий режим, чем нацистский, он не уничтожал людей по расовому признаку, но все равно чудовищный, и чем скорее мы вынесем этот однозначный вердикт, тем скорее нам станет проще не только в отношениях с Украиной или с кем-то еще, но и в отношениях с самими собой. И отсюда, может быть, мостик к следующей проблеме, которую мы будем обсуждать, — Второй Мировой войны.

К.: Человеческая жизнь в рамках той системы понятий, связанных не только с режимом, но и с обществом, значила очень мало. И это не только для Сталина или революционеров, но и все общество в целом в этот момент, по крайней мере, если говорить о доминирующих тенденциях, очень мало ценило личность как таковую. Идея коллективизма доминировала, и идея о том, что чьей-то жизнью можно пожертвовать ради благосостояния общества или перспективного его развития в будущем, была очень популярна в самых разных слоях и даже больше в низах общества. Еще надо помнить о том, что со времени революции и мировой войны прошло не так много лет — если считать концом мировой войны 1918 год, а концом гражданской — 1920-й, всего-то прошло 12 лет. Массовая общественная привычка к насилию и убийству, к дозволенности насилия и убийства, порожденная мировой и гражданской войнами, никуда не делась.

М.: Я согласен. По ходу дела нашел чудесную цитату у Виктора Ерофеева в книге «Хороший Сталин». Отец Ерофеева был переводчиком Сталина с французского. «Де Голль все равно высоко ценил Сталина, добавил отец. Когда в 1956 году мы вместе с послом Виноградовым посетили его, он сказал: «Маленький человек делает маленькие ошибки, а большой — большие». Проблема заключается в том, что маленький человек совершает маленькие преступления, а большой — большие. А может быть, маленький человек совершает большие преступления, может быть, мы об этом еще поговорим. Но совершенно очевидно, что есть опасность, в которую российская часть этого дискурса все время попадает, противостоя украинским обвинениям, в которых с большей или меньшей справедливостью они слышат русофобию. Они впадают в защиту Сталина и советской власти. И я думаю, что есть несколько более сложные и адекватные способы реакции, в том числе, и на украинскую русофобию.

Россия-Украина: как пишется история

Беседа Алексея Миллера и Георгия Касьянова.

Часть 2. Вторая мировая война

02 апреля 2009, 09:01

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/04/02/historia/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работает государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентификаций – российско-украинская история, – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Вторая часть беседы содержит разговор о Второй мировой войне.

См. также:

Часть 1

Алексей Миллер. Мы собираемся поговорить о большом комплексе проблем, которые условно можно объединить под шапкой «Вторая мировая война», я даже сейчас не буду перечислять все эти темы, потому что думаю, что они появятся в процессе.

Георгий Касьянов. Я хотел бы начать с того, что Вторая мировая война, или как она называется в советской мифологии, Великая Отечественная, была до 90-х годов общим прошлым в том смысле, что все мифы, которые создавались в рамках большого нарратива о войне, исполняли объединительную функцию в построении единой исторической общности, и в этом смысле память о большой войне была одним из а) конституирующих; б) объединяющих мифов в общей советской идеологической системе. Когда началось разделение общего исторического пространства на рубеже 80-90-х годов, сопровождавшееся суверенизацией истории, тогда начался и процесс ревизии, деления этого мифа, и создания на его обломках своих вариантов истории Второй мировой войны. В Украине этот процесс был довольно интенсивным, особенно в 90-е годы, когда возникла необходимость выделить «свою войну». И эта война очень сильно отличается от общей войны советского образца. Очень любопытно следить за тем, как она встраивается в общую государственную идеологию или же противоречит ей в зависимости от политической конъюнктуры, у нее мощное политическое звучание, потому что ветеранские организации – как советских ветеранов, так и националистического движения - оказывают сильное влияние на политику.

Алексей Миллер. Я сделаю небольшую ремарку. Если говорить о том, что в процессе национализации общая война стала национализироваться, то я бы не объединял все эти республики под одной шапкой. Например, я был в казахстанском музее истории (этот

музей – вообще отдельная песня), и там герои войны – это герои-казахи (или «герои-казахстанцы»).

Георгий Касьянов. Герои Советского Союза.

Алексей Миллер. Да. Т.е. в некотором смысле это вписывается в тот советский нарратив, это вклад или жертва отдельного народа в общую победу над фашизмом... Нам придется потом поговорить о сюжете украинских жертв среди тех, кто был мобилизован на Украине в Красную Армию, там тоже проблемы, но советский и современный казахский нарративы объединяет то, что это «наша победа». А есть еще большинство республик на западных окраинах, за исключением Беларуси, где в центр картины выдвинулись те вещи, которые были раньше маргинализированы и выделены черным цветом. Прибалтийские республики и Украина представляют собой отдельную группу внутри советских республик.

Георгий Касьянов. Я согласен, хотя в Украине, так же, как и в Казахстане, остается частично тот же советский миф, пусть и немного измененный – повышение самооценки через советский миф.

Алексей Миллер. «Вклад украинского народа в победу над нацистской Германией». А еще: ты описал украинский контекст, а я хочу сказать, что эта тема оказалась чрезвычайно болезненной и травматической для российского исторического сознания. Потому что никакой серьезной ревизии старого хрущевско-брежневского нарратива Великой Отечественной войны не просто не произошло, но его значение даже выросло. Дело в том, что при советской власти эта война была частью общей массы советских достижений и побед, а в 90-е годы про все остальные достижения и победы было отчетливо сказано, что это такое, и от них мало что осталось в смысле предмета для безусловной гордости. В результате, главный исторический конституирующий миф, вся его тяжесть сосредоточилась на Отечественной войне. И какой-то пересмотр и введение более сложных оттенков в эту картину в России дается очень тяжело.

Георгий Касьянов. Но дается?

Алексей Миллер. Можно видеть некоторые тенденции. Появляется более сложная картина в искусстве и в массовой культуре – книги, кинематограф, сериалы. Уже есть телефильмы, в которых показаны массовые убийства на западных окраинах в тюрьмах при отступлении в 1941, где-то намеком проходит поведение советских солдат в отношении немецких женщин – это темы, которые раньше вообще никак не затрагивались. Есть знаменитый спектакль «Современника» «Голая пионерка», там совсем не в духе советского мифа показаны будни войны. Но все это идет с большим трудом, настолько, что, скажем, театр совершенно сознательно в майские дни «Голую пионерку» не ставил в репертуар. Старший Тодоровский снял фильм «Риорита», где, как сам признался, впервые попробовал показать кусочек горькой правды о войне. Прокат у фильма был очень ограниченный. Хочу надеяться, что по телевизору покажут. Недавно большой резонанс вызвал «документально-игровой» фильм Алексея Пивоварова о битве подо Ржевом, о наших гигантских потерях. Между прочим, и при Советах еще были важные правдивые тексты о войне, именно в художественной литературе – «Прокляты и убиты» Астафьева, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова.

И еще здесь сильна политическая составляющая, потому что существует понятие ялтинского миропорядка – есть державы-победительницы, которые правы, и они хорошие. И у них есть особая легитимность, включающая их право заседать в Совете безопасности

ООН. И любой разговор о более сложном восприятии Второй мировой войны сразу для более чуткого, подозрительного носа пахнет ревизией Ялты. При том, что от Ялты мало что осталось в политическом смысле, в историческом смысле представление о том, какая сторона хорошая, а какая — плохая, не изменилось, потому что крупные игроки не изменились и даже тот игрок, который возник на месте черного пятна нацистской Германии, по сути, не подвергает сомнению историческую концепцию того периода.

Георгий Касьянов. Правильно делает.

Алексей Миллер. Но как раз в некоторых посткоммунистических странах сама система координат истории войны ставится под вопрос. Причем это не только постсоветские республики. Некоторое время назад такая тенденция вдруг стала заметной в Польше, что, по-своему, понятно, если уж совсем увлечься борьбой с «русским империализмом». Но с другой стороны, это и весьма удивительно, потому что у поляков есть свое почетное место в антигитлеровской коалиции. И выкинуть в помойку этот моральный капитал — довольно глупо. На что и было трезвыми людьми в Польше указано. А то там даже были статьи историков, что надо было вместе с Гитлером Москву взять.

В Украине этот сюжет возникал лишь в жанре исторического фэнтези, в романе Кожелянко «Парад». Но, с другой стороны, если в Польше в реальной истории желающих идти вместе с Гитлером на Москву не было, то в Украине как раз такие люди и организации были.

Георгий Касьянов. Мы можем говорить не только о том, что актуально для этих конкретных стран, но и о тех вещах, которые важны для отношений между двумя странами, и тогда мы дальше можем перейти к такой теме, как оценка Второй Мировой войны в «отделившейся» истории каждой конкретной страны и о конфликтах по поводу этих оценок, а дальше можем перейти к Холокосту, который, конечно же, вызывает много трений и дискуссий, к теме коллаборации, которая является не только историографической, ну и к теме движения сопротивления, националистического движения и его роли...

Алексей Миллер. Когда ты говоришь о сопротивлении, ты что имеешь в виду?

Георгий Касьянов. Я имею в виду украинских националистов, ОУН и УПА.

Алексей Миллер. Потому что советские партизаны тоже сюда относятся...

Георгий Касьянов. Советских партизан я тоже сюда отношу, хотя это же другая сторона, роль которой не становится объектом особенно сильной ревизии в рамках нового канона национальной истории. Но если говорить о тех, кто представляет ту часть сопротивления, которая раньше не была известна широкой публике...

Алексей Миллер. Она была известна, но как совершенно одномерная вещь. Бандеровцы были известны как совершенно отрицательные персонажи. На них стояло клеймо.

Георгий Касьянов. Ну, хорошо, можно сказать, что была известна, но с большим знаком минус. Действительно, в советской официальной истории о них — или ничего, или очень плохо — в любом случае они не то что не рассматривались как сопротивление нацистам, а представлялись как их коллаборанты. Ну, и конечно, когда говорится о Второй Мировой войне в Украине, то следует сказать, что для Украины она началась раньше, собственно с

1 сентября 1939 года, и вместе с Днем Победы не заканчивается, а заканчивается только в начале 50-х годов.

Алексей Миллер. А еще я бы сюда добавил некоторый исторический парадокс. Когда ты говоришь, что война в Украине начинается в 1939 году, то ты можешь говорить так ровно потому, что те территории, где война была уже в 1939, стали частью Украины в результате сталинского перечерчивания карты, а проще говоря, в результате пакта Молотова-Риббентропа. Ведь та Украина, которую мы знаем, сложилась в результате Второй Мировой войны.

Георгий Касьянов. Скорее, в рамках Советского Союза, потому что именно в составе СССР ее территория сложилась окончательно. Завершающим этапом можно считать 1954 год.

Алексей Миллер. Конечно. Но самые драматические события произошли в 1939 и потом в 1944-1945 гг., причем не только в плане линий на карте, но и состава населения.

Начнем с 1939 года. То обстоятельство, что многие на Волыни и в Галичине были рады приходу Советов, отрицать не приходится. Отчасти потому, что питали иллюзии по поводу советской власти, отчасти потому, что совсем не питали иллюзий по поводу власти польской, которая в конце 30-х стала проводить против украинцев весьма агрессивную политику. Кстати, когда Советы отнимали землю у поляков, отправляли их в ссылку в Казахстан, а землю отдавали украинцам, – это тоже нравилось. Ведь первые три волны депортаций почти украинцев не затронули, главные жертвы – поляки. Думаю, что «роман с Советами» продлился до первых шагов по коллективизации, то есть до весны 1940-го. А потом уже и депортации стали захватывать украинцев, и НКВД начало все активнее бороться с украинскими националистами. В тюрьмах к лету 1941 г. сидело уже изрядно народу. Так что к лету 1941 г. много кто был немцам рад.

Касьянов. Конечно, «первые Советы», как до сих пор говорят в Галичине, оставили неизгладимый след в сознании населения на этих территориях. И то обстоятельство, что они осуществили в этот период некое «справедливое» с точки зрения украинских националистов перераспределение, изгнав и выселив поляков и освободив «жизненное пространство» для украинцев, как-то не особенно подчеркивается в стандартном национальном нарративе. Упор делается на политику и социальные практики, направленные на советизацию западноукраинских земель, осуществляемые методами, привычными для тоталитарного государства, по сравнению с которыми самые жестокие методы польского государства 1920-х – 30-х казались детским лепетом. «Первые Советы» начали с депортаций поляков и закончили массовыми расстрелами заключенных в тюрьмах НКВД.

Миллер. Вот судьба заключенных в этих тюрьмах – она становится очень важной в первые дни войны. Некоторое время назад я слушал, с моей точки зрения, совершенно замечательную лекцию канадского историка Джона-Пола Химки о первых днях после 22 июня 1941 года. И в ней он пытался рассказать, в как можно более сложном и стереоскопическом виде, историю первых дней после начала советско-немецкой войны. Его интересовал прежде всего Львов, но он говорил и о других местах – Риге, Вильнюсе. Он показывал нацистскую хронику. Она очень хорошо сделана. Она о том, как «большевики» и «жидокоммуна» убили тысячи людей в тюрьмах в тот момент, когда они поняли, что началась война и что они не успевают их вывезти или угнать на восток. Судя по всему, нацисты очень быстро сориентировались, когда они поняли, с чем имеют дело, - или с самого начала они понимали, что должны показать зверства большевиков - а тут

даже и придумывать ничего не нужно. Все это снято и показывается, причем показывается и для зрителей Германии, и на месте — трупы, а их убивали, действительно, сотнями, этих людей в тюрьмах. Это был приказ из центра. Гранаты кидали в камеры — Бог знает что... Эти трупы выволакивают на всеобщее обозрение, местные люди ходят и пытаются узнать среди них своих родственников. И он показывал потрясающую фотографию: плац, лежат трупы, жертвы большевиков, какая-то женщина, которая, видимо, узнала кого-то, стоит в совершенном отчаянии, рядом с ней стоят несколько сочувствующих мужчин, которые явно занимаются организацией этого процесса опознания. А на заднем плане сидит человек 50-60 мужчин, как заключенные, на корточках, и их стерегут, чтобы не убежали. И их почти не видно, нужно присмотреться, чтобы их заметить, они не являются сейчас предметом интереса фотографа, но на самом деле эта фотография показывает, как советское преступление плавно перетекает в нацистское, потому что это евреи, которых пригнали, чтобы они таскали эти трупы (а дальше, естественно, именно их обвинили во всем этом). А дальше начинается львовский погром. И Химка проделал очень тонкую работу: он сумел по фотографиям этого погрома, которые сохранились у немцев, которые в этом погроме не участвовали, но с удовольствием его снимали и смотрели, обнаружить, что во многих ситуациях зверства присутствуют одни и те же люди, которые играют основную активную роль: заводил и организаторов этого процесса. А потом какие-то люди, постояв и вроде увидев, что так можно, начинают присоединяться. И он сумел идентифицировать этих людей, найдя их в картотеке ОУНовской милиции. Это не была УПА, но была ОУНовская, по сути, организация. Под впечатлением от этой лекции я сделал два важных для себя вывода.

Здесь важно показать один весьма вредный мотив. Он возникает часто в рассуждениях, что у поляков, что у украинцев. Когда пытаются оправдать жестокости, часто совершенно чудовищные, еврейских погромов, еще до того, как немцы взялись за систематическое уничтожение евреев, тем, что евреи помогали советской власти... А если попытаться посмотреть на это не через такую призму, а просто попытаться увидеть, как преступления одного режима сменяются другими... Иногда это нацисты, но иногда и местные люди, которые поддерживают нацизм, может быть, не до конца и потом испытывают разочарование... нужно понять, что это просто очень жестокое время и жестокие режимы с обеих сторон. А точнее — с трех сторон. Потому что режим ОУН — где он был, тоже был крайне жесток. Это первое. А второе — то, что все это еще очень мало исследовано, и эти вопросы еще можно и нужно исследовать. И очень важно понять, насколько вопрос о правых и виноватых, который, безусловно, является политическим, блокирует нормальные возможности исследования.

Потому что понятно: для того, чтоб это было сделано, нужен Химка. Т.е. нужно желание это сделать и другая оптика, чтобы была возможность это сделать. Потому что в рамках национализации истории такая оптика отсутствует, да и желания нет. Потому что если говорить о Химке, то это исследователь, который выступает со своей точкой зрения по этому поводу, и, кстати, о Голодоморе тоже. И здесь возникает еще один интересный вопрос: как на такого историка реагируют в стране и в диаспоре, и как ему в итоге достается, а достается ему немало.

Георгий Касьянов. А еще очень важно, что мы говорим об историке, который до определенной степени идентифицируется как украинский историк.

Алексей Миллер. У него отец, кажется, украинец, но он канадский историк.

Георгий Касьянов. Но у него украинские корни, и он часто пишет, обращаясь к украинцам как к своим, и призывает их к совести, к трезвости оценок и т. д. Это ученый, который, оставаясь этническим украинцем, четко придерживается профессиональных канонов, позволяющих судить об исторических событиях в рамках этих канонов, а не этнического патриотизма, который неизбежно искажает перспективу и обедняет познавательные возможности. Он может говорить об острых проблемах украинской истории, не прибегая к апологетической или оправдательной риторике, когда речь заходит о неприятных для украинцев вещах.

Алексей Миллер. Да, когда мы говорим обо всех этих вещах, очень важно, кто это делает. Когда мы говорим с поляками, мне часто приходится говорить, что Катень — это не польская проблема, а российская. И, чтобы перекинуть мостик к Голодомору, то по поводу Катени можно сказать, что российские историки выполнили свой долг — Лебедева, а потом и другие, потому что они написали книжки, где, насколько это возможно, по документам, правда была рассказана. То, что потом появляются ублюдки типа Мухина, которые в очередной раз пытаются заявить, что это сделали немцы, это уже патология, но по голоду на Украине у нас нет ни одной такой книжки, и не нужно заявлять о том, что «этот голод на Украине, пусть украинцы и занимаются этим», нет, по таким болезненным сюжетам нужно, чтобы свой говорил своим неприятную правду, потому что так ее легче принять.

Георгий Касьянов. Я бы сказал наоборот: когда свой говорит своим неприятную правду, принять труднее. Легче, когда чужой говорит неприятную правду, потому что тогда можно сказать, что чужой не понимает специфики, и на этом основании понизить его аргументы как несостоятельные или наивные.

Алексей Миллер. Так это как раз не принять, а, наоборот, дискредитировать, отвергнуть. А я говорю о том, чтобы понять, принять и осмыслить.

Георгий Касьянов. Ты упомянул об оуновской полиции/милиции, но ее не было как таковой. Отдельные оуновцы могли участвовать в экстерминации евреев и в Холокосте, но ОУН как организация не участвовала в этом. В некоторых программных документах ОУН кануна и начала Второй мировой войны содержатся антисемитские тезисы, и руководители и рядовые члены вполне могли исповедовать антисемитизм - как бытовой, так и идеологический — доступных свидетельств хватает. Однако говорить, что ОУН именно как организация принимала участие в массовых убийствах евреев, было бы преувеличением или намеренной экстраполяцией. Я хотел бы вернуться к твоему тезису о времени и о ситуации, в которой находилась организация украинских националистов, и тогда мы можем комбинированно перейти и к Холокосту, и к участию украинцев в нем, и к коллаборации. В чем заключается сложность переосмысления и нового позиционирования этой темы как в историографическом дискурсе, так и в идеологическом, и в любом общественном - то, что остается очень сильное наследие советской пропаганды, в котором ОУН представлялось однозначно в самом черном цвете — и как коллаборанты, и как преступники... Частично этот концепт наследован — не в официальной части, но в общественном мнении, и когда возникает желание, соблазн преодолеть этот стереотип, то возникает результат от противоположного: если раньше они были преступники и т.д., то теперь они становятся святыми, рыцарями без страха и упрека и борцами за независимость.

Алексей Миллер. И еще важно, что это они «победили» в 1991 году. Причем, не только в Украине, но и в Прибалтике.

Георгий Касьянов. Ну, это все-таки не является мейнстримом. Можно сформулировать так: «дело, за которое они боролись, победило», но не они. В конце концов, 1991-й не столько результат борьбы и победы национального движения (хотя и оно играло некую роль), сколько продукт распада, неспособности власти справиться с кризисом. Независимость была скорее неожиданным подарком, чем результатом целенаправленных, скоординированных усилий, многолетней борьбы.

Алексей Миллер. Но ведь все время подчеркивается, что без них бы — никак.

Георгий Касьянов. Это просто составляющая общего потока, когда вся история Украины представлена как непрерывный путь к независимости, борьбы украинского народа. В эту линию они вписываются как один из наиболее привлекательных и динамичных элементов. Все-таки в истории Украины не так много эпизодов, когда столь продолжительный срок и в столь неблагоприятных условиях существовало вооруженное сопротивление, да еще в заведомо неравных условиях. Это благодатный материал для выстраивания героического исторического дискурса.

Если же вернуться к их переоценке, то, конечно, сейчас, в 2000-е годы, особенно с поддержкой главы государства, который чествует лидеров этого движения, ощущается перекося и односторонняя тенденция к тому, чтобы превозносить и чествовать ОУН и националистическое движение, не замечать в них противоречивых результатов и видеть только их вклад в общее дело по обретению независимости. Это, конечно, очень печальная тенденция, которую можно проследить и в деятельности комиссии по ОУН и УПА, созданной в конце 90-х годов под эгидой Верховной Рады как ответ на постоянное противостояние ветеранов Красной Армии и ОУН с УПА, как результат борьбы одних за признание УПА воюющей стороной и борьбы других против этого... Комиссия якобы должна была дать «окончательный ответ», поскольку это ученые, они объективны и т. п. И здесь очень любопытно: во-первых, в комиссии разные ученые, которые освещали разные аспекты, освещали их по-разному, а, во-вторых, когда возникла необходимость написать общий вывод по работе комиссии, он был написан одним человеком, непосредственно, Станиславом Кульчицким. Он написал общий вывод и, как положено порядочному историку, дал почитать остальным, по крайней мере, тем, чьи труды он использовал. И здесь вот что любопытно: я и Игорь Илюшин написали дополнение к этому выводу, однако эти замечания не были включены в общий вывод, так и не знаю почему, все время забываю спросить. И мне кажется, что это было ошибочное решение — не включать, потому что общий вывод получился все-таки в пользу ОУН и УПА, т.е. в сторону их «безоговорочной реабилитации», также исключая признание многоаспектности и противоречивости деятельности ОУН и УПА. Если расценивать такой результат в контексте советского наследия, по сравнению с тем, как их оценивали в советское время, это можно назвать положительным сдвигом, потому что многие аспекты освещаются гораздо ближе к тому, что можно назвать истиной. Но в целом идеологическая подкладка «оправдать» очень сильно влияет на научное качество. И то, что из документа исключены замечания его авторов, направленные на то, чтобы диверсифицировать картину и представить ее более многоплановой, - свидетельствует о том, что весь этот проект в качестве «объективного» не удался.

Алексей Миллер. Давай все-таки уточним некоторые вещи, потому что ты сказал очень сильную фразу: этот вывод ближе к тому, что можно назвать истиной. Ты что, хочешь, чтобы я воспринял это как сарказм?

Георгий Касьянов. Конечно.

Алексей Миллер. Ну, тогда другие вещи, которые ты говоришь, непонятны. Я хочу сказать, что одно дело — совершенно благородная и резонная задача для историка - показать многоплановость ОУН и УПА, показать, что советский миф о них предельно однобок. Но дальше возникает очень серьезная проблема, потому что встает вопрос: ну хорошо, советский миф состоял в том, что эти ребята - последние гады. Но если мы хотим ревизовать этот миф, значит, мы и этот вывод должны ревизовать? И вот здесь начинаются некоторые проблемы, потому что, применительно к той части этих людей, которые сознательно, с удовольствием или без, участвуют в охоте на евреев, я почему-то не готов пересматривать этот вывод. Гады они последние. Мы можем сказать, что таких гадов было очень много по всей Европе, но от этого они не перестают быть гадами.

Георгий Касьянов. Я бы избегал таких формулировок. Соответствие некоторых сторон деятельности ОУН и УПА шаблонам советской пропаганды не заставит меня эти шаблоны повторять. Моя задача — отражение всего многообразия явления в исторических работах

Алексей Миллер. Нет, погоди. Это же даже не исторические работы, а в некотором смысле применимые юридические параметры.

Георгий Касьянов. Юридические параметры можно было применить на Нюрнбергском процессе, и то с некоторыми оговорками, поскольку это был процесс победителей над побежденными, но и там они не были применены относительно ОУН.

Алексей Миллер. Ну и на многих процессах, которые были после этого.

Георгий Касьянов. Они были применены в советское время на процессах над членами ОУН, их юридическая валидность очень сильно размывается тем, что это все были политические процессы. Важно обратить внимание на то, как их судили — как военных преступников? Или как «предателей родины»?

Алексей Миллер. Конечно, их судили прежде всего за то, что они враги советской власти. Как раз за это мы их «судить» не будем. Речь о другом — это люди, которые участвовали в массовом уничтожении не только евреев, но и поляков (Волынь). Мы можем очень долго рассуждать о том, что конфликт был во многом порожден польской политикой, но во всех этих рассуждениях важно не упускать из виду одну вещь — что массовые и часто с изрядной долей садизма истребления гражданского населения — это преступление, которому оправдания нет нигде и никогда.

Георгий Касьянов. Безусловно, но если рассуждать так об Организации украинских националистов и ее роли в украинской, и не только, истории, тогда на входе нужно четко сформулировать несколько простых положений. Первое: организация украинских националистов была организацией с тоталитарной идеологией, построенной на основе монопартийности, диктата и фюрер-принципа.

Алексей Миллер. Это значит одну очень важную вещь: когда представляют картинку, в которой два тоталитарных режима, нацистский и советский, сталкиваются, а где-то между ними оказывается зажатой эта несчастная ОУН, нужно отдавать себе отчет в том, что если бы у нее было достаточно силы, чтобы диктовать свои правила, то она была бы точно такой же диктаторской и тоталитарной.

Георгий Касьянов. Пункт второй. Я не буду употреблять сослагательного наклонения — какой бы она была — она была тоталитарной и диктаторской и на уровне доктрины, и на уровне практик, по крайней мере, до 1943 года. В 1940-е встреча оуновцев с «большой

Украиной» заставила часть из них понять необходимость отхода от тоталитарных принципов – со временем все закончилось расколом...

Алексей Миллер. Нет, просто когда мы говорим, сколько было совершено преступлений, то важен еще и вопрос — сколько у тебя было возможностей совершать преступления.

Георгий Касьянов. Для меня такой вопрос не стоит. Можно совершить одно преступление, и этого будет достаточно. Если совершено преступление, то есть убийство граждан мирных, невооруженных, то мотивы этого преступления меня не интересуют. Это преступление. Пункт второй. Члены организации принимали участие в экстерминации евреев и в убийстве поляков. Пункт третий. Если говорить о начальных рассуждениях, никакого оправдания, ни морального, ни политического, этим действиям нет. Им можно дать объяснение, исходя из общей ситуации, в которой находилась ООН, в которой находилась Западная Украина в целом, исходя из истории украинско-польских отношений, но оправдание этим действиям давать не стоит, а тем более, защищать их. Таким образом, эти три пункта, если их четко сформулировать с самого начала, ставят все точки над «і».

Алексей Миллер. При этом мы, когда говорим об этих вещах, понимаем, что за ними скрываются проблемы глобального масштаба. Вот ты сказал: достаточно одного преступления — и все. И если мы считаем, что убийство мирного населения, целенаправленное и именно с целью убить мирное население, и как можно больше — если это критерий, то тогда у нас и англичане преступники, потому что они планировали «огненные смерчи» над Германией, именно чтобы сжигать целые города, и там погибало бы как можно больше мирного населения, и две атомные бомбы, да и у советского государства, что, нет на совести такого преступления? Все стороны войны не выглядят героями.

Георгий Касьянов. Я напомним, что «на войне как на войне», и если целью войны является уничтожение врага в любой его ипостаси, и все стороны стремятся убить как можно больше населения — все средства хороши в рамках этой логики. И напомним вторую, тоже не менее пошлую пословицу - победителей не судят. Победители судили побежденных, поэтому в числе «плохих» оказались немцы, итальянцы, румыны, венгры и часть украинцев. То, что поставили памятник Черчиллю, — это замечательно, он выдающийся государственный деятель, но именно он стер с лица земли немецкие города, набитые замечательными произведениями искусства, и десятки тысяч людей там сгорали заживо. И можно вспомнить не только о Черчилле, но и об английских летчиках, которые это делали и которые являются героями в британской мифологии. На самом деле, если говорить в современных терминах, они такие же преступники, потому что они уничтожали мирное население. Но здесь мы попадаем в ловушку — когда оцениваем действия людей во время войны в терминах и понятиях мирного времени. Обвинительная риторика уравнивается чем-нибудь вроде «мы исполняли приказ» — а дальше подумаем — а что бывает с теми, кто в условиях военного времени не выполняет приказ? Мне кажется, здесь история (историография) может выполнить объяснительную функцию, но должна держаться подальше от оценочной — иначе мы обязательно попадаем или в лагерь победителей – или тех, кто жаждет реванша.

Алексей Миллер. Не совсем с тобой согласен. Потому что мы можем их судить не по законам мирного времени, но по законам войны, признанным всеми воюющими сторонами. И даже победители судили побежденных не за то, что те с ними воевали, а за нарушение этих законов. А второй большой вопрос: ты произнес важное слово «герои» - для меня здесь большая проблема: разве тот, кто совершает преступление, может быть

героем? Герой - это тот, кто отчаянно, рискуя собственной жизнью, за что-то борется? Может обнаружиться, что борется он не обязательно за счастье всего человечества, а за счастье конкретной группы, которую считает своей, за счет других групп. А можно ведь и так бороться за счастье всего человечества, что от всего человечества не останется камня на камне. И тут мы подходим к той теме, что довольно трудно искать героев в этой тотальной войне.

Георгий Касьянов. Я приведу очень конкретный пример. Главнокомандующий УПА Роман Шухевич посмертно получил звание героя Украины.

Алексей Миллер. Совсем недавно. Кажется, в 2008 г.?

Георгий Касьянов. Да. Реакция России была на это совершенно неадекватной, это внутреннее дело Украины. Если человек сражается за свободу Украины, против других вооруженных людей, рискуя своей жизнью, — то это герой. Если человек отдает приказы или сам принимает участие в убийстве невооруженных людей, называть его героем нельзя и давать ему такое звание нельзя. Если Шухевич отдавал такие приказы и принимал участие в этом, то он не является героем Украины. Но это общие рассуждения — когда президент принимал решение, он вряд ли руководствовался аргументами, основанными на рациональном историческом знании — в исторической политике он вообще не руководствуется рациональными соображениями. Думаю, в рамках его логики естественным будет наградить званием Героя Украины Мазепу, Хмельницкого и Ярослава Мудрого... Именно поэтому я не могу положительно отнестись к развешиванию высших государственных наград на мундиры, чистота которых не безукоризненна.

Алексей Миллер. Но получается, что у тебя реакция однозначная.

Георгий Касьянов. Шухевич – фигура не только неоднозначная, но и недостаточно изученная. Если я буду иметь данные о том, отдавал ли он такие приказы...

Алексей Миллер. А тебе их что, недостаточно?

Георгий Касьянов. У меня мало документов...

Алексей Миллер. Его отряд был в Белоруссии в течение, по-моему, восьми месяцев в 1941-1942 годах. Что он там делал? А его участие в Волынских событиях недостаточно задокументированно?

Георгий Касьянов. По крайней мере, у меня нет достаточных документов.

Алексей Миллер. И что, происходит Волынская резня, и он за это не отвечает? Это все равно, что Петлюра не отвечает за еврейские погромы, потому что его не слушают подчиненные ему войска.. Если ты — главнокомандующий УПА, и подчиненные тебе силы вырезают огромное количество мирного населения, с показательной жестокостью и с очень высокой степенью организации, то, если ты приличный человек и офицер, что ты должен делать? Ты должен пустить себе пулю в лоб и уйти с поста главнокомандующего УПА, даже если ты не отдавал этого приказа, что смешно. Я не думаю, что тебе нужны дополнительные доказательства, даже сейчас.

Георгий Касьянов. Мне нужны дополнительные доказательства, потому что логически я понимаю твои аргументы, но как историку мне нужны факты.

Алексей Миллер. А тебе не кажется, что в этом случае ты звучишь почти как оппоненты украинских историков, которые говорят: «Вы нам покажите документ, в котором Сталин велел морить голодом украинцев, и тогда мы обсудим, был ли это геноцид».

Георгий Касьянов. Может быть, я так и выгляжу, но в данном случае акценты смещены и речь идет о войне, и я хочу напомнить тебе твои собственные слова о том, как понятия, которые вполне приемлемы для мирного времени, в военное время становятся относительными, когда человек поставлен на грань выживания. И второе — тоже твои слова — о том, что уровень жестокости, уровень осатанения и озверения людей в войне приводит к тому, что выносить какие-то окончательные оценки очень сложно. И мне выносить какую-то оценку персонажа, который очень мифологизирован и мистифицирован, очень трудно.

Алексей Миллер. Ты затрагиваешь здесь очень важную тему. Давай об этом поговорим: осатанелость, озверелость, истрепанные нервы. Обесцененная человеческая жизнь... Идет солдат. Что-то зашебуршилось в кустах — пустил очередь. А там два мальчонки прятались. По законам обычного времени — преступник. Но мы можем понять — не простить, но понять эту ситуацию.

Георгий Касьянов. Все равно преступник — по результату действия. Убийство по неосторожности — тоже уголовное преступление.

Алексей Миллер. Но это такие вещи, ошибочные и импульсивные... мне кажется, что все-таки в контексте Шухевича такие категории неприменимы, потому что, когда мы говорим о Волынской трагедии, которая является геноцидом в чистом виде, это была тщательно спланированная, протяженная по времени операция. Если бы Шухевич, будучи раздраженным и т.д., импульсивно застрелил кого-то из оружия — да, преступник, да, виноват, но это одна история. Если подчиненная ему армия делает то, что она делает на Волыни, — это совершенно другое.

Георгий Касьянов. Я согласен, то, что делалось на Волыни с польским населением и то, что делалось обратной стороной с украинским населением, имело признаки геноцида или этнической чистки. При этом мы не можем сказать, что поляки до этого проводили такую же политику геноцида. Я говорю, что это началось с украинской стороны, и я согласен с некоторыми украинскими историками, которые говорят, что это была этническая чистка. Я не уверен, что это было тщательно спланировано, потому что в той ситуации вообще было трудно что-либо тщательно спланировать. И я хотел бы обратить внимание на одну вещь, которую обычно не замечают: известно, что много зверств было совершено холодным оружием: косами, ножами... Это наталкивает на мысль, что в этих зверствах принимало участие обычное население, украинские крестьяне, которые уничтожали тех, кто, как они считали, занял их землю. Этот момент погрота...

Алексей Миллер. Ты уверен, что объяснение именно такое? Потому что известно же, что зверские убийства часто совершались показательно, чтобы произвести впечатление на других и чтобы они убежали, потому что главная задача была в том, чтобы на Волыни не осталось поляков.

Георгий Касьянов. Я согласен в том, что показательный момент был, но я отношу это на счет обычной крестьянской жестокости, когда, например, конокрада не просто убивают, а рвут на части, чтобы другим было неповадно. Но мы сейчас уйдем в дебри психологии, что не относится к предмету.

Алексей Миллер. К предмету относится другое. Я не считаю, что если жертвы зарублены топорами, или у них вспороты животы, или отрезаны груди, или еще что-нибудь, то это означает, что убивали крестьяне.

Георгий Касьянов. Но они участвовали.

Алексей Миллер. Может быть. Но человек мог это делать, имея в кармане пистолет, не говоря уже о том, что ему может быть жалко патронов.

Георгий Касьянов. Может быть. Я говорю лишь о том, что этот вопрос мало изучен, страшно заполитизирован и является конфликтной зоной как внутри Украины, когда вопросы истории национального движения становятся предметом политических дебатов, так и на международном уровне, когда заходит речь об ответственности государства или нации в целом за нечто, совершенное в прошлом. Тогда можно было бы провести параллели и с Вандеей и другими крестьянскими выступлениями, которые сопровождаются аналогичными эксцессами. Вспомним гражданскую войну в бывшей Российской империи... Можно сделать предварительный вывод, что если говорить об осмыслении этой проблемы, то по поводу ОУН и УПА (это все-таки разные вещи) общественное мнение очень сильно разделено, и еще больше — благодаря влиянию государства, хотя должно было бы быть наоборот. Можно сказать, что есть апологетические тенденции в историографии, но, к счастью, существует и ряд исследователей, которые не представляют мейнстрим, но могут адекватно относиться к этому, хотя они выглядят как диссиденты. Из молодых это Заярнюк, из старших - Игорь Илюшин, я мог бы назвать и себя, поскольку тоже занимаюсь этой проблемой. Есть и продолжатели советского мифа, в основном, на Восточной Украине.

Алексей Миллер. Хорошо. Отсюда есть две дороги. Можно продолжить тему Холокоста и коллаборации и отчасти связать это с темой вообще чудовищности тех выборов, которые приходилось совершать людям. Потому что одна тема — это участие организации украинских националистов в истреблении евреев. Оно было, спорить об этом довольно бессмысленно. Хорошо было бы понять масштабы этого...

Георгий Касьянов. Я еще раз хочу сделать уточнение: не участие организации, а участие членов этой организации. Потому что сама организация как таковая, при том, что и в некоторых программных установках, и у бандеровцев присутствуют элементы антисемитизма...

Алексей Миллер. Не «элементы», а самый жесткий антисемитизм.

Георгий Касьянов. Я сказал «элементы» в том смысле, что пункта об уничтожении евреев нет в официальной программе.

Алексей Миллер. А Стецько?

Георгий Касьянов. Нет, Стецько, его письма и статьи — это совсем другое. В данном случае речь идет о программе, которая принята на Великом собрании ОУН. Там есть один параграф, который связывает евреев с большевизмом, и на этом строятся соответствующие выводы. То, что опубликовали, — дневники Стецько или что-то еще — это, конечно же, мысль высшего руководства ОУН и, в частности, одного из основных идеологов, который тогда еще им не был, но потом им стал после смерти Бандеры — Стецько...

Алексей Миллер. Но надо учесть, что антисемитские статьи — это еще не повод: человек может быть антисемитом и говорить, что он не любит евреев, но и что с того? А это не просто антисемитские статьи...

Георгий Касьянов. Нет в периодике ОУН на рубеже 20-30-х годов есть статьи, в которых вполне «научно» обосновывается тезис о том, что евреи эксплуатировали украинцев на протяжении веков.

Алексей Миллер. Статьи Стецько 1941 года, опубликованные в главном печатном органе ОУН, говорят о поддержке политики немцев по отношению к евреям. Вот это важно. Я знаю, например, в Польше, людей, которые накануне войны были вполне лютыми антисемитами, но увидев, что немцы делают с евреями, пришли в ужас и стали призывать помогать евреям, не отказываясь от своего антисемитизма. Потому что между нелюбовью к евреям и одобрением их физического уничтожения — пропасть. Стецько эту пропасть переходит, одобряет то, что делают немцы, и главный орган ОУН это печатает. А второе — то, что тема Холокоста в Украине и в прибалтийских республиках очень часто в российской прессе возникает в таком контексте, что эти националисты были такие сволочи, что активно и с песнями участвовали в Холокосте. Мы знаем, что участвовать в Холокосте — это очень плохо, и не собираемся это оспаривать. Этот мотив очень часто используется и часто даже справедливо. Но нужно задать вопрос: а как бы вело себя русское население в этих условиях, и сколько нашлось бы желающих поучаствовать в Холокосте? Слава Богу, что этот эксперимент не проводился в большом масштабе. Поэтому тем, кто идентифицирует себя как русских, об этом думать легче.

Георгий Касьянов. А есть ли исследования, посвященные оккупированным территориям нынешней РФ и участию местной полиции в Холокосте?

Алексей Миллер. Ты знаешь, это начинает пробиваться только сейчас. Но ты должен понимать, что основная масса евреев живет на бывших землях Речи Посполитой, и это та основная масса, которая не успела уехать. А те евреи, которые жили на территории современной России, пока фронт шел до Смоленска, конечно, старались уехать, и шансов не попасть к немцам в лапы у них было больше.

Но на этот счет у меня нет никаких иллюзий, потому что моя матушка была под оккупацией две недели, девушка 13-ти лет, даже удивительно, что с ней не сделали ничего плохого, под Рязанью, и ее самым большим впечатлением было то, какая очередь выстроилась к немецкой комендатуре в этом злосчастном городе Скопин доносить, главным образом, на коммунистов, потому что в этом городе евреев не наблюдалось. А через две недели немцев прогнали, и выстроилась следующая очередь - доносить на тех, кто доносил. Так что ничего удивительного тут нет.

Георгий Касьянов. Да, конечно, нужно учитывать, что вся территория Украины была оккупирована, долго, неравномерно, т.е., она существовала в виде трех территорий: было генерал-губернаторство, была Транснистрия, где немцев почти не было, и была третья часть — Рейхскомиссариат, и на этих территориях оккупационный режим различался, но в отношении к евреям и к цыганам, о которых почему-то все время забывают, когда говорят о Холокосте, он не различался.

Алексей Миллер. И здесь скорее можно говорить о политике памяти, и мы видим, что советская политика, которая говорила о мирных советских гражданах, отчасти находит свое продолжение в Украине: евреев не стало, и во многом присутствует молчаливое согласие: «ну и слава Богу».

Георгий Касьянов. К сожалению, да. Сейчас, если говорить об академическом сообществе, то благодаря появлению каких-то молодых исследователей картина становится разнообразнее. В Институте Украины есть отдел Второй Мировой войны, и там сейчас наметились очень позитивные тенденции к тому, чтобы и Вторую Мировую войну, и все проблемные вещи внутри этой темы рассматривать с академической позиции. Не хочу говорить «объективно», но более взвешенно и верифицировано. Если раньше в основном занимались осуждением оккупационного режима и рассмотрением героической борьбы партизан или действием на фронтах, то сейчас очень много делается в том ключе, который можно было бы назвать социальной антропологией. Тем, как себя вел в этой ситуации конкретный человек, и по коллаборационизму защищаются диссертации, и в Украине много пишется и диссертаций, в том числе, на региональном уровне, о Холокосте. Я был на защите по Холокосту на Буковине — эта тема становится предметом академического осмысления. Я не могу проследить связей с еврейскими организациями, которые это спонсируют, но интерес есть.

Алексей Миллер. Спонсируют, но в этом нет ничего зазорного.

Георгий Касьянов. Конечно. Но главное — появился интерес к этой теме, раньше его не было. Я уже не говорю о том, что в Киеве появился центр по исследованию Холокоста. Так что в этом смысле украинская историография выглядит достаточно продвинутой.

Алексей Миллер. Я бы сюда еще добавил, что при оценке этих событий важно понимать: когда немцы приходят на Украину, то у них, конечно, есть попытка, причем она зафиксирована на уровне директивных документов, трактовать украинцев в каком-то привилегированном режиме, по сравнению с евреями и русскими. Т.е. на начальном этапе оккупации, например, были инструкции, что нужно брать заложников из евреев и русских, а не украинцев. Из этого не следует, что Украина воспринималась как полноценный союзник. Отсюда, кстати, и конфликт ОУН и нацистов, потому что ОУН ожидала, что будет продолжаться политика времен Первой Мировой войны, когда немцы в определенный период делали ставку на независимое украинское государство, а тут оказалось, что это совершенно не входит в их планы. Но привилегированное положение украинцев продолжалось недолго. Отчасти потому, что возникло партизанское движение, и тут было уже трудно разбираться, отчасти потому, что сами немецкие солдаты не воспринимали украинцев как полноценных людей — все-таки украинец и голландец были разные вещи в глазах немецкого солдата. А потом уже немцам вообще стало не до нюансов — ловили всех, кто попадется, и гнали в Германию работать.

Любая помощь евреям была смертельным риском. Так что можно развести руками, что героев стадами не ходило. Хотя и они тоже были. Но в целом мне кажется, что очень часто и подход к исследованию, и дискурс на эту тему страдает от примитивизации, связанной с исторической политикой. Потому что, безусловно, есть попытки доказать, что ОУН и УПА никак к этому не причастны, а есть попытки доказать, что все украинцы ужасно сожалеют о том, что произошло, и все это вранье. Иногда, когда пытаются объяснить, что происходило, признавая, что украинцы не всегда вели себя героическим образом, начинают говорить, что сами виноваты: эксплуатировали, или коммунистов поддерживали, или еще что-то... Т.е. попытки рационализировать и отчасти оправдать то, что оправдывать бессмысленно. В этом смысле, повторюсь, от «не любить евреев» до радости по поводу того, что их будут убивать, — дистанция огромного размера.

Георгий Касьянов. Я думаю, что здесь ключевым является слово «политика». Сама политика в Украине является по определению аморальной и циничной, и отсюда можно

экстраполировать и дальше: историческая политика неизбежно будет нести в себе элементы аморальности и цинизма, в том числе, и по поводу Голодомора...

Алексей Миллер. Я бы расшифровал: попытка представить Голодомор как трагедию большую, чем Холокост, эта гонка за числом жертв, которой так увлекся Ющенко, кажется мне просто чемпионским забегом на этом поле.

Георгий Касьянов. В данном случае нужно делать скидку на интеллектуальные способности конкретного человека. В данном случае интеллектуальная биография данного человека не предполагает того, что он будет способен вникнуть в нюансы и осознать многоплановость проблемы.

Алексей Миллер. Что его ни в коем случае не оправдывает.

Георгий Касьянов. Не оправдывает, но объясняет.

Алексей Миллер. Ну и оставался бы бухгалтером, наверное, с этим бы он справлялся.

Георгий Касьянов. Ну конечно. Когда человек с таким образованием начинает рассуждать на сложнейшие темы, в которых и профессиональные историки могут разобраться лишь с большим трудом, и после этого он начинает говорить директивами и делать окончательные выводы, то это звучит в одних случаях страшно, в других — абсурдно, а в третьих — комично. Но в любом случае, независимо от намерений этого человека, может быть, они и самые лучезарные, его стремление представить Голодомор как наибольшую трагедию человечества, его политический итог — это крайний цинизм. Я бы еще хотел вспомнить один нюанс — мне кажется, что, говоря о теме Холокоста, об участии в нем Украины и ОУН, и вообще обо всей этой ситуации, когда значительная часть населения поддерживала то, что делалось, — то ли из страха, то ли из антисемитизма, иногда пыталась нагреть руки, кто-то пытался спасти, было много нюансов, но наиболее доминирующая тенденция была в том, чтобы или относиться к этому нейтрально, либо участвовать в этом, чтобы ввести это в более широкий контекст, я бы вспомнил про погром в Едвабне и про дискуссию в Польше, которая началась с публикации одной книги. В этой теме меня поражают две вещи: как она хронологически совпала с дискуссией по поводу волынской резни (книгу об этом написали двое). Практически параллельно в Польше возникло два диспута — по поводу Едвабне и по поводу Волынской резни. И интересно наблюдать, как в ходе этой общенациональной дискуссии, я это подчеркиваю, потому что в Украине не было общенациональной дискуссии ни по одному из этих вопросов, разве что по Голодомору, но это другое дело. И интересно, что и по поводу Едвабне Квасьневский извинился, причем еще до окончания исследования, и по поводу Волыни состоялась встреча президентов, и они взаимно примирились. Но меня поражает динамика развития этого мифа, как он развернулся на 180 градусов. Потому что в польской коммунистической историографии был миф о том, что это сделали немцы, потом это развернулось, и оказалось, что немцы сделали это с большим участием поляков, а потом оказалось, что все не так просто.

Алексей Миллер. Не так просто — в том смысле, что это сделали поляки без немцев.

Георгий Касьянов. Да. И в этом смысле для меня крайне интересно, что общество разделилось. Возможно ли такое в Украине, чтобы оно разделилось? Потому что в Польше нашлись люди, готовые признать, что это преступление совершили поляки. И это были люди общественные, и с высоким положением. В Украине ничего похожего я не вижу за исключением крайне немногочисленных индивидуальных примеров.

Алексей Миллер. Я бы хотел добавить сюда несколько вещей. Во-первых, мне кажется, что в этих извинениях много фальши и ненужности. И давай эту тему закроем, если мы сходимся в этом. Потому что они либо ханжеские, либо бессмысленные. Потому что покаяние — это вещь индивидуальная.

Георгий Касьянов. Нет. У протестантов покаяться можно публично.

Алексей Миллер. Но ты же сам каешься, за свои грехи.

Георгий Касьянов. Вот в этом и есть интрига. Потому что Квасьневский покался за Едвабне за всех, в то время как все не были готовы покаяться.

Алексей Миллер. И точно так же Вилли Брандт просил прощения и падал на колени перед Варшавским гетто за всех... Если он это делал как политическая фигура от имени нации, то у него не было такой санкции. Я бы мог представить, чтобы человек шел на выборы с лозунгом, что он поедет в Варшаву и там покается, но ему же такой санкции на выборах не давали, потому что он ее не просил. Если ты хочешь выразить свое отношение - делай это, но почему тогда вокруг тебя столько журналистов и фотокорреспондентов? Есть понятие церемонии поминовения — принести венок, положить цветы, но когда от имени одного народа президент начинает каяться перед другим народом, а другой народ, который тоже, конечно, представлен каким-то политиком, говорит: «Ну ладно, один раз извинился, а еще?» Есть такой анекдот, когда разговаривают два еврея, и один говорит другому: «Ты слышал, приезжает Валенса!» А второй отвечает: «Валенса? Ну, он, вообще-то, мог бы и извиниться». Первый говорит: «Так он уже извинился». - «Ну, мог бы и второй раз извиниться, не развалился бы». - «Да он и второй раз извинился уже». - «А, ну тогда он может уже уезжать». Я хочу сказать, что все эти проблемы прегрешений должны включать в себя понятие общенациональной дискуссии, это очень важная вещь. А на индивидуальном уровне: в идеале нужно, чтобы каждый человек понял, что если у нас есть какие-то предки, с которыми мы себя ассоциируем, то мы принимаем на себя и ответственность за дурные стороны и поступки этих людей, и что нужно быть скромнее и внимательнее.

Георгий Касьянов. Я совершенно согласен, что такие публичные извинения - это показательный акт и политическая игра, я не исключаю возможности эмоционального подъема и спонтанного движения, но, поскольку речь идет о политиках, понятно, что это актеры, которые все время играют роль и соответствуют своему образу. Когда я говорил о том, что в Польше что-то происходило, а в Украине — нет, я имел в виду общенациональное движение.

Алексей Миллер. Я как раз к этому и хотел привести.

Георгий Касьянов. В Украине у людей нет понимания того, что они ответственны за своих предков, и это ужасно, когда люди не могут осознать историческое зло... Память очень избирательна — когда мы были жертвами, когда нас угнетали и обижали — мы это помним, а когда это делали мы сами (в том числе по отношению к своим соплеменникам) — это лучше забыть. Впрочем, вряд ли здесь украинцы оригинальны, это стандартная черта всякой национализированной истории и связанной с ней памяти...

Алексей Миллер. Мне кажется, то, о чем говоришь ты, и то, о чем говорил я, связано вот чем: люди, которые рассуждают об ответственности, очень часто связывают это с мотивом покаяния и извинения, а те, которые начинают им возражать, в определенном

смысле, не без резона, говорят: «Я родился, например, в 1965 году, и личной своей вины не ощущаю, и каяться мне не за что». Точно так же, как смешно предъявлять современным немцам за что-то претензии. Хотя современные немцы как раз очень аккуратно к этому относятся, им не нужно тыкать в морду, они и сами проводят внутреннюю работу.

Георгий Касьянов. Есть один очень простой момент: если вы претендуете на свою историю как на целостность и говорите о героических свершениях этой истории, и т.д., тогда примите на себя ответственность и за «темные стороны» этой героичности.

Алексей Миллер. Мне просто настолько чужды все эти разговоры о героичности, и мы-то с тобой как историки знаем ей цену.

Георгий Касьянов. Да, но мы сейчас говорим о массовом сознании. И если политики и та часть народа, которая поддерживает этих политиков, принимают некий позитив в этой истории, то извольте принять и негатив.

Алексей Миллер. Я бы даже сказал, что серьезного общественного обсуждения требует как раз негатив, а не геройские свершения наших предков трехвековой давности.

Георгий Касьянов. Так вот, Едвабне у поляков шло под лозунгом очищения памяти, что тоже важно.

Алексей Миллер. Не «у поляков», а «у некоторых поляков».

Георгий Касьянов. Да, у тех, кто и заговорил об очищении памяти.

Алексей Миллер. И вот здесь очень важный момент. Ян Гросс, автор книги о Едвабне, где, скажем для тех, кто не знает, жители небольшого польского городка спалили заживо, согнав в одно место, всех своих еврейских соседей, сколько смогли поймать — несколько сотен человек...

Георгий Касьянов. Говорили сначала о 1600, но потом поняли, что это слишком много.

Алексей Миллер. Но не 200 или не 300, а побольше. И я хочу сказать, что до появления книжки Гросса были опубликованы научные статьи об этом, и там было сказано все, что можно об этом сказать в плане фактов, но они оставались совершенно незамеченными. Как Гроссу удалось привлечь столько внимания? Книжка называется «Соседи». Она звучит как очень мощное обвинительное заключение. Она в некотором смысле написана очень агрессивно и вызывающе. Она, безусловно, была сознательным вызовом. И тут возникает вопрос, потому что эта дискуссия расколола общественное мнение в Польше на два лагеря: тех, кто подписывался под Гроссом и тех, кто стремился перечеркнуть его двумя жирными чертами. Кстати – первые видели в Гроссе поляка, говорящего о польских грехах (и он так понимал свою книгу), а вторые – еврея, обвиняющего поляков. У Гросса мать из польской шляхты, а отец – еврей.

Георгий Касьянов. Был еще и третий лагерь — это жители Едвабне, которые оказались в некотором смысле ни при чем.

Алексей Миллер. Они действовали по-разному. Это уже микроистория. Были люди, которые сумели спасти некоторых евреев, и они скрывали этот факт в течение десятилетий, чтобы жить нормально в этом селе. Что важно: когда Гросс написал эту

книжку, одна женщина-режиссер снимала или уже даже сняла документальный фильм о жителях этого села. И она говорила, что с громадным трудом пыталась их разговорить. И постепенно из глухого молчания и обороны они начали выходить. Книжка Гросса столкнула многих из них обратно. Здесь нерешенный для меня вопрос: понятно, что книжка Гросса не без тенденции. И в этом смысле она сильно поляризовала общественное мнение. И какой-то процесс трансформации у жителей Едвабне она в каком-то смысле даже заблокировала, потому что они там выглядят очень плохо, им это не понравилось, и они опять ушли в глухую оборону. И здесь мы сталкиваемся с большой проблемой для нас, академических историков: как нужно написать работу? Потому что если написать ее сугубо академически, то книжка будет написана, а общественного факта нет. Она не будет замечена. Если написать ее с провокацией и агрессивно... Мне кажется, что, если делать так, то максимально аккуратно.

Георгий Касьянов. Но тогда не будет провокации.

Алексей Миллер. Нет, ты можешь спровоцировать, а потом написать: «Здесь я специально заостряю тезис, я сознательно делаю акцент только на одной вещи, но я просто хочу, чтобы мы это обсудили».

Георгий Касьянов. Здесь есть проблема, потому что если ты обращаешься к научному сообществу...

Алексей Миллер. Может быть, можно это разделить: опубликовать очень обстоятельную и скучную работу в академическом издании, а другую статью — в популярном журнале, с отсылкой к той, первой, обстоятельную и с документами. Но я хотел сказать, что если уж ты делаешь провокацию, то желательно минимизировать негативные стороны. Что здесь важно? На примере Польши мы видим очень хорошо структурированное, в том числе, и на медийном уровне, общество. Кстати, книжку эту выпустило католическое издательство «Знак». Дальше дискуссию начинает «Газета выборча», и есть СМИ, которые за одну сторону, и которые за другую. В этой дискуссии очень важно то, что хотя они друг друга жутко не любят, они при этом слышат друг друга и полемизируют. Имеют место и передергивания, и тенденциозность, не без этого. Но они друг друга не игнорируют, и происходит диалог.

И это как раз то, чего в России и в Украине очень не хватает, потому что здесь каждое из изданий делает вид, что других вообще не существует. При том, что я слежу и понимаю, что вот эта статья написана в ответ на мою статью. Но он не упомянет это и не скажет, где была напечатана моя статья. Он просто будет сознательно и систематически излагать прямо противоположные тезисы. Это культура дискуссии, которая как раз и начинает формировать у людей возможность мыслить нелинейно и понимать сложность проблемы.

И после этого мы можем перейти к проблеме Советской власти. Когда в России обсуждается «бандеровщина», да и не только в России, но и в некоторых восточных областях Украины — знаменитый памятник в Крыму, который называется «Выстрел в спину», о нем есть статья Андрея Портнова в «Отечественных записках». Это образ нашего солдата, который пришел освободить от фашизма, и освободил, а ему в спину стреляют эти подлюки. Или приехала ни в чем не повинная учителька из Луганска или из Харькова, а ее пристрелили бандеровцы. И здесь бандеровцы выступают совсем как нехорошие люди. Но нужно понимать, что у нормальных, не каких-нибудь тоталитарных-интегральных националистов, а у нормальных людей на Западной Украине были все причины ненавидеть советскую власть. Мы уже говорили: для того чтобы отнять обратно землю у крестьян, загнать их в колхозы, нужно было людей на Восточной Украине морить

голодом. А на Западной Украине об этом знали, кстати, и ничего хорошего от советской власти не ждали.

Георгий Касьянов. Но сначала она их приятно удивила, когда только пришла.

Алексей Миллер. Да. Но тогда и не было массовой активной борьбы, в 1939-1940. А в 43-44-ом, когда идет Красная Армия — это ведь не только измученный солдат в сапогах и пилотке, который борется с фашистами — за ним идет еще и особист, который, во-первых, терроризирует этого солдата, во-вторых, начинает устанавливать Советскую власть и сейчас начнет разбираться на месте.

Георгий Касьянов. Армия-то движется, а НКВД остается.

Алексей Миллер. Да. И когда мы говорим об этом, нужно понимать, что бандеровцы борются с НКВД лютыми методами, и НКВД с бандеровцами - тоже. И провокации есть. Мы понимаем, что попытки апологетов УПА приписать все акты террора против мирного населения переодетым в бандеровцев НКВДшникам - это неправда и гнусность, но то, что такие попытки были — это смешно отрицать, потому что это система.

Георгий Касьянов. И они документально зафиксированы самими органами.

Алексей Миллер. И самое трагическое положение — у человека, который, может быть, и хотел бы остаться в стороне, но его никто в покое не оставит. К нему придут бандеровцы и возьмут еду, затем придут НКВДшники и объяснят ему, что он поступил нехорошо, доступными им методами, и еще объяснят, что они с ним сделают, если он не донесет — и дальше понятно, что он либо убежит к бандеровцам в лес, либо они его убьют раньше, заподозрив, что он сотрудничает с НКВД, либо НКВД его убьет, когда он в следующий раз не донесет — и этот человек, который пытается остаться вне всего этого, может только зарыться в землю. У него нет пространства для спасения, и это чудовищная трагедия. В этом смысле, когда эти люди в лесах борются с НКВДшниками, здесь нет «хороших парней». Можно сказать, что те, которые сидят в лесах, более героические, потому что у них нет шансов на победу. Но они не «хорошие ребята», потому что степень их загнанности и озверения не становится меньше. То, что они делали в 1942-1943 годах, не отменено тем, что они потом делали в 1944-1948. Это озверелая борьба с обеих сторон, пытки, весь ужас партизанской войны и борьбы с ней.

Георгий Касьянов. Ну, здесь все-таки есть динамика. Нельзя распространять это на весь период, потому что было время, когда УПА существовало как организованная сила и как достаточно дисциплинированная, которая подчинялась каким-то законам армейской системы, а потом, если ты говоришь об отдельных подразделениях, которые существовали в подполье и в тяжелом положении, то это уже позже.

Алексей Миллер. Кстати, если мы говорим о теме оценок, то в Украине, в основном, Западной, памятники — это в основном не памятники жертвам, а памятники героям. Потому что когда мы видим памятник, на котором написано, что в этом селе НКВД убило (по основательному и неосновательному подозрению в сотрудничестве с бандеровским движением) 60 человек, а такие памятники есть, то это в честь памяти убитых людей. И с такими памятниками у меня нет проблем. А есть памятники героям, и это совсем другое. Если мы двинемся чуть дальше на Запад, то в Польше недавно поставили памятник Огню, командиру партизанского отряда, и про него не только евреи, но и словаки (а он действовал на польско-словацком пограничье) могут сказать много такого, что никак не позволяет его героизировать. И, что для России особенно актуально, когда мы говорим

«Красная Армия», то эмоционально это выглядит так: солдатик, который пропахал столько за 4 года, идет, страдает, мучается, побеждает. Но мы же не идентифицируем себя с НКВДшниками, которые идут сзади этого солдата и стоят за ним с пулеметами. Мы понимаем, что это «плохие ребята». Но именно с ними во многом и борется бандеровское движение.

Георгий Касьянов. Да, в первую очередь с ними. Потому что с армией бороться не было сил. Армия прошла, прокатилась и пошла дальше, на территории Западной Украины она не стояла. А с НКВД борются. Только потом уже части армии стали привлекаться для борьбы с бандеровцами.

Алексей Миллер. Бандеровцы борются вообще с носителями советской власти. И здесь совершенно без разбора - в том смысле, что учительница — это носитель советской власти, какой-нибудь комсомолец, которого прислали делать колхоз, — тоже, и убьют его часто с воображением и фантазией. Во время войны УПАвские отряды и красные партизаны действуют практически на одной территории, и они тоже относятся друг к другу очень плохо, и это получается такая война всех против всех.

Георгий Касьянов. Я бы еще добавил один очень важный момент - что именно с подачи Советской власти на территориях Западной Украины можно отследить четкий элемент именно гражданской войны, когда она была уже территорией Советского Союза, а гражданская война предполагает определенный уровень жестокости и отсутствие каких-либо сдерживающих факторов: учительница или нет, молодой или старый, женщина или ребенок — гражданская война — это когда уничтожают часть общества...

Алексей Миллер. Я думаю, что в завершение стоит сказать вот о чем: переосмысление истории военных лет необходимо и в Украине, и в России. Здесь возникают две опасности. Во-первых, переосмысление не должно превращаться в пересказывание советского мифа о войне методом «от противного», то есть по принципу – все, кто раньше были «хорошие», теперь будут плохие, а «плохие» станут хорошими. Важно понимать, что ревизии подлежит сама оптика, сам способ нашего видения этого прошлого. Во-вторых, важно понять, что тот путь ревизии, который демонстрируют сторонники исторической политики, ущербен. «Ревизия», которая проводится в рамках исторической политики в Украине, вовсе не принесла даже тех плодов, на какие рассчитывали ее инициаторы. Она не объединила общество на базе нового мифа, а усугубила раскол по вопросам исторической памяти о войне. И произошло это именно потому, что в основу был положен принцип «смены знака», а не более углубленного и нюансированного понимания. В этом смысле в российском контексте отстаивание позиции «не допустим ревизии» тоже принесет эффект, противоположный ожидаемому. Если тема перестает быть предметом переосмысления и дискуссии, она не будет выполнять даже той функции легитимирующего «мифа», которая ей предписана. В-третьих, при ревизии темы войны в Украине в рамках национализирующего нарратива очень сильно нарушаются пропорции. Опыт одной части украинцев (западных областей) становится главным фокусом внимания в ущерб опыту других украинцев. Опыт этих других украинцев нуждается в ревизии вместе со всем советским мифом. Советская армия превращается, как ни странно, в русскую армию там и тогда, когда речь идет о постыдных сторонах ее деятельности. Если обсуждается обращение с немецкими женщинами, массовые изнасилования, то это выглядит как проблема, касающаяся только русских. Сражались русские, украинцы и другие вместе, а женщин в Германии одни русские обижали? В НКВД, в том числе в отрядах, которые боролись с УПА, – одни русские разве были? Если они пытались выдавать себя за бандеровцев, совершая репрессии против местного населения, – они на каком языке говорили?

Если мы описываем войну как ужасное время, то одна из главных причин этого ужаса в том, что и украинцы, и русские были по разные стороны в этой борьбе, каждый был по своему жертвой и часто был одновременно виновен в насилии по отношению к другому (я имею в виду мирное население).

Георгий Касьянов. В общем, любой наш вывод, связанный с необходимостью выхода за рамки стандартного национального нарратива и политики истории, будет позитивным с точки зрения профессии. Все побочные эффекты, порожденные редукцией многообразия фактов, факторов, суждений, взаимодействий и взаимовлияний — не буду продолжать список, он слишком длинен, — с редукцией до крайне ограниченных рамок национализированной истории и связанной с ней исторической политики — все эти побочные эффекты особенно ощутимы, когда речь заходит о периодах, связанных с экстремальными ситуациями и соответствующими формами социального поведения. История войны в этом смысле особенно показательна. Я уже упоминал, что в современной украинской историографии есть историки, способные выйти за рамки национализированной истории, однако их интеллектуальное влияние ограничивается узкой сферой профессионального историописания. Может быть, именно то, что они не лезут в политику, и оберегает их от профанации и создает перспективу на будущее. Наш с тобой обличительный пафос по поводу примитивизации истории как профессии и общественных угроз, провоцируемых исторической политикой, понятен нам самим, но вряд ли будет понятен тем, кому он адресован. В каком-то смысле мы попадаем в ситуацию «не могу молчать». Мы не молчим, но у меня впечатление, что мы говорим сквозь стеклянную стену, и если кто и захочет послушать, то скорее будет читать по губам.

Алексей Миллер. Ты мне этими словами напомнил об одном сюжете, который непременно нужно здесь упомянуть. Те две темы, о которых мы решили поговорить, прежде всего – голод 1932-33 гг. и война – именно эти темы стоят в центре современной исторической политики в Украине, и в центре внимания такого специфического инструмента этой политики, как Институт национальной памяти. И когда ты говоришь о «стеклянной стене», я думаю, например, о сотруднике этого Института и советнике председателя Службы Безопасности Украины Владимире Вятровиче, который занимается глорификацией УПА, ОУН и их лидеров - Бандеры и Шухевича. Некоторое время назад он опубликовал книгу об УПА, где многие документы, неудобные для его концепции, были проигнорированы, где он использовал как подлинные те документы, которые были подделаны после войны теми, кого они дискредитировали в своей оригинальной версии. Ему указали на эти ошибки в рецензии, авторы которой подарили ему «привилегию сомнения». То есть они не обвинили его в сознательной фальсификации, но трактовали это именно как ошибки. И вот когда он просто проигнорировал эту рецензию – все стало на свои места. Он занимается не историей, а исторической политикой. Он нас не услышит, а если услышит, то без зазрения совести проигнорирует. У нас в России точно так же ведут себя некоторые историки, например, Александр Филиппов. Им не важно, что им говорит профессиональная критика. И нас они слушать не будут. Но ведь не к ним мы обращаемся, но к тем, кто хочет слушать, пусть и не соглашаясь, слушать и обсуждать, не только в стремлении доказать свою правоту, но и в стремлении понять оппонента.

Георгий Касьянов. Я бы еще упомянул напоследок, что на уровне межгосударственных отношений изменения в исторической политике также обозначают некие не слишком обнадеживающие тенденции: вплоть до дипломатических конфликтов. Если в России набирает силу (в рамках официального нарратива) реставрация советской мифологии о войне, то в Украине в рамках той же официальной истории имеется прямо

противоположная тенденция вплоть до формирования контр-памяти. Результат — конфликтующие нарративы и соответственно — конфликт в области политики истории. Причем обе конфликтующие стороны, в общем-то, подобны в своих подходах, методах пояснения и выборе средств доказательства. И вот здесь у историков, исповедующих верность базовым принципам профессии и профессиональной этики, есть серьезные возможности для позитивного действия. Мне кажется, наши беседы и есть такое действие: мы можем говорить о «конфликтных зонах» истории, не вступая в конфликт, враждебный по своей природе. Как частный пример, который можно предъявить обществу: история войны не становится войной историй.

Россия-Украина: как пишется история

Беседа Алексея Миллера и Георгия Касьянова.

Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы

21 апреля 2009, 08:36

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/04/21/ukr/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работает государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентификаций – российско-украинская история, – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Части публикуются не в порядке последовательности обсуждаемых событий - третья часть беседы содержит разговор о периоде XVII – начале XVIII вв.

См. также:

Часть 1: Голодомор

Часть 2. Вторая мировая война

Мы отступаем от хронологического принципа в публикации диалогов, а помещаем их просто в порядке готовности...

Миллер. Сегодня разговор пойдет о Хмельницком, о периоде гетманщины и, может быть, дойдет до Мазепы. Мы оба не являемся специалистами по этому периоду, но может быть, это и не самое важное, потому что он достаточно хорошо изучен, в этом его отличие от Второй Мировой войны, голодомора и т.д., но при этом период имеет достаточно длинную историю политических манипуляций с ним. Вопрос в нарративе: как эта тема использовалась в худшем смысле этого слова и при Советской власти, и сегодня в Украине и в России, потому что очевидно, что эта тема была и будет политической - и в XIX веке, и в XX, и в XXI-м. Можно выделить три главных нарратива: официальный нарратив российской историографии имперского периода, который говорит о Хмельницком как об объединителе разорванных частей русского народа, т.е., великорусского, малорусского, как о борце с полонизмом — и здесь и лях, и ксендз этот

полонизм олицетворяют. Далее - мне кажется, что это не очень акцентировалось, но тоже было — борец с еврейством в определенных кругах. Все это очень хорошо отразилось в проектах памятника Хмельницкому — того самого, который и до сих пор стоит на Софийской площади в Киеве.

С этим памятником связано много интересных историй, во-первых, слова «Богдану Хмельницкому — единая и неделимая Россия». Михаил Юзефович, малоросс и лютей противник украинских националистов в 1860-1880-е годы, придумал эту формулу, которая потом получила другой смысл — неделимости империи. Когда это писалось на памятнике, имелось в виду — от России «русской», которая объединяла великороссов, малороссов и белорусов, то есть она единая и неделимая именно в этих своих трех частях.

В проекте памятника Хмельницкому изначально конь попирает ляха, потом он был преобразован в иезуита.

Касьянов. В модели памятника, которая сохраняется в Русском музее в Петербурге есть еще одна фигура - это еврей («жид» - в терминах того времени), который лежит за лошадью. Т.е., передние копыта как бы топчут ляха и иезуита, а еврей — архетипическая фигура - лежит уже поверженный и растоптанный сзади.

Я бы сказал, что в советском нарративе о Хмельницком присутствовало еще несколько сюжетов: первое — это воссоединитель, хотя слово «вос-соединение», если я не ошибаюсь, появляется в 1954 году, а до этого звучало по-другому, слова «присоединение» не стеснялись. Второе — борец за социальное освобождение, третье — борец — и это тоже в какой то степени переписано из имперского нарратива — с иностранным поражением, в данном случае, с польским, и окатоличиванием.

Миллер. Антиполонизм в разные периоды акцентировался больше или меньше. После Второй мировой, конечно, меньше. Отчасти снимался тот мотив, который был заметно сильнее в XIX веке, — мотив защиты православия. Но понятно, что все приключения Хмельницкого как персонажа далеко не закончились. И хорошо бы ты рассказал, как выглядит сейчас Хмельницкий в украинском нарративе.

Касьянов. Если вернуться к памятнику, то интересно, что булавой сначала Хмельницкий показывал вверх, в небо...

Миллер. А потом на Москву.

Касьянов. Да, это интересное изменение. Если говорить о советском нарративе, то интересно, что до 1954 года говорили не о «воссоединении» Украины с Россией, а о «присоединении Украины», и ни у кого это не вызвало никаких идеологических коннотаций, и это считалось нормальным: младший брат присоединился к старшему. А в 1954 году появилась концепция «воссоединения». Когда то ничего об этом, кроме брошюры М. Брайчевского «Присоединение или воссоединение?» не было, а важность терминологии здесь неоспорима — сейчас, когда пишут об этом периоде, разговор о том, «что это было» — 1654 год — обязательная часть дискуссии, конечно же с уклоном в тему «равный с равным». Говоря о советском периоде, очень важно вспомнить о том, что Орден Богдана Хмельницкого для военачальников появился именно в этот период Великой Отечественной войны.

Миллер. И он единственный, который воспевае персонажа не русской истории.

Касьянов. В современной Украине тоже есть орден Богдана Хмельницкого, тоже для военных. Когда мы говорим об эпохе перехода от суверенизации к независимости Украины, т.е. от советской суверенности 1990 года к независимости постсоветской, то интересно, что тот новый конституирующий миф Богдана Хмельницкого как теперь уже борца за независимость Украины и творца независимого казацкого государства — прообраза всех последующих государств — является и наследником советского мифа. В-первых, момент социальной борьбы - учитывая интеллектуальное прошлое большинства украинских историков, которые продолжали или начинали писать о Хмельницком в 90-е годы, но были воспитаны - или были учениками все тех же воспитанных советской властью историков, и они этот социальный момент, вместе с представлением об общественно-экономических формациях, конечно, унаследовали. Остался из советской мифологии и очень сильный антипольский элемент, т.е. поляки остались поработителями, колонизаторами, иноверцами, которые пытались ассимилировать украинцев, а Богдан Хмельницкий им этого не дал сделать. А полный разрыв с советской традицией — это отрицание при- и вос-соединения.

Миллер. Поразительным образом, есть еще один элемент преемственности с советской традицией и разрыва с дореволюционной: то, что Богдан Хмельницкий делал именно с Украиной, — это ведь советское. И теперь он тоже делает что-то с Украиной, но это уже унаследовано из советского времени.

Касьянов. Формально — да, но по содержанию это совсем другое, потому что Украина сегодняшняя и советская — это все-таки, несмотря на колоссальное количество рудиментов «советскости», две разных страны.

Миллер. Да, но если мы начнем заниматься реконструкцией, то поймем, что ни о какой Украине там речь не идет.

Касьянов. Это понятно. Но если уж говорить о методологии, то телеология как схема выстраивания непрерывной последовательности присутствует в украинском национальном мифе, так же, как и в советском. Если вернуться к тому, что происходит с Хмельницким в украинском национальном нарративе, адаптированном в рамках так называемой «школы Грушевского», к потребностям национального государства в 90-е годы, то очевидно, что Богдан Хмельницкий превращается в национального героя, героя национальной истории, в фигуру, которая входит в пантеон именно национальной истории и творцов нации. Б. Х. создает государство, и то, что он создал в середине XVII века, получает в трудах нынешних историков атрибуты полноценного государства, таким образом, он становится отцом-основателем новой государственности, отличной от княжеской, которая тоже причисляется к украинской государственности. Во-вторых, он становится основателем некой исторической традиции, связанной с защитой национальной культуры и национальной религии, и, в-третьих, он становится освободителем от национального ярма, но это уже часть советской мифологии, адаптированной к новым условиям. Дальше идет разветвление, конкретизация и детализация того, что он делает. Пожалуй, самой экстремальной формой нового образа Хмельницкого и его эпохи является тезис о том, что он возглавил украинскую национальную революцию в середине XVII века, творцы этой концепции о национальной революции — В. Степанков и В. Смолий — в каком-то смысле положили в основу «теорию социалистической революции», о чем очень язвительно и достаточно остроумно написала Наталья Яковенко в рецензии, где она продемонстрировала, как то, что заложено в головах у исследователей еще в советское время: структуры, объяснения, интерпретации - транслируется в рамках национального мифа, являясь все теми же советскими структурами: «верхи не могут, низы не хотят», «триумфальное шествие», и

т.д. Но здесь мы говорим о профессиональных историках. Непрофессиональные историки, сосредоточенные в Институте стратегических исследований при президенте Украины Кучме попав под скромное очарование этой идеи, в 2003 году — год России в Украине — издадут брошюру. И они оценивают не чтонибудь, а Переяславскую Раду, и оценивают ее решения и то, что случилось после Переяславской Рады в контексте личности Хмельницкого и его времени. И вот они — несложно угадать в этих людях тех, кто так и не вырос из шинели «научного коммунизма» — пишут о том, что Богдан Хмельницкий создал прообраз президентской республики в Украине в середине XVII века — Украина уже существует, само собой! — и что он создал украинское государство, это понятно. Тут же они говорят, что он создал и парламентскую республику... Говоря об «украинском государстве» середины XVII века, они утверждают, что в этом государстве был создан бездефицитный бюджет, ну и со ссылкой на Степанкова они утверждают, что казачество Украины — это некий фермерский класс. Т.е. выстраивается, с одной стороны, очень привлекательная и соблазнительная картина существования буржуазного и капиталистического государства в середине XVII века, когда в тех государствах, которые являются «пионерами» капитализма — Нидерланды, Англия и Франция — они еще «отдыхают», а в Украине уже все есть. Это старая традиция «быть впереди планеты всей» тянется еще со времен создания национальных историй в XIX веке — ее «римейк» характерен для многих постсоветских государств, пытающихся реализовать «проект модерности», т.е. национальный проект в эпоху глобализации. Вы это найдете практически во всех странах на просторах бывшего СССР.

Миллер. Конституция еще.

Касьянов. Конституция Пылыпа Орлыка - это немножко позже, но это вещи одного порядка. Т.е., это модернизация истории под потребности сегодняшнего дня. Таким образом, Украина оказывается на передовой всемирного прогресса, и это делается с помощью достаточно нехитрых приемов — того, что можно назвать анахронизмами: берутся понятия из современности и экстраполируются в прошлое. И все это делается, в частности, на примере Богдана Хмельницкого и его эпохи.

Миллер. В том, что ты сказал, есть несколько тем. Первое — это какими словами мы можем рассказать о том, что там происходило. Хорошо, не государство — а что? Не революция — а что? Не воссоединение — а что? Это первое. Вторая тема — это смысл Переяславской Рады. Потому что мы хорошо знаем: каждый раз, когда речь заходит о ней, с украинской стороны говорят, что мы же договаривались про автономию и равноправное партнерство, а ваши лютые бояре приехали и сказали, что царь присягать не будет, потому что не приучен, и как потом тираническая Россия растоптала казацкие представления о демократии. Темы взаимосвязанные, но отдельные. Что касается смысла Рады, то, в моем представлении, нужно понимать, что есть два партнера, которые обладают разным весом и находятся в заведомо разном положении. Хмельницкому это неравное партнерство нужно, даже если оно ему и не нравится, потому что ему одному не выстоять против поляков. И дальше с его стороны начинается торг — сохранить как можно больше самостоятельности. При этом у другой стороны, которая с сомнениями, постепенно, втягивается в эту войну — не будем забывать, что она происходит всего через 20 лет после Смоленской войны, когда все силы, собранные Московским государством, не помогли отвоевать Смоленск у поляков, для которых это была периферийная война... Понятно, что Москва тоже не может диктовать свои условия слишком жестко, ей тоже нужен Хмельницкий, но чем больше двусмысленностей, тем лучше, потому что по мере того, как баланс сил будет проявляться все с большей отчетливостью, можно будет давать ту интерпретацию этому соглашению, которую Москва считает нужной, и на самом деле у меня ощущение, что обе стороны это прекрасно понимают. Т.е. это не то, что

Хмельницкий и казаки искренне верят в то, что они так договорились и получили все, что хотели, и так будет дальше — они будут еще много метаться и искать, где бы найти какого-нибудь другого патрона, который будет подальше и чья хватка будет не такой жесткой. Т.е. они и к Крымскому хану пойдут, и к полякам, тут нужно сказать, что свобода их маневра будет все время уменьшаться, в том числе, и потому что фактор религиозной близости и общности имел значение.

Касьянов. Очень большое.

Миллер. Что уж там говорить. С басурманами или с католиками все-таки простодушные люди из рядовых не очень хотели иметь дело. И в этом смысле любопытно было бы подчеркнуть, что тема воссоединения начнет эксплуатироваться очень скоро — буквально через 20 лет — в 1670-е годы. «Синописис» — книга, которая была главным изложением исторического нарратива в течение всего XVIII века и даже в XIX-ом веке — была написана в Киеве. Ее ведь пишет настоятель Печерской Лавры, Иннокентий Гизель, и он преследует какие-то свои интересы.

Касьянов. Или же отражает чьи-то.

Миллер. Ну да. И если речь идет о «едином славено-русском народе», то шансов у элит Германщины на то, чтобы «вписаться» в элиту Московского царства на выгодных для себя условиях, становится больше.

А что касается государственности, революции или т.д., я не знаю, есть ли эта книжка на украинском языке, на русском ее, к сожалению, нет — у Сергея Плохия есть очень маленькая брошюрка («Tsars and Cossaks. A Study in Iconography». (Cambridge, Mass. 2002) об иконе Покрова Богородицы. Икона интересна тем, что там всегда отражались патроны и заказчики, поэтому там много «пиара». Но первые 20 страниц книги — это очень удачное, на мой взгляд, близкое к идеальному изложение того, что происходило в то время: очень аккуратно, нет никакой Украины, нет никакого государства. Есть казачество, довольно сложные его отношения с местным населением — казаки с ним себя совсем не идентифицировали — и Плохий подчеркивает, что как только казаки осознали себя самостоятельной элитой, то один из экзотических шагов, которые они тут же предприняли, — это попытка вывести свою казачью родословную из хазарского каганата, что во многом было копированием сарматского мифа. Т.е. мы другие, наше происхождение другое, наше элитное положение опирается на наши завоевания силой оружия. Отсюда, конечно, никакой украинской национальной революции быть не может.

Второе: он говорит о политике: это удобное слово, которое позволяет избежать понятия государства, иногда его стоило бы употреблять даже и по отношению к современности, ведь у нас есть такое понятие как failed state, которое придумали современные политологи для тех образований, которые обладают государственностью, а государства при этом нет, но эти образования претендуют на статус государства или даже им обладают... Тогда ведь не было интересубъективного подтверждения статуса государственности вроде «приняли в ООН», и очевидно, что все, с кем элиты Гетманщины ведут переговоры, воспринимают эти переговоры как переговоры о подданстве, вассалитете Гетманщины.

Кстати, Плохий предлагает очень простой способ оценки этих вассальных отношений, которые возникли в результате Переяславского договора, — сравнить положение Гетманщины на левом берегу Днепра и той части Гетманщины на правом берегу, которая осталась под властью Речи Посполитой, во второй половине XVII в. О положении на

правом берегу говорит само название этого периода – Руина. Хорошо бы эту книжку на русский перевести. А по-украински она есть?

Касьянов. Я тоже не знаю, есть или нет. Плохий имеет легитимное право как специалист в этом периоде формулировать, хотя такие же подходы присутствуют у людей, которые не являются специалистами в этом периоде, но являются специалистами в историографии. Если вернуться к тем темам, которые ты очертил, а именно — Переяславская Рада и что это было, то нужно добавить, что есть очень обширная историография с самыми разными интерпретациями: от военно-политического союза до вассального договора...

Миллер. Но, кстати, это же не взаимоисключающие вещи. Потому что вассальный договор предполагает определенные военные обязательства, причем с обеих сторон — вассала и сюзерена.

Касьянов. Вот я как раз и хотел к этому перейти. Потому что когда разговор о том, что это было — государство или не государство, — заводится в рамки национальной схемы, то происходит очень опасная и непродуктивная, как мне кажется, редукция темы и заведение ее в очень узкий методологический коридор, где присутствуют термины и понятия, которые совершенно отсутствовали, когда жил Хмельницкий, и опасность в том, что Хмельницкий и люди в его окружении оказываются людьми с инстинктами, привычками и мыслями людей XX века, что является грубейшим нарушением современных правил исторического ремесла. Если вернуться к тому, что же это было: и Рада, и действия Хмельницкого в это время - мне кажется, что правильнее всего рассматривать это в рамках системы лояльностей, которые существовали в то время. А в то время существовала система лояльностей, которая изначально строилась на отношениях сюзерена и вассала, разумеется, с «местными вариациями». А Богдан Хмельницкий и возглавляемые им воеводства, выделенные в некую полуавтономную структуру — разве не напоминает принцип наделения земель за службу? Пусть даже они попали под его власть в результате войны. А то, что он пытался придать им статус княжества... Здесь очень важно иметь в виду, что Хмельницкий существовал в системе статусных отношений — а статус был даже важнее, чем финансовое могущество или материальное положение — он не был государем и не был сюзереном, т.е. его статус был очень расплывчат и непонятен. Грубо говоря, по своему общественному статусу он был вассалом польского короля. И когда произошло то, что произошло, если читать документы, то становится понятно: идет речь об управлении какими-то территориями, а не о том, что он является их хозяином. Да и во время Переяславской Рады — тоже достаточно загадочного события — у него не было нормального статуса, в котором он мог бы выступать, как сейчас говорят, как «юридическое лицо», поэтому Переяславский договор — в какой-то мере это и выяснение собственного статуса, на каких основах происходит договоренность, кто он? Он представляет собой войско Запорожское — вот как это называлось: никакая не Украина и не княжество Русское, а он представляет собой военную единицу, которое организовывалась по системе полков и сотен, и т.д.

Миллер. Да, ведь полки в этой системе — это не только военные, а еще и административные единицы и территориальные образования.

Касьянов. Да. И он это войско возглавляет, он гетман этого войска. И в системе отношений между сюзереном и вассалом он где-то посередине. Он ищет сюзерена. Польский король как сюзерен его не устраивает, и он ищет другого. А это были двусторонние отношения: если вассал шел на службу к сюзерену, то и сюзерен брал на себя определенные обязательства. Вот в этой плоскости, мне кажется, и стоит искать суть этого трактата, оригинал которого, кстати, не сохранился.

Миллер. В качестве зацепки на будущее: этот сюжет окажется очень важен для понимания отношений между Петром и Мазепой.

Касьянов. Безусловно. Тем более что Мазепа был избран не без содействия князя Василия Голицына, который ходил на Крым. Если двигаться дальше и входить в эту плоскость, в те отношения и системы лояльности, которые существовали в XVII веке и до него, то тогда картина жизни самого Хмельницкого и его эпоха выглядит гораздо более многопланово и интересно, чем этот одноцветный национальный нарратив.

Миллер. Что это было? Государство или полития?

Касьянов. Сказать, что это совсем не было государство, тоже нельзя: там были элементы государства: армия, судебная система, какая-то финансовая система, хоть и не в наших понятиях, были какие-то нечеткие, неопределенные, но все-таки границы, можно сказать, что православие было неким прообразом идеологии, которая объединяла элиту этого государственного образования, но сказать, что это было полноценное государство в современном понимании этого слова, в понимании, которое возникло после XVIII века, после появления рационального бюрократического государства, после появления национального государства и соответствующей системы понятий, — представляется невозможным. Это все тот же анахронизм, трансляция современных понятий в эпохи, несообразные с этими понятиями, втискивание фрагментированного, культурно гетерогенного раннемодерного мира в рамки мира современного.

Миллер. С моей точки зрения, это не было государство вообще. Ты говоришь, что были элементы политической организации - некая судебная система... Ты о каком периоде говоришь?

Касьянов. О периоде Хмельницкого, когда это все создавалось.

Миллер. Т.е. на самом деле, ты говоришь о 6-7 годах.

Касьянов. Ну да, примерно десятилетие.

Миллер. И при этом военное время.

Касьянов. Да, безусловно. Т.е. это постоянный стресс, но в то же время — серьезный стимул к мобилизации и организации.

Миллер. Когда ты говоришь о финансовой организации, — это о чем? О системе выемки денег и мобилизации ресурсов?

Касьянов. Да. О налогах, грубо говоря. Одни платят налоги, другие — нет. Казаки не платят, «гречкосеи» — платят. И это тоже важный аргумент в пользу того, что никакой национальной государственности быть не могло.

Миллер. Почему?

Касьянов. Хотя бы потому, что они не принадлежали к одной нации именно в рамках того понимания нации, которое существовало в то время. Когда польская шляхта и аристократия признала польских крестьян соотечественниками?

Миллер. Но они не принадлежали не потому, что одни платили налоги, а другие - нет.

Касьянов. Потому что для казаков как сословия и элиты крестьяне не были частью «мы», и вообще не были в полном смысле людьми. И в этом смысле казаки не сильно отличались от какой-нибудь польской шляхты. Конечно, их объединяло с крестьянами то, что они были одной веры, но в социальном плане они мало отличались от шляхты, они просто заняли ее место...

Миллер. Нет, кое в чем они сильно отличались от шляхты.

Касьянов. В социальном плане?

Миллер. Да.

Касьянов. Ну, конечно, они были немножко ближе...

Миллер. Нет. Они отличались в том, что у шляхты был неоспоримый статус, а у них — не было.

Касьянов. А, в этом смысле — да.

Миллер. Поэтому мы можем сказать, что казаки хотели думать о себе как о шляхте, и для них основная мечта - «выбить» себе статус члена вот этого сословия.

Касьянов. Здесь еще один момент: есть шляхта, есть казаки — так называемое «рыцарское сословие», и есть старшина — еще одна надстройка в той иерархии. И мы видим, что здесь сама собой выстраивается все та же феодальная иерархия или ее суррогат, которая была характерна для этого времени, независимо от того, «национальное» это было образование или нет.

Миллер. Важно подчеркнуть, что мы говорим о том времени, в котором нации еще нет, а если что-то и называется этим словом, то под ним понимается дворянство. Польская нация — это польское дворянство. Нацию унгарика — это венгерское дворянство. Крестьяне туда совершенно не входят. Соответственно, мы можем представить себе, что казачество старалось сформулировать себе какую-то свою концепцию нации, но она заведомо не была украинской и, наверное, не была современной.

Касьянов. Она вообще не была этнической.

Миллер. Да, тем более что мы знаем, насколько этнически были смешаны сами казаки. В очень большой степени они не были «местные люди». Там кого только не было. В связи с Хмельницким мы можем найти в исторической литературе вполне адекватные описания того, что это было, - и с российской, и с украинской стороны. У них будут какие-то отличия, которые свидетельствуют о национальных предпочтениях, но в целом это ситуация, когда есть адекватное историческое знание о предмете, и это адекватное историческое знание систематически игнорируется в политизированных доминирующих нарративах, в тех, что транслируются через учебники и т.д.

Я бы еще хотел задать тебе один вопрос: роль Хмельницкого... даже не в нарративе, а, если угодно, в украинских нарративах, потому что понятно, что украинский нарратив не един, потому что есть какой-то официальный нарратив, который транслируется в учебники, но при этом понятно, что есть свои представления на востоке...

Касьянов. Потому что это разные истории.

Миллер. Ну да. Но при этом важно, что Хмельницкий — это почти единственная фигура, харизматическая, важная и, в общем, приемлемая. Я знаю, что есть достаточно маргинальные голоса в Украине, которые говорят, что Хмельницкий — это нехороший человек, «отдал Украину москалям»...

Касьянов. Да, это еще со времен Шевченко. Но если говорить о пантеоне, то в целом он вполне приемлем и для запада и для востока страны.

Миллер. При том, что разные элементы Хмельницкого будут акцентироваться. Еще очень важно, что к Московскому царству того периода с очень большой осторожностью можно применять понятие империи. Потому что если мы попытаемся представить историю возвышения Москвы как имперского центра, то мы должны будем сказать, что в начале XVII века у Москвы есть все шансы превратиться в периферию других империй — Польской, Шведской и т.д., - и ядро будущей Российской империи вполне может попасть под контроль каких-то других империй. Затем у нас есть период до середины века, практически до Хмельницкого, когда военный потенциал, особенно на Западе, у этого Московского царства очень скромный, свидетельством чему является Смоленская война 1632-34 гг.. И Хмельницкий, и все, что с этим связано, — это начало тектонического сдвига, и среди прочего эта история учит нас одной важной вещи: когда мы смотрим на процессы возвышения и упадка империй, мы должны понимать, что роль в этом принадлежит не только тем или иным центрам, но большую роль играют периферийные элиты тех пограничных пространств, за которые идет борьба. И в этом смысле можно сказать, что Хмельницкий парадоксальным образом был одним из созидателей Российской империи. Он сдвинул этот баланс.

Касьянов. Ненадолго.

Миллер. Почему?

Касьянов. Потому что потом он пошел в сторону поляков, потом опять...

Миллер. Ну, в сторону поляков он уже сильно не пошел.

Касьянов. Во всяком случае, прецедент был создан...

Миллер. Ну, хорошо... Хмельницкий, его сын Юрий Хмельницкий, Иван Выговский... Ребята искали, где им лучше.

Касьянов. В очень сложной ситуации.

Миллер. Да. И у каждого были свои резоны. Они метались - а кто бы не метался на их месте? Но если граница влияния Москвы в 1648 г. проходит восточнее Смоленска, то уже в 50-е годы она простирается до Днепра.

И здесь можно уже перейти к другой фигуре, с другой историей — к Мазепе. С ним происходят гораздо более серьезные переломы нарратива. Понятно, что средний человек знает о Мазепе то, что он предал Петра и он нехороший человек. И этот образ был ключевым для интерпретации Мазепы в российском нарративе. Он был черной фигурой, и, что любопытно, не только в российском нарративе, но и во взглядах малороссийского

дворянства. Не случайно потом, когда начнется это украинское национальное движение — вторая половина XIX-го, начало XX века, его противники, в поисках обидной и уничижительной клички, назовут этих людей мазепинцами. Т.е. это такой архетипический предатель.

Конечно, уже и в XIX веке в романтический период возникают совершенно другие вещи: Мазепа становится романтическим любовником, героем мифа, и это для исторического сознания большого следа не оставило. Но потом в какой-то момент он становится героем украинского нарратива.

Касьянов. Да. Это происходит как раз в конце 80-х — начале 90-х годов, когда все, что связано с отделением и эмансипацией истории Украины, выходит в ряд харизматических явлений и фигур. И Мазепа, как человек, который внутри этого национального нарратива как борец за свободу Украины, становится одной из самых важных фигур украинского национального пантеона. В 1992, когда печатаются деньги, его портрет оказывается на деньгах...

Миллер. Сколько гривен у Мазепы?

Касьянов. 10. Но там не в номинале дело, а в хронологии. 1 и 2 гривны — это князья, 5 — Хмельницкий, дальше идет Мазепа. И в такой ипостаси его период правления представляется даже как некий золотой век. В каком-то смысле это так и было, потому что был период стабильности после очень серьезного упадка, так называемой «руины», — богатела элита, богатели города. Т.е. когда говорят о Мазепе как об успешном политике и человеке, который сумел наладить жизнь, и не только свою, это правда, но когда из него пытаются сделать человека эпохи национализма, это является некорректным подходом к истории, потому что он действовал в рамках все той же системы отношений сюзерен-вассал, и бунт его против Петра начался тогда, когда началась мобилизация всех ресурсов на Северную войну, высасывание ресурсов из владений Мазепы, и стало понятно, что он должен искать себе того сюзерена, который будет уважать его как вассала.

Миллер. Мне кажется, что более точно эту проблему Мазепы излагает Татьяна Таирова-Яковлева, которая сейчас опубликовала книгу в ЖЗЛ. Она специалист по Мазепе, разыскала его архив... Ее интерпретация такая, что как раз Мазепа бы смирился с тем, что во время войны качают ресурсы, он бы и отряды предоставил — в этом смысле он был совершенно лояльным вассалом Петра. Со своей стороны Петр был лояльным сюзереном Мазепы, так как у них была договоренность, что если кто приезжает к Петру жаловаться на Мазепу, либо сам Петр отрубает ему голову, либо отдает его Мазепе. Так они и жили. Серьезные проблемы начинаются в связи с войной, но по двум другим причинам. Во-первых, после Нарвской битвы Петр понимает, что ему со шведами бороться силами прежней армии не приходится. Раз нужна новая армия, то значимость полков, которые может предоставить Мазепа, резко падает. Следовательно, падает и значимость самого Мазепы, и его лояльности. У Петра был план «почетной отставки» Мазепы. Он приготовил ему какой-то орден, чуть ли не собирался назначить его магистром Мальтийского ордена — что-то такое, очень почетное и ничего не значащее, что Мазепе уже не могло понравиться, потому что он имел гораздо больше. А дальше, если строго следовать букве того вассального соглашения, которое было заключено в Переяславле, Петр был обязан в случае войны защищать Мазепу. При этом, когда Карл стал готовиться к вторжению на эту территорию, Петр ясно объяснил, что никаких войск он туда не пошлет, потому что это не входило в его стратегические замыслы. То есть он отказался от своих обязательств сюзерена. И в этом смысле у Мазепы было полное право: «На меня идет армия, ты мне не помогаешь, давай-ка я с Карлом заключу сепаратное соглашение».

За этим стояла еще надежда найти идеального сюзерена (в случае, если Карл победит), который далеко и не будет мешать жить. Но я сомневаюсь, что Мазепа руководствовался при этом какими-то идеями относительно украинской нации.

Касьянов. Можешь не сомневаться, он не руководствовался интересами некой украинской нации.

Миллер. И в этом смысле, очевидно, что этот черный миф Мазепы, равно как и «белый»...

Касьянов. Белый — это зеркало черного — отражение со всеми знаками наоборот, и оба фальшивые.

Миллер. Мы можем сказать, что для конца XIX и потом для XX века в этом мифе Мазепы с русской стороны он играет архетипическую роль украинца-предателя. Он ведь тоже претерпевает некую модернизацию, потому что когда националистов начинают называть «мазепинцами», то его произвели в националисты. Т.е. они предатели, а он — украинский националист. Его в националисты произвели противники украинского национализма.

Касьянов. Т.е., если развивать твою мысль дальше, то нынешние историки, которые представляют Мазепу как украинского националиста, повторяют русских «имперцев», которые в свое время создали миф о Мазепе как о националисте.

Миллер. Безусловно. И главное - этот поиск конфликтного потенциала. Потому что есть, например, знаменитая в украинской истории «битва под Конотопом». Расскажи, о том, «как это делается».

Касьянов. Конотопская битва в советской историографии отсутствовала, поскольку явно нарушала концепцию «воссоединения», а потом в 1990-е годы она появилась как одно чуть ли не из центральных событий периода правления Выговского, т.е. того, что можно считать началом Руины. Событие небольшое и в рамках Московского царства, и гетманщины, но в рамках идеологии оно обретает масштабы чуть ли не одного из центральных событий, поражения России (когда корректно выражаются — поражения Московского царства), чуть ли не похода на Москву с ее последующим захватом, и т.д. Мы находим здесь по крайней мере два стандартных компонента героического военно-исторического мифа: победа малыми силами больших – якобы 150-тысячная московская армия более двух месяцев не может взять Конотоп, обороняемый лишь четырьмя тысячами казаков (они же украинцы), плюс особое военное искусство — разгром дворянской конницы.

Но самое забавное в этом — что уже в крайних интерпретациях, причем часто представленные профессиональными и квалифицированными историками, как, например, Юрий Мыщик, который является специалистом по XVII веку, правда, больше археографом, это представляется как украинско-российская война, в которой победила Украина. Куда, кстати, подевались татары, без которых победа под Конотопом не состоялась бы, а дальнейшие военные действия после битвы стали невозможны? Оказывается, под Конотопом сражались не казаки и орда против москвитов, а Украина против России... Государственные мероприятия по празднованию годовщины Конотопской битвы в Украине, по указу президента В. Ющенко проведенные, вызвали в июне 2008 г. очень нервную реакцию российского МИДа, Наверно не зря – хотя у российских дипломатов был, конечно, свой резон, который особенно не афишировался — 2008 год – пик дипломатической войны между Украиной и Россией «по вопросам истории» — правда битва то была в основном о Голодоморе.

Миллер. Давай будем называть вещи своими именами: человек, который пишет такое, в данном случае не выступает в роли профессионального историка, а только примитивного пропагандиста. Этот отец Мыщик - одна из самых одиозных фигур на украинском небосклоне на сегодняшний день, бывший секретарь партийной организации, кажется, в Днепропетровском университете?

Касьянов. Я не знаю, но это человек, который в профессиональном сообществе нормально воспринимается как археолог, который умеет читать документы, и имеет на них нюх, но когда речь заходит об интерпретации, начинает говорить символами, лозунгами и т.д. Это явление, которое, как мне кажется, заслуживает отдельного исследования: как люди, когда они работают в рамках своей узкой специализации, выглядят вполне нормальными и адекватными, а когда они вдруг входят в поле некоего доминирующего нарратива, связанного с пропагандой и идеологией, начинают уже не говорить, а вещать, и притом - довольно примитивными лозунгами. Так осада Конотопа и последующий бой превращается в битву, а дальше — в войну между Россией и Украиной.

Миллер. Мыщик для меня представляется крайне одиозной и неприятной фигурой не столько потому, что он все время говорит подобные благоглупости, а потому, что он довольно активно играет роль такого инквизиционного попа, который одергивает и пытается призвать к порядку тех украинских историков, которые, по его мнению, недостаточно патриотично освещают те или иные события. Причем он в этом смысле достаточно архетипичный боец исторической политики, потому что всегда начинает рассуждения в стиле «Вы посмотрите, что они там рядом делают — в Польше или в России, а мы что же, будем разоружаться перед ними!» И это меня в нем всегда раздражало.

Касьянов. Да. Есть и другие историки, не будем сейчас называть их фамилии, это нетрудно выяснить, которые добровольно берутся за такую пропаганду, — им никто этого не поручал, в государственной политике эта графа отсутствует, никто им не поручает делать то, другое или третье. Так и он взял на себя добровольно функцию охранителя национальной нравственности, национальных святынь... В этом смысле любопытно: на сайте Киево-Могилянской академии есть форум, на котором студенты обмениваются мнениями о профессорах. На этом форуме появилась цитата, которая якобы принадлежит профессору Мыщику, которую он якобы произнес на одной из лекций. Звучит она так: «Як шабля блисне, москаль в штани дрисне». И по этому поводу разгорелась целая полемика: хорошо или не хорошо такие вещи говорить на лекциях. Не знаю, закончилась ли эта полемика, но сам Юрий Мыщик в конце концов там выступил и сказал, что ничего подобного не говорил. Не знаю реальных обстоятельств этого дела, но тот факт, что такая полемика возникла и именно вокруг этого имени, мне кажется довольно симптоматичным.

Миллер. Возвращаясь к теме Конотопской битвы, Мазепы и т.д. Здесь существует явная асимметрия: именно в украинском случае мы имеем активную попытку мобилизации этого материала в качестве конфликтного.

Касьянов. Говоря об украинской стороне, нужно помнить, что речь идет не обо всех, а только о некой группе историков, общественных деятелей, политиков.

Миллер. Конечно. Мы говорим об официальной исторической политике. Потому что, например, можно говорить о политике памятников. Памятник Конотопской битве готовится или уже поставлен. Есть политика празднования: сначала была мысль на день

Конотопской битвы, а теперь — на день боя под Крутами перенести День Защитника Отечества.

Касьянов. Тут еще нужно принимать во внимание значение личности. Потому что такие вещи происходят во времена президентства конкретной личности.

Миллер. Да, я всегда это подчеркиваю. Дальше, идея постановки памятника Карлу XII и Мазепе в Полтаве для празднования Полтавской битвы. Тут еще что важно: памятник Мазепе как строителю церквей, семинарий и коллегиумов — вполне адекватная вещь.

Касьянов. Конечно. Я скажу так: памятник Мазепе как союзнику Карла XII — тоже вполне адекватная вещь, если абстрагироваться от политической конъюнктуры.

Миллер. Мне кажется, мы уже имеем вполне выработанные механизмы памяти того, например, если есть какая-то битва, что с этим можно делать. В этой битве погибло много людей - поставьте памятник шведским солдатам, русским солдатам, казакам, пусть они там вместе лежат... Такие памятники существуют. Понятно, что когда вопрос встает о том, а кто должен был победить, что история была устроена неправильно, что победить должен был другой, — тогда нужен памятник Карлу и Мазепе.

Касьянов. Мы не можем надеяться, что не будет происходить национализации истории, — она происходит, и с этим ничего не поделаешь. Но даже в рамках этой национализации и украинского нарратива в каждом конкретном случае есть «иные», «другие», но это не обязательно образ врага. А здесь как раз важен образ врага. Потому что когда речь идет о времени Петра, то в украинском национальном нарративе Петр играет роль душителя украинской автономии, потому что при нем был убит Батурин, была разрушена автономия украинской церкви, как утверждают, был запрещен в первый раз “украинский язык”, что с точки зрения науки, а не пропаганды, уже смешно. Т.е. Петр Первый в рамках этого националистического нарратива прочно угнездился как душитель украинства, поэтому все, что связано с его именем, в том числе, и Полтавская битва, при возрождении этого нарратива в современных условиях немедленно маркируется как образ врага. Петр Первый плохой: он душил государственность, душил церковь, запретил язык, он на костях казаков построил Петербург. Вот этим круг замыкается - и дальше уже любые другие интерпретации становятся ненужными.

Миллер. Опять же, мы видим, как достаточно сложная, безусловно, конфликтная ткань с разными интересами, где не обязательно, чтобы одна сторона была права, а другая - неправа, где у каждой стороны есть своя правда, трансформируется в борьбу добра со злом. Вместо поиска форм, в том числе, воспеваний и пестований украинскости, которые не завязаны на одновременной эксплуатации образа врага, каковых этот материал предлагает массу, акцент делается именно на тех моментах и их интерпретациях, которые описывают украинскость и борьбу за украинскость как череду неизбежного противостояния с русским.

Касьянов. Тогда я бы попросил тебя прокомментировать и обратную сторону: как в российском нарративе - неоимперском или неогосударственническом — интерпретируется «предатель» Мазепа, анархичные казаки, которые ищут, куда прислониться...

Миллер. Казаки, которые ищут, куда прислониться, — в некотором смысле, это правда. Мазепу в церквах до сих пор анафеме предают, и это при очередных приступах борьбы с

украинскими «переписывателями истории» показывают на главном телевизионном госканале. Так что инерция сильна... А книга о Мазепе...

Касьянов. Ты говоришь о книге Тани Яковлевой, но она написана все-таки с большой симпатией к Мазепе и выходит за рамки стандарта.

Миллер. Мы здесь должны понимать, что позднесоветский или раннероссийский период были в этом смысле хуже, потому что та же Яковлева не могла защитить свою кандидатскую диссертацию в Петербурге, она уехала защищать ее в Киев. А свою докторскую диссертацию она защищала уже в Петербурге.

Касьянов. В Москве.

Миллер. Разве? По-моему, в Петербурге. Она заведует в Петербурге кафедрой украинистики, публикует свой архив Мазепы, публикует книжку о Мазепе в серии ЖЗЛ, и я бы сказал, что здесь как раз применительно к этому периоду картина очень несимметрична. Применительно к Бандере или голодомору это не так.

Касьянов. Ты хочешь сказать, что Яковлева, ее кафедра и ее книжка — это все укладывается в мейнстрим?

Миллер. Да. Ну, все-таки, Петербургский университет — это второй университет страны. Здесь важны индивидуальности. Потому что один центр украинистики в Москве, и там его двигателем является Дмитриев, а другой — в Петербурге, и там - она.

Касьянов. Т.е. в любом случае персоналии играют важную роль.

Миллер. В том-то и дело — получается, что у Яковлевой скорее филоукраинство, а Дмитриев иногда, и в последнее время, к сожалению, довольно часто, встает в шеренги российских борцов исторической политики. Это индивидуальный выбор.

Касьянов. Но оба продвигают идею научного исследования Украины.

Миллер. Конечно. Не случайно первый грант, который получил Дмитриев для своего центра, был украинским. И если бы он продолжал заниматься XVII-м веком, украинская сторона могла бы радостно финансировать его и дальше. А поскольку он, не зная броду, порой лезет в XIX-й, а теперь и в XX-й век, то часто попадает впросак. Это не потому, что российская сторона лучше украинской, но здесь как раз тот случай — именно этот период - когда симметрии нет. Эта тематика не является активно эксплуатируемой в России.

Касьянов. Но я бы не стал утверждать, что в научном смысле симметрии нет, потому что в Украине есть исследования, которые выходят за рамки классического национального нарратива и подаются пример научной взвешенности.

Миллер. В этом-то смысле есть научность, кто же спорит! Я имею в виду, что активность эксплуатации этого периода в духе исторической политики в Украине гораздо выше, чем в России.

Россия-Украина: как пишется история

Беседа Алексея Миллера и Георгия Касьянова.

Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой.

18 июня 2009, 09:17

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/06/18/ukr/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работает государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентичностей – российско-украинская история, – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Части публикуются не в порядке последовательности обсуждаемых событий - четвертая часть беседы содержит разговор о периоде между Гражданской и Второй мировой войной. См. также:

Часть 1: Голодомор

Часть 2. Вторая мировая война

Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы

Алексей Миллер. Я думаю, что сегодня мы поговорим о межвоенном периоде, и для этого мы довольно условно вводим границу, говоря о времени после Рижского мира между Советской Россией и Польшей в 1920 году. Очевидно, что самая первая тема, которая возникает, – это то, что по Рижскому договору Украина и Белоруссия, в том виде, в котором мы их теперь знаем, были разделены между Советской Россией и Польшей, и это в некотором смысле с предельной остротой подчеркнуло ключевую тему в истории этого региона, а именно - пограничный характер этих земель, и то, что они всегда были объектом борьбы различных сил. Конечно, самое главное событие начала 20-х годов – это создание СССР. Элиты, которые представляют украинскую коммунистическую партию, довольно активны в этом процессе.

Георгий Касьянов. Лучше сказать ”Коммунистическую Партию (большевиков) Украины”.

М. Хорошо. Потому что очень часто в рассказе об истории у нас есть русские – белые, украинцы – петлюровцы, националисты, и большевики, у которых нет национальности, как будто они китайцы. Т.е., китайцы там тоже были, но, конечно, среди большевиков были и русские люди, и люди, определявшие свою идентичность как украинскую, хотя их, наверное, трудно назвать украинскими националистами. Главная фигура на тот момент -

это Фрунзе, который, конечно, не украинец в этническом смысле, но который очень ясно озвучивает стремление коммунистической партии большевиков Украины получить как можно больше автономии в рамках этого образования. Тут очень важно понимать, что это не плод украинского национализма, а логичный элемент поведения любой национальной элиты: как можно больше автономии от центра. Для Украины потом будет иметь огромное значение та идейная и национальная рамка, в которой был создан СССР. Это рамка дурного компромисса между ленинским и сталинским подходом, потому что Сталин хотел, чтобы все входило в состав РФ на правах автономии, а Ленин хотел союза республик, и в этом смысле можно сказать, что по форме победил подход Ленина, а по существу, в практической политике – Сталина.

К. В последующей практической политике после образования СССР.

М. Да, ну понятно, что СССР образовывается в декабре 1922 года, Ленин после этого уже фактически не функционирует.

К. Это номинальный акт, а его содержательное наполнение осуществляется уже в последующее десятилетие.

М. И там происходит много противоречий между формой и содержанием. Но для Украины очень важно, что она была конституирована как формально независимая республика. Следующая большая тема, которая очень по-разному интерпретируется, в т.ч., на Украине, – это тема коренизации. Я предлагаю тебе прокомментировать, как это выглядит в современном украинском нарративе, а потом мы это обсудим.

К. Сначала комментарий по поводу украинских коммунистов. Речь идет о КП(б)У – коммунистической партии (большевиков) Украины - и нужно учитывать, что на момент образования СССР она уже не имела той степени автономности и самостоятельности, на которую претендовала раньше, т.е., она была гораздо больше подчинена ВКП(б), но очень важный момент – что это не единственная левая партия в Украине на тот момент, ей очень не хватало в период гражданской войны “националов”, местных людей. А местные коммунисты (или просто левые) сосредотачивались в других партиях, в частности, была украинская коммунистическая партия, которая существовала до 1924 года, и были так называемые боротьбисты - те, кто откололись от эсеров, и именно они претендовали на то, что они коммунистическая партия. Именно они и представляли национальный элемент в Украине и именно они, влившись в начале 20-х годов в КП (б) У, усилили “местный” элемент, что было для тех очень важно, потому что именно эта часть украинских коммунистов, левых, стала главным промоутером того, что называется коренизацией. Они осуществляли связь с местным населением. Именно эта сила добивалась серьезных национальных прав для Украины и для этнических украинцев, и именно они выступали движителем для того, что можно было бы назвать национал-коммунизмом. И я думаю, что при образовании СССР и при выяснении статуса республик роль этих сил была очень важна, потому что это был сильный союзник для коммунистов «центра» в Украине. Потому что сами по себе коммунисты «центра» – я имею в виду российских большевиков - конечно, не были популярными: достаточно вспомнить выборы в Учредительное собрание и так называемые “три советских власти в Украине”, когда в течение 1918-20 годов Советская власть, каждый раз приходя, достаточно быстро оказывалась под серьезнейшей угрозой в связи с полной несопоставимостью с «местными условиями» (в смысле социально-политических амбиций) и своеобразной «национальной глухотой». Теперь, когда был создан СССР, и возникла проблема единства, напрямую связанного с лояльностью местных республиканских элит к центру, которому они делегировали определенные полномочия (но и за ними оставались тоже серьезные полномочия на

местном уровне), и когда возникла эта проблема распределении власти, именно тогда, буквально на следующий – 1923-й - год происходит 12-й съезд общей партии большевиков, которая, по-моему, пока еще называется Российской коммунистической партией (большевиков). Она переименуется во всесоюзную в 1925 г., и на этом съезде российской партии принимается решение о коренизации, которое направлено на то, чтобы усилить влияние пока еще проектируемого всесоюзного центра на регионы и усилить влияние большевиков в республиках через целый комплекс мер, который называется коренизацией. По аналогии с нэпом это новая национальная политика.

Как это трактуется сейчас, после 1991 года, в Украине? В плане событийном понятно, что коренизация называется украинизацией, и она имеет две ипостаси. Первая – это украинизация государственного аппарата и партии, кадров, т.е., речь идет о двух составляющих: о наполнении этого партийного аппарата этническими украинцами, и о переходе этого аппарата на украинский язык. И вторая часть – это так называемая культурная украинизация, т.е., реализация прав украинского языка как государственного, переход образовательной системы, газет, журналов на украинский язык, переход науки на украинский язык. Возвращение знаковых культурных и научных деятелей из эмиграции. Как трактуются эти два процесса сейчас. Мейнстрим выглядит так: в 1917-21 годах была украинская революция, она пробудила массовое украинское самосознание, значительно укрепилась национальная украинская идентичность, широкие народные массы – крестьянство и интеллигенция – почувствовали себя украинцами. Украинская Народная Республика погибла, но национальное самосознание осталось, и для того, чтобы с ним справиться, большевики придумали коренизацию и украинизацию как уступку национальному чувству и всплеску национального движения в Украине. Эта уступка трактуется как тактический шаг – своего образа «культурный НЭП», временное отступление. И речь идет о двух линиях: о бюрократической украинизации, которая является именно уступкой и желанием оседлать местные элиты. Культурная часть, которая является продолжением тенденции украинской национальной революции; она украинским национальным движением называется также и украинским возрождением, потому что с периодом 20-х – начала 30-х гг. связан еще и всплеск украинской национальной культуры, который действительно имел место. Причем городской национальной культуры, не сельской, а урбанизированной – театр, кино и т.д. Вот в таких общих канонах трактуется украинизация и коренизация – как уступка национальному движению, с одной стороны, а с другой – как попытка сбалансировать эту уступку укреплением государственного бюрократического партийного аппарата в Украине и его приспособлением к местной национально-культурной специфике. И дальше, когда доходит до конца 20-х – начала 30-х гг., и когда речь заходит о сворачивании украинизации, то трактуется это так, что украинизация зашла слишком далеко. Она привела к тому, что местные культурные и политические партийные элиты стали предъявлять чрезмерные требования центральной власти и вошли в конфликт с тенденциями центральной власти к унификации и кодификации. В связи с этим конфликт был разрешен естественным для этого общества путем, т.е. насилием: репрессиями национальными – интеллигенции - и репрессиями партийными – советской интеллигенции, которая якобы исповедовала идеалы национал-коммунизма.

М. Т.е. первая реакция, которая напрашивается, – это поставить под сомнение интерпретации уступки в том смысле, что это была уступка силе прежнего украинского национализма, потому что в ком этот прежний украинский национализм вживую воплощается? В тех людях, которых условно можно назвать петлюровцами. А никаких уступок этим людям нет, их уничтожают, они спасаются только в Польше и, в общем-то, их срезают под корень. В этом смысле такая интерпретация - очень плоская и неверная по сути. Здесь мне бы казалось важным отметить несколько вещей. Во-первых, если мы

ищем, на что опереться в историографии, то нам нужно посмотреть на книжку Терри Матрина “The Affirmative Action Empire” (т.е. «Империя положительной дискриминации»), в которой он хорошо показывает, что это была не уступка каким-то конкретным движениям и их силе, а концептуальная вещь – коренизация, которая проводилась и там, где сильного национального движения не было, в том числе, в соседней Белоруссии. Идея была такая, что национализм следует использовать как инструмент, т.е., что не следует входить в сильную конфронтацию, а нужно его одомашнить и поставить на службу советской власти, “задушив в объятиях”. А специфика украинского и белорусского случаев по сравнению с коренизацией в Средней Азии заключается в том, что происходит демонтаж ключевого элемента общерусского национализма, концепции триединой русской нации, объединяющей великорусов, малорусов и белорусов. Эта концепция составляла стержень в понимании, что такое русская нация и к чему нужно стремиться в конце XIX и начале XX века, и это предполагало отрицание украинскости и белорусскости как отдельных национальных организмов. А большевики в определенном смысле совершают революционный шаг: они перечеркивают этот русский национализм и во многом демонтируют его достижения, оценить которые, на самом деле, очень сложно: до какой степени были русифицированы белорусские и украинские города – довольно сложный вопрос. В Белоруссии вообще очень хорошо видно, что к ней прирезают крупные территории (например, Витебскую область), которые уже к тому моменту были насколько русифицированы, что там местные люди активно протестовали против того, чтобы их присоединяли к Белоруссии, потому что раньше они были в составе РСФСР.

И это выводит нас на другую тему: политика большевиков здесь определялась в большой степени тем, что потом один украинский коммунист – Мыкола Скрыпник - назовет Пьемонтским принципом. Т.е. это проведение такой политики в Белоруссии и особенно в Украине, которая позволяла бы проецировать влияние на восточные регионы Польши, потому что Рижский мир не означал конец борьбы, а только фиксацию баланса сил на определенный момент. Понятно, что обе стороны – и Москва, и Варшава - этот баланс сил собирались менять. В этом смысле очень важную роль в коренизации играет то, что Украина будет таким выставочным окном, где мы покажем, как хорошо в СССР, и таким образом привлечем на свою сторону тех украинцев, которые живут в Польше. Еще одним важным моментом было то, что когда мы говорим об украинизации, сразу возникают нюансы, потому что когда при Скоропадском организуется Украинская Академия Наук, то мы знаем, что в этом заняты две фигуры, которые друг друга люто ненавидят: Грушевский и Вернадский. Скоропадский при этом, что очень любопытно, поддерживает Вернадского, концепция которого заключается в том, что украинские научные учреждения должны возникать рядом с русскими, а не вместо русских. А концепция Грушевского заключается в том, что они должны их замещать. Это концепция не была популярна у Скоропадского, что говорит нам кое-что и о нем самом. Но особенно важно, что большевики выбрали концепцию Грушевского и начали замещать русские учреждения, и происходит украинизация, в том числе, и высшей школы. При этом они все время чувствуют, что этот процесс идет странно, и это отчасти отражается в дисциплинарной (но не репрессивной!) тактике большевиков. Потому что если мы посмотрим на то, как большевики наказывают большевиков же, которые считают эту линию на украинизацию неверной, то мы обнаружим, что их наказывают путем отзыва с Украины, а не путем посадки, разжалования или исключения из партии. Их просто отзывают в Центральный Аппарат. Т.е. в некотором смысле: да, ты можешь быть с этим не согласен; это не является преступлением против линии партии. Т.е. они с самого начала ощущали некую проблематичность того, то они делают. Но в целом нужно понять: то, что можно назвать мощным взрывом распространения украинскости в 20-е годы, – это плод

деятельности Советской власти. Это очень важно, потому что рассказывать этот украинский нарратив, при этом говоря, что советская власть гнобила и т.д., - не выходит.

Другой важный момент – когда мы говорим о украинскости в 20-е годы, нужно понимать, что она не воспринимает себя как продолжатель украинскости Грушевского и периода Гражданской войны. Потому что очень хорошо известно: когда в 1924 году Грушевский вернулся в Украину - и это было в некотором смысле символической победой советской власти, это означало, что советская тактика работает, – неожиданно оказалось, что эта молодая поросль украинских большевиков, марксистов и т.д., совершенно не воспринимает его как патрона и уважаемого человека, а, наоборот, набрасывается на него с критикой.

К. Нужно прокомментировать несколько важных моментов. Прежде всего, уступка национальным стремлениям не является главным, основополагающим элементом украинизации. Конечно в рамках стандартного стереотипа национализируемой истории, который возник в 90-е годы, идея украинизации как уступки, в общем, является нормальной, естественной и понятной. Если выйти за ее пределы, то какой-то элемент уступки, конечно, был, но он не был главным.

М. Он не был решающим, это была концептуальная вещь – коренизация, не уступка силе существующего на тот момент национализма, а стремление национализм как потенциальную силу приручить.

К. Если говорить об уступке, получается, что эта уступка делалась Украинской Народной Республике, которая была для большевиков врагом, которую потом они трактовали как буржуазно-националистическую. Хотя, по сути, она была близка разным левым течениям, в том числе, и эсерам, и коммунистам, может быть, но не большевикам. Стоит предположить, что украинизация направлялась не только на то, чтобы противопоставить коммунизм национализму, но и против другого врага, о чем мы скажем позже. Совсем элемент уступки в украинизации мы не отбрасываем, но понимаем, что он не является главным. Второй очень важный нюанс – то, что касается идеи пограничности территории. Ведь Украина 20-х годов – об этом очень часто забываем – это очень большая пограничная территория. Река Збруч была очень важна, это не только географическое понятие, но и символ; и многие области современной Украины – центра и юга - были пограничными в то время – до 1939-го года. Только потом они стали областями Центральной Украины, а тогда это была “Западная Украина”, это очень важно помнить. Киев не был столицей, это тоже важный нюанс, столица была в Харькове. Так вот, когда мы говорим об этой пограничности и обращаемся к тезису Скрипника о Пьемонтском принципе, переходим границу и подходим к роли Галичины и ее роли в том, что называется украинизацией, то здесь возникают чрезвычайно интересные вещи. Например, участие галичан в украинизации в Украине, достаточно вспомнить проект Скрипника о ввозе тысяч учителей из Галичины в украинские школы в 20-е годы, состоявшийся факт репатриации солдат Украинской Галицкой Армии...

М. Извини, перебыю. Ты сказал очень важную вещь по поводу учителей, я бы хотел на этом остановиться, потом продолжим о Восточной Галиции. Потому что очень важная вещь, которая происходит в 20-е годы, и которая вступает в конфликт с доминирующей украинской трактовкой, – это ликвидация безграмотности. Что было ключевым вопросом в борьбе империи и русского национализма с нарождающимся украинским национализмом во второй половине XIX – начале XX века? Это вопрос о том, на каком языке произойдет ликвидация безграмотности. И он является решающим в процессе формирования нации. Пока основная масса крестьян остается неграмотной, у них есть

свои нарративы и память, которые транслируются через сообщества или семью, – но это именно локальные нарративы, там нет ничего национального. А школа с первого момента, когда открываешь букварь, выступает как очень мощный инструмент индоктринации детей - даже в самом процессе обучения чтению. И то, какой язык становится базой для этого, очень важно. И когда ты говоришь об этом проекте Скрипника импортировать украинских учителей, это четко подчеркивает идеологическую заданность большевистской политики. Потому что в украинском нарративе это трактуется так: раз большевики хотели ликвидировать неграмотность, то им надо было использовать силу украинской интеллигенции. А этих сил было недостаточно. Если мы говорим о том, что город был русифицирован, то в некотором смысле ликвидировать безграмотность в Украине легче было по-русски – кадры для этого были. Это очень важная историческая развилка: когда реально перешли к ликвидации безграмотности, большевики сделали это на украинском, испытывая огромные организационные трудности; проще это было сделать на русском. Поэтому в некотором смысле большевики внесли очень серьезный вклад в формирование украинской нации. Мне кажется, что это очень важно, потому что дальнейшая корректировка исторических нарративов и идентичности, после того, как в обществе произошла ликвидация безграмотности, – заметно более сложная задача, чем корректировка идентичности в крестьянском обществе неграмотных. В этом плане даже после Первой Мировой и Гражданских войн, которые оказали очень мощное воздействие, но об этом мы поговорим в другой раз, это в очень большой степени была этнографическая масса, с которой нужно было работать, и большевики здесь по своим соображениям сделали ставку на украинский проект.

К. Мы сойдемся на тезисе о большевиках как о самых больших украинских националистах в 20-е годы...

М. Люди не видят наших улыбок, поэтому не стоит этого говорить...

К. Я вернусь к этому тезису о внешнеполитическом измерении украинизации, важности присутствия в политике украинизации виртуального присутствия Восточной Галичины.

М. И Волыни, потому что Волынь – это не Галичина, она была в составе Российской империи.

К. Да, то, что объединяется под общим названием западноукраинских земель, и обращаю внимание на то, что эти воображаемые территории как-то идеально совпали с реальными, которые после 1 сентября 1939 года вошли в состав СССР. (Это тонкий намек на толстые обстоятельства). Т.е. проект “Большой Украины” явно присутствовал в воображении большевиков...

М. Потому что в Польше эти территории не считаются украинскими – это Польша!

К. Когда мы говорим о Второй Речи Посполитой, это, конечно, Польша, но в данном случае...

М. Но я именно это имею в виду.

К. В данном случае весьма симптоматично обращение именно украинских большевиков к теме западно-украинских земель: именно они были заинтересованы в поддержке левого движения и националистических движений в западных землях...

М. Но они все это делали не вопреки Москве.

К. А я и не говорю, что вопреки. Я говорю о том, что это именно украинские коммунисты делали. Дальше эта постоянная духовная, политическая и культурная связь с западно-украинскими землями очень важна для понимания украинизации и коренизации. К сожалению, это присутствует в доминирующем традиционном национальном нарративе только как связь с этническими братьями, но никак не экстраполируется на политику, на геополитику и на геополитические замыслы. Это первое: украинизация, коренизация, западно-украинские земли - и их роль в этом процессе. Второй важный момент – это российское, русское измерение: русскоязычные и русскокультурные города в новом советском государстве. Они русскоязычные и русскокультурные в самом неприемлемом для большевиков смысле. А именно, носителями доминантной русской культуры являются те классы и социальные группы, которые враждебны большевикам, - как в Москве, так и в Харькове. Значит, они являются одной из главных конкурирующих групп. Построение государства для большевиков как в 20-е, так и в 30-е годы – это в первую очередь построение бюрократического аппарата, образовательная система...

М. Перед тем, как ты к этому перейдешь, добавлю коротко одну картинку, яркую, на мой взгляд. Был такой знаменитый русский националист Шульгин, который, естественно, уехал в эмиграцию, и ему, естественно, люто не нравилось (а он жил в Киеве до революции и издавал там антиукраинскую газету) то, что делают большевики в Украине. И он в какой-то момент нелегально приезжает в СССР, в Киев, сидит на Андреевском спуске и слушает речь проходящих мимо людей. И пишет в своих мемуарах примерно так: «Не смогли сволочи-большевики вытравить русскую культуру. Идет парень, что-то девочке нашептывает по-русски. Люди разговаривают по-русски!» Существует эта огромная русская эмиграция – в Праге, в Софии, которая отчаянно пытается защищать уже проигранные и разрушенные большевиками позиции, а потом постепенно она пытается переформулировать это и предложить концепцию братства разных частей, но все равно чего-то единого.

К. Давай вспомним о Новом Сменовеховстве – это тоже очень важно и больше русское явление, чем украинское, когда часть эмигрантства узрела в политике большевиков все-таки восстановление империи.

М. Это позже.

К. Но это в 20-х годах.

М. Да, но, например, такие люди, как знаменитый Трубецкой, – у него есть знаменитая переписка с Дорошенко, где он пытается доказать здравую идею, хотя несколько ее перегибает, что русская культура в XVIII и XIX веке есть плод совместного творчества малорусских и великорусских элит, причем малорусская играет, как утверждает Трубецкой, ведущую роль. Т.е. они пытаются хотя бы в эмиграции построить мостки и в чем-то договориться с украинцами. И украинцы очень не хотят с ними разговаривать.

К. Ну, они пытаются договориться, в основном, в Праге, там были и некоторые внешние раздражители, в частности, политика Масарика по отношению как к русской, так и к украинской интеллигенции, весьма позитивная. А я вернусь к тому, на чем я остановился, а именно - к еще одному, очень важному, измерению украинизации, которое игнорируется в доминантном национальном, официальном нарративе. Речь идет об антирусской, антиурбанной, антиклассовой направленности украинизации. Носители великорусского шовинизма - или русотяпства, если речь шла о чиновниках – это очень важный объект украинизации: фактически, сформировался классовый союзник против очень мощного

элемента в городах, буржуазного и мелкобуржуазного элемента, если выражаться языком большевиков, а также чиновничьего, который был скрытым или явным оппонентом большевиков. В данном случае, как это ни парадоксально, украинский националистический элемент, и не только в его коммунистической ипостаси, выступал союзником московских центральных большевиков в борьбе с великорусским шовинизмом в Украине. Причем этот великорусский шовинизм для большевиков имел измерение отнюдь не этническое, а социально-политическое. Его носителями являлись «классово чуждые элементы», которые нужно было нейтрализовать или уничтожить. Когда мы говорим о знаменитом «философском пароходе» – 1922 год, – если посмотреть на состав того, кого изгнали, – это в основном русские фамилии. Если мы говорим о серьезном изменении в составе профессуры – напомним, что университеты в УССР были ликвидированы в 20-е годы, и они были ликвидированы именно как оплоты русскоязычной профессуры и «классово чуждых элементов». Я хочу напомнить, что политические процессы против интеллигенции в 20-е годы – это в значительной степени процессы против русской интеллигенции. Шахтинское дело – процесс против технической интеллигенции, которая тотально была русскоязычной, русской по определению, и это очень важное измерение в украинизации - антирусский элемент, который является не этническим элементом, а социальным и политическим. И здесь, как я уже сказал, этот аспект игнорируется, а, мне кажется, он очень важен для понимания того, что такое украинизация в ее коммунистическом измерении.

М. Т.е. если специально полемически заострить, то успех украинизации во многом связан с большевистским террором против классово чуждых русских элементов. В этом смысле мы можем сказать, что первой жертвой являются украинские националисты петлюровского толка и русские элементы на Украине, и только потом придет очередь этих чисток, посадок новой левой украинской интеллигенции.

К. Я хотел бы подчеркнуть: когда речь идет о украинских националистах «петлюровского толка» – почему их было важно иметь для большевиков как врагов? – прежде всего, потому что здесь речь шла не о национальном измерении, а они выбивали других левых и тех левых, которые ориентировались на классово чуждые слои населения: на крестьянство, на то, что большевики называли мелкобуржуазным элементом, на то, что по этническим признакам совпадает с украинцами. Т.е. самое парадоксальное здесь: для них важным было не то, что они этнические, а то, что они совпадают с классово чуждыми элементами. А национальный аспект используется просто как риторика борьбы против национализма и своеобразная дымовая завеса.

М. Ну, я бы так далеко не шел. Эти вещи всегда переплетались, и это не просто дымовая завеса в чистом виде. Просто-напросто это был неподконтрольный им украинский национализм, а им нужен был подконтрольный. Но, конечно, ты совершенно прав в том, что большевикам другие левые были не нужны, и это очень важный мотив. И в этом смысле, если переходить к международному контексту, очень важен 1926 год. Ведь после советско-польской войны Пилсудского от власти отстранили. В Польше он великая фигура, но при этом власти не имеет, возвращается к власти после 1926 года при помощи военного переворота. Он сменяет коррумпированную власть конституционных демократов, которые исходят из того, что Рижский мир зафиксировал границу между Польшей и СССР, желательно раз и навсегда. Т.е. они заведомо не хотят сдвигать ее дальше на восток.

Приход к власти Пилсудского все меняет, потому что он представляет Ягеллонскую линию польской политики, стремившую сдвинуть границы Речи Посполитой как можно дальше на восток, поскольку такая восточная политика мыслилась скорее в имперских,

чем в националистических категориях. Пилсудский активизирует борьбу за влияние на Советскую Украину, начиная так называемую прометеевскую акцию. Это очень хорошо финансируемая, хорошо организованная акция польских спецслужб, которая пытается создать агентурные сети и сферу влияния в Украине, Грузии и других местах, но нас сейчас интересует Украина, с идеей, что в какой-то момент можно будет поднять, условно говоря, украинское восстание против Советов. Что здесь важно: Пилсудский приходит к власти в 20-е годы - и вдруг оказывается, что оружие, которое большевики хотели применять против Польши, – Пьемонтский принцип (“мы будем демонстративно хорошо обходиться с украинскостью, подрывая таким образом ваше польское господство в Восточной Галиции и на Волыни”). И вдруг оказалось, что это оружие можно обратить и в прямо противоположную сторону. Пилсудский начинает свой знаменитый Волынский эксперимент. И это поразительно схоже с советской практикой, когда он, с одной стороны, дает намного больше свободы украинскому элементу, начинает украинские школы и т.д., и одновременно давит тех украинских националистов и те украинские организации, которые не находятся под его контролем. Я бы подчеркнул только одно отличие: “давить” в польском варианте в самом худшем случае могло означать “посадить в тюрьму после суда”. Мы можем сказать, что к этому суду могли быть претензии, но эти претензии заведомо меньше, чем к Сталинской тройке.

К. Ну, тройка – это уже тридцатые годы. В Украине в 20-е – это все-таки суды, показательные.

М. Да. Но что здесь важно: все-таки из Советской Украины после суда часто отправляются на расстрел. Не в 20-е годы, позже. В Польше людей так легко не убивали. Это принципиальная вещь, не будем забывать, что если мы пытаемся найти какой-то базовый инструмент измерения и оценки, то это то, насколько легко и наплевательски относились к человеческой жизни. Советы, особенно в 30-е годы, относились к ней наплевательски. При польском авторитарном режиме это не так. Итак, Пилсудский начинает прометеевскую акцию, которая состоит из двух элементов: сделать жизнь на Волыни, которая вдвинута в советскую Украину, приемлемой и привлекательной для украинцев. Т.е., это эксперимент заметно более скромного, чем в советском варианте, поощрения и одомашнивания украинства. А с другой стороны – это попытка воздействовать на Украину. Там действительно создаются из местных поляков и из украинских националистов агентурные сети, туда действительно идет массовая засылка пропаганды: воздушные шары пускают с листовками, и т.д.

К. Я хотел задать вопрос: когда мы говорим о прометеевской акции, об агентурных сетях, то не создается ли у тебя впечатление, что результаты и объем этой акции и ее эффективность несколько преувеличиваются исследователями? У меня, поскольку я работал с архивами 20-30-х годов, в том числе, и с документами, имеющими отношение к ГПУ, нет впечатления, что эта акция была эффективной. Когда я читаю книги людей, пишущих об этом (Т. Снайдер), в тексте доходит до названия фамилий агентов, которые присутствовали там. В данном случае - о каких сетях идет речь? Это отдельные люди, которым удавалось проникнуть, но не десятки и не сотни агентов и завербованных. Мне кажется, что в данном случае это подыгрывание тому, на что рассчитывали репрессивные структуры Советского Союза, когда они всячески раздували идею о том, что здесь присутствуют разветвленные структуры: польские, немецкие и т.д. - и под этим предлогом устраивались массовые репрессии.

М. Здесь есть два момента. Первый, самый поверхностный: у того, что ты говоришь, с идеологией прометеевской акции нет принципиального конфликта: если хочешь, идея о том, что люди на той стороне страдают, потому что они находятся в каком-то контакте с польскими спецслужбами, не принося никакой реальной пользы, просто доставляя какую-то информацию, просто с кем-то о чем-то поговорив, что-то передав – в некотором смысле это никак не вступало в конфликт с прометеевскими планами. Если хочешь, репрессия против украинства со стороны Советов – это же очень хорошо с их точки зрения, потому что это отчуждает украинцев от Советов.

К. А репрессии против поляков?

М. Хуже, конечно. Но у меня есть ощущение, что, может быть, они не представляли себе, насколько советский режим может быть жестоким. Вот польские офицеры, которых Советы расстреляли в 1940 в Катыни и других местах, - они отказывались сотрудничать с советской властью, но большинство, отказываясь, не понимало, что обрекает себя на смерть. То есть они жестокость Советов явно недооценивали. Если мы отвлечемся от нашего сюжета, то Катынь, не была, как сейчас кое-кто в Польше утверждает, актом геноцида. Там были другие механизмы, что не делает это менее отвратительным преступлением. Но у нас есть стопроцентный акт геноцида против этнических поляков в СССР – это репрессии 1937-го года в Ленинграде, когда ровно и только по тому принципу, что люди были поляками, было арестовано без малого 120 тыс. человек только в одном городе, и 90 процентов из этих людей были расстреляны в течение трех месяцев после ареста!

К. 90 процентов – это больше ста тысяч?

М. Да. Видишь, даже тебя это удивляет. Это так и называлось - “польская акция”. Это все опубликовано, кстати, в России. Поляки очень долго не обращали на это внимание.

К. Но это больше, чем Катынь.

М. Заметно больше. Это, кстати, свидетельствует о том, как устроен механизм исторической памяти и политики. Почему эта история долгое время не интересовала поляков? Потому что жертвы были советскими гражданами. А им была важна Катынь, потому что это были польские граждане. Потому что по поводу советских граждан польского происхождения предъявить претензии России нельзя.

К. Может быть, они просто не знали об этом?

М. Знали они прекрасно, это все опубликовано. Но по этому поводу нельзя предъявить современной России никаких претензий. Так устроены юридические механизмы. Были уничтожены советские граждане, и Польша к этому не имеет никакого отношения. А вот уничтоженные польские граждане – значит, это был геноцид. А геноцид был в Советском Союзе, но не там и не тогда. Другая очень важная тема, которая здесь возникает, – это “что это значит: признать, что были довольно большие, разветвленные, пусть не очень опасные и эффективные, прометеевские сети”.

К. Когда ты говоришь о сетях, сразу возникает ощущение чего-то масштабного.

М. 20 человек – это уже сеть.

К. Для всей Украины – это не сеть. Потом, если это агенты – это одно, если просто информанты – совсем другое. Если это люди, случайно давшие информацию и зафиксированные как информаторы, – это третье.

М. Для нас в данном контексте важно подчеркнуть другую вещь: наличие этих сетей, даже если брать по максимуму, пусть это будет даже пара сотен человек, борьба с такой сетью никак не может служить оправданием сталинских репрессий. Это очень важная вещь.

К. Давай мы не будем трогать этот аспект, потому что само слово “оправдание” вовлекает некие моральные коннотации, которые не должны нас интересовать.

М. Не совсем, потому что в современном российском нарративе очень важно: это разные ухищрения с попытками именно оправдать.

К. Хорошо, тогда я снимаю это замечание.

М. И оправдать каким образом - когда мы говорим о голодоморе, что “если бы не было коллективизации, то жертв было бы еще больше”. Т.е. от противного. Или вот польские агенты: были же они, значит, надо было с ними бороться. Боролись как умели.

К. Лес рубят, щепки летят.

М. Когда смотришь на цифры: могли ли быть среди ленинградских поляков люди, связанные, или даже, возьмем самым широким образом, люди, готовые помочь какому-нибудь польскому шпиону, если он к ним придет? Конечно, были. Мы можем этим оправдать, что 100.000 человек в течение недели арестовали, а в течение трех месяцев поставили к стенке? Заведомо нет. Так или иначе, возвращаясь к прометеевской акции, и к Украине: у нас встречаются тут во второй половине 20-х годов два поезда: советская политика украинизации начинает постепенно свертываться в ощущении, что она не работает так, как должна работать.

К. Выходит из-под контроля.

М. Не столько выходит из-под контроля с ощущением, что сейчас будет какое-то мощное движение, а происходит вот что: раз поляки начали эту акцию у себя, то уже советская аналогичная акция не работает. Начинается постепенный переход к оборонительной тактике, которая вскоре выльется в ревизию всей политики коренизации. Это началось на Дальнем Востоке, где случились первые депортации, когда из пограничных районов убрали корейцев с той идеей, что они могут стать базой для проникновения какого-нибудь влияния извне. Т.е. происходит смена парадигмы. Поляки, у которых был свой район имени Мархлевского в Украине, и украинцы - они теперь начинают рассматриваться как потенциальное слабое звено. Поэтому начинается в начале 30-х годов зачистка поляков – их всех вывезут в Казахстан, где никакой польский шпион до них не доедет, и коренизация несколько прижмется. Она никогда не была свернута вполне, но начинают внимательно отслеживать, как кто эту украинскость понимает и использует. Одним из первых звонков стала история со съездом языковедов или филологов, не помню, как это точно называлось, в Харькове, где в 1928-ом году вырабатывались нормы для украинского языка. И это именно советская власть занимается стандартизацией украинского языка. Туда пригласили, по Пьемонтской тактике, представителей Галичины. И там были люди, которые стали говорить, что, может быть, и “i” с точкой наверху введем, и еще несколько латинских букв. Съезд обсудил эти предложения и отверг. И, казалось бы, конец истории. Но это было только начало, потому что тут же вмешались местные партийные власти и

сильно пожурели организаторов съезда, что допустили голоса, пытающиеся протащить буржуазное польское влияние. А ведь на каком фоне это происходит: в 20-е годы происходит массовый перевод языков народов, живущих в СССР, на латиницу. Поэтому, казалось бы, предложение ввести парочку латинских букв в украинский язык ничего крамольного в себе не несет. Но здесь уже произошел этот защитный переход. И это еще потому, что в 1926 году, если я правильно помню, Ататюрк вводит латиницу в Турции.

К. Очень важно, что 1928-1929 годы в Украине – это сигналы, связанные с выходом того, что мы называем коренизацией и украинизацией, за официальные рамки. 1928 год – это две статьи в центральном партийном журнале по поводу экономиста Волобуева, который, чрезмерно увлекшись (с точки зрения власти), в своих экономических изысканиях утверждает, что Украина имеет некий колониальный статус в составе СССР (вообще это темная история, у самого Волобуева не было статуса, чтобы печатать такую статью, похоже, что дело было подстроено). Следующий год – это удар по академику историку М. Яворскому, который, кстати, является галичанином. Но все-таки первый звонок – это устранение А. Шумского, народного комиссара образования, и замена его М. Скрипником. Это происходит в 1926-ом году, и Шумский уже, по мнению тех, кто следил за контролируемым ходом украинизации, перестал соответствовать этой задаче. Т.е. он всего три года был на посту. Эта динамика: 1926-й и весь конец 20-х годов – мы видим как также попытку обуздать украинских литераторов, критика Хвильевого и организацию ВАПЛИТ (Свободная Академия Пролетарской Литературы - в переводе на русский язык).

М. Давай все-таки скажем пару слов по поводу Хвильевого, потому что он очень мифологизированная фигура.

К. Мы скажем про него, когда будем говорить о разгроме украинизации. Украинизация официально провозглашается в 1926 году. Но практически она разворачивается начиная с 1924-го и до конца 20-х годов. 1924 – это устранение Шумского, 1926-29 – то, что можно назвать критикой или ликвидацией националистического уклона в середине украинизации. Т.е. она постоянно сопровождается окриками и одергиваниями, связанными с чрезмерным национальным увлечением, ее явно стараются держать под контролем, но это не удается, потому что она начинает развиваться по своим собственным законам.

М. На самом деле она удастся, просто для этого нужно применять репрессии.

К. Как раз и не удастся, пока не начинают применять репрессии. Пока дело ограничивается разгромными статьями в центральных журналах и т.д., это все не затрагивает низы, самый массовый уровень, это касается только верхушки, а тем временем, параллельно, независимо от того, как одергивают писателей, журналистов и профессор-историков, на базовом уровне этот процесс идет.

М. Что ты имеешь в виду под базовым уровнем?

К. Школы, ликвидацию безграмотности на украинском языке.

М. Этот процесс идет, но он же не противоречит тактике большевиков.

К. Он не противоречит в том смысле, что он соответствует их стратегическим задачам по инсталляции Украины в общий процесс, в создание большого государства, которое является единым, – вспомним две концепции, Сталина и Ленина. Но он противоречит их тактике, хотя пока это еще не осознаваемо, потому что, если идет речь о переводе системы

образования на украинский язык и о ликвидации безграмотности, фактически он закладывает основы для некой культурной суверенизации, которая, по законам национализма, со временем должна превратиться в политическую суверенизацию.

М. Нет, вот здесь давай разбираться. Большевики этого хотели?

К. Нет.

М. Ну, большевики же проводят ликвидацию безграмотности на украинском, могли бы и на русском.

К. На русском они не хотели, потому что русский язык как язык, на котором проводят ликвидацию безграмотности, немедленно давал козырь тем чуждым элементам, которых большевики больше всего не любили и боялись.

М. Все-таки они сознательно проводят ликвидацию безграмотности на украинском языке. Говорить, что украинизация школы в конце 20-х годов идет в разрез с представлениями большевиков, неверно. Вопрос в том, какое содержание эта украинизация получает, что значит “украинскость”? Это очень важный момент, потому что, скажем, в XIX веке в ответ на украинский национализм что говорила Москва?

К. Петербург.

М. Москва больше. Как ни странно, Петербург был в это время, во-первых, центром украинского национализма, а во-вторых, там было много публичных людей и журналистов, которые готовы были поддержать требования украинцев.

К. Я говорю о бюрократической столице. Она же отвечала.

М. Зато главный публичный гонитель украинства Катков в Москве сидел. Но об этом у нас в другом диалоге идет речь. Как бы то ни было, смысл был такой: у вас есть свои региональные особенности, но вы часть русской нации. Поэтому можете “спивать свои песни” на своем малороссийском наречии, а грамоте будете учиться по-русски. Большевики очень сильно переформулировали это, мы об этом говорили. Но они совершенно не собирались трактовать украинскость как враждебную русскости.

Это очень важный момент, потому что он позволяет понять, что произошло дальше уже в независимой Украине после 1991 года, потому что в советской школе в Украине не учат про то, что москали “клятые”, этого там нет заведомо. Это в украинской школе на Воляни при поляках этому учат. Я бы сказал: то, что школа в Советской Украине функционирует по-украински, - это то, чего хотят большевики. Чего они боятся? Вспомним знаменитый лозунг Хвильевого “Геть от Москвы!” - они боятся, что он будет транслироваться через украинскость. Я бы не сказал, что он уже в школе в этот момент.

Когда мы обсуждаем украинизацию, голодомор, Вторую Мировую войну, очень важно, как выбраться за пределы нарратива, который противопоставляет украинцев с одной стороны и русских — с другой. Потому что во всех этих историях в украинизации всегда играют роль и украинцы. Есть украинцы отверженные, есть украинцы коммунистического образца, которые участвуют, есть какие-то люди, которые готовы заместить этих украинцев на привилегированных позициях и продемонстрировать большую лояльность, но при этом оставаться этническими украинцами. Мы все время производим эту операцию деления, при том, что проблематика русско-украинских отношений должна

восприниматься как очень разнообразная мозаика, где опыт и ситуация какой-то группы украинцев очень близки к опыту и ситуации какой-то группы русских, а при этом другая группа украинцев вообще отрезана от государственной границы и живет в Польше.

К. Или в РСФСР.

М. Да, например, на Дальнем Востоке. И у них совсем другая жизнь. И это тоже пространство взаимодействия русских и украинцев с совершенно другой повесткой дня. Но, возвращаясь к коренизации, нужно сказать, что происходит “убирание активистов” коренизации, но, с другой стороны, нельзя сказать, то она закончилась к концу 30-х годов. Как не закончилась практика территориализации и институализации этничности, потому что именно в 30-е годы появляется вещь, которая становится очень важной, и это мы понимаем только потом: появляются паспорта, в которых записана национальность. И те украинцы, которые живут сейчас в Украине, - это украинцы по национальности и по самосознанию, но при этом русскоязычные. Они во многом такие за счет практики фиксации этничности в паспорте.

Я бы задумался о том, каким был опыт 30-х годов у украинцев по обе стороны границы – и на советской территории, и на польской. Тут возникает одна общая черта: когда в 1939-м и потом в 1941-м году начинает все сильно меняться, есть одна общая черта, объединяющая реакции этих людей: они совершенно без сожаления и с удовольствием прощаются со старым режимом. Т.е. в 1939 году, когда приходят Советы вместо поляков, не все так уж рады Советам, но все с удовольствием и без сожаления прощаются с поляками. Когда приходят немцы в 1941-ом, на территории Западной Украины не все, может быть, им рады, но о Советах никто не жалеет. На территории Советской Украины со времени 1920-х годов ситуация разная, конечно, но количество людей, которые связывают с приходом немцев большие надежды и потом рады тому, что немцев погнали, велико. И при этом нужно понимать, что эта реакция не сильно связана с национальностью, потому что мы можем представить себе большое количество русских, которые были бы рады – и были рады – тому, что “Советы погнали”. И поэтому военная советская пропаганда во многом была рассчитана на то, чтобы показать фашистские зверства так, чтобы блокировать эти настроения: “может, немцы придут – лучше будет”. Потому что за Сталина воевать не хотели, а когда поняли, что воевать надо не за Сталина, а за себя, семью и страну, тогда ситуация начала меняться.

К. Я продолжу твой тезис, но перед этим прокомментирую то, с чего ты начал: в 1930-е годы коренизация и украинизация и дальнейшее понятие титульной нации в республиках в рамках этого редукционистского канона национальной историографии, когда все многообразие явлений сводится к национальным мотивам и противостоянию нации чему-то, т.е. то ли внешнему, то ли внутреннему врагу, очень серьезно все упрощает. И один из аспектов такого упрощения – это известный факт о том, что в 30-е годы голодомор и репрессии шли параллельно, и параллельно уничтожались интеллигенция – мозг нации и крестьянство – хребет нации. Такие антропоморфизмы, связанные с общим канонам национальной историографии...

М. Воспринимающей нацию как живой организм.

К. Да. И поэтому сейчас, когда заходит речь о репрессии нации, часто говорят и о коммунистах, которые были репрессированы в 1930-е годы. В частности, если речь идет о репрессиях против украинства, то все время вспоминают о количестве репрессированных работников, иногда даже говорят об энкавэдистах украинских, которых репрессировали, т.е. получается, что это тоже украинская нация, которую уничтожали. При этом забывают

или стараются не замечать очень простой вещи, что когда в 1933-34 году, действительно, были репрессии против коммунистической партии, и позже, в 1937-ом, то уничтожали, может быть, как раз организаторов голодомора. И получается, что тот же старый тезис о репрессиях против палачей, которые вдруг тоже становятся репрессированными, но теперь уже под другой категорией: теперь это уже общая потеря для украинской нации.

М. И что происходит: все эти индивидуальные особенности, в том числе, и отвратительные, этих людей, нивелируются. И для нас теперь важно только то, что он украинец, т.е. пока он участвует в организации голодомора, он энкавэдист, а как только его репрессировали – он украинец.

К. Да, такая вот аберрация. И еще важный момент: когда мы говорим о 30-х годах, постукраинизации, когда речь заходит о сворачивании украинизации и ликвидации каких-то украинских институций, обычно вспоминают самоубийство Скрипника, но не обращают внимания на институциональные особенности, а 30-е годы – это продолжение физического увеличения доли украинцев в составе разных социальных групп, где они и раньше были представлены. Речь идет и об урбанизации, и об увеличении их доли в составе технической интеллигенции. Т.е. так просто обрывать украинизацию в 30-е годы и говорить о том, что это было все остановлено, и началась повальная русификация, тоже нельзя. Да, за пределами Украины были прекращены какие-то культурные инициативы и практики, которые должны были поддерживать украинское этническое самосознание.

М. И это очень важный момент, потому что, если мы хотим понять значение украинизации для формирования украинской идентичности, то нам очень важно посмотреть именно на те районы, которые имели украинские территориальные образования, но не находились в составе УССР, и где в 30-е годы эта практика была прекращена. Кубань, например, - очень интересный вариант. И те исследования, которые сейчас делаются – есть сейчас один американец, который пишет об этом книгу, – показывают, что и до сих пор там есть люди, которые демонстрируют ту идентичность, которая была характерна для людей, живших там еще при царе-батюшке. Они себя описывают таким образом: “Мы – хохлы, но хохлы не украинские. А мы хохлы российские”. И язык у них – это такой говор, который вполне можно отнести к украинскому диалекту. И это показывает, что даже пройдя период интенсивной украинизации в 20-е годы, и потом живя на территории, где в 30-е годы она была свернута (реально свернута, в отличие от Украины), они вернулись к старой идентичности, к тому, что украинские националисты клеймили как “малороссийство”. Ведь не случайно, особенно в среде украинской эмиграции, так настаивали на том, что понятие малоросс оскорбительно и уничижительно. Есть такой автор Евгений Маланюк, который написал большое эссе “о малоросийстве”. Он пытается там сказать, что это понятие малоросийства обязательно принижает, что оно уничижительное. Мы знаем, что в контексте XIX века оно вовсе не было уничижительным. Т.е. дискредитация этого понятия и попытки приписать ему уничижительное значение не случайны: это попытка поставить заборы для возврата в эту малоросийскость. Т.е. малоросийскость – это еще не вполне труп в качестве идентификационной стратегии в 20-е годы XX века. И это говорит о том, какое значение имела украинизация для формирования массовой украинской идентичности, и что продолжение этого процесса в 30-е годы, уже после того, как национальную интеллигенцию сильно проредили и запугали, но тем не менее, на институциональном, ритуальном и прочем уровне, это продолжалось и это закрепило украинскость заметно мощнее, чем какая-нибудь статья Хвильевого, которой ни один крестьянин в Украине не читал, да и из интеллигенции далеко не все. Т.е. это сдвигка значимости факторов.

К. Кубань — это, конечно, особый случай и в мифологии национального нарратива она играет особую роль. В том смысле, что ее все время представляют как территорию России, которая густо и преимущественно заселена украинцами, и когда речь идет о каких-то крупных жертвах, например, о голоде, всегда речь идет о том, что это район, который очень сильно пострадал, в первую очередь, потому что там были украинцы. Замечание о том, что там ситуация была гораздо более сложной и понятие “украинец” на Кубани — очень важное и очень верное, потому что Кубань — это казаки, причем очень разные, это, действительно, украинцы, которые так себя и идентифицируют, это так называемые «иногородние», очень специфическая группа: чужие, которые и дальше воспринимаются как чужие, потому что хозяева Кубани — это именно казаки, причем назвать их украинскими казаками — нужна большая смелость, потому что, если они даже когда-то и пришли с украинских территорий, то никогда так себя не идентифицировали, здесь можно вспомнить и такие элементарные вещи, как романы Серафимовича или Шолохова, где описываются ситуации, где украинцы, которых называют хохлами, и казаки — это две очень разные группы и очень враждебные по отношению друг к другу. Так что и здесь упрощение.

Кубань еще очень специфична в том смысле, что после гражданской войны и украинской революции, после того, как установилась советская власть в Украине, Кубань стала местом, куда стекалось очень много петлюровцев и людей, которые считались врагами Советской власти, и они уходили туда с украинских территорий, чтобы не стать объектом репрессий. Поэтому можно говорить о Кубани как об оплоте украинства именно имея в виду ту часть украинской интеллигенции, которая туда уходит. Но Кубань все-таки очень сложное явление и маркировать ее как «украинскую территорию» сложно. Там часто менялась власть во время войн: в течение Второй Мировой войны она поменялась несколько раз, и стоит обратить внимание на то, как люди относились к этой власти с точки зрения, скажем так, социальной антропологии: ведь для большинства населения, которое осталось на оккупированной территории, главная философия была не политика и не национализм, а просто философия выживания. Людям нужно было организовывать свою повседневную жизнь в условиях другого режима, от которого они ждали каких-то позитивных изменений.

М. Они ведь ждали сигнала о том, за что будут наказывать, и что будет считаться хорошим.

К. Когда была советская власть, они уже знали, что будет считаться хорошо, а что — не очень. В этом смысле очень любопытен опыт Западной Украины — там это было воссоединение с так называемой «материковой», тогда советской Украиной, и в советской идеологии это был праздник души и именины сердца: все эти плакаты с обнимающимися крестьянами, девочки с цветами, и можно сказать, что для какой-то части населения приход Советов был важен. Но для большинства населения приход их, при том, что они были рады, что ушли поляки, был не так уж и радостен, и к ним отнеслись очень настороженно. И первая же демонстрация культуры пришедших людей в городах — любимый анекдот во Львове — это жены красных командиров, пришедшие в Оперный театр в пеньюарах, принявшие их за бальные платья, — это до сих пор существует на уровне фольклора — это, конечно, не могло не насторожить.

Первые же месяцы военного сотрудничества пытались продемонстрировать лояльность, но потом началось с интеллигенции, и скоро отношения, что называется, вошли в норму. И поэтому, когда пришли немцы, их здесь уже воспринимали как освободителей. Если же речь идет о восточной Украине, то там к немцам было или нейтральное или положительное отношение, особенно на селе, потому что крестьяне массово ожидали, что

будут ликвидированы колхозы. Им пришлось быстро разочароваться, и поэтому, когда в Восточную Украину пришла Красная Армия, то ее воспринимали как освободителя, а в Западной Украине ее все равно воспринимали как оккупанта, и она там так себя и вела.

М. Если у нас что-то еще добавить?

К. Тогда я закончу с Советской властью и Красной армией после Второй Мировой войны. Интересно, как сместились акценты в новом национальном нарративе. Если говорить об учебниках и об официальной линии, то понятно, что нет уже «Великой Отечественной войны», а есть «Вторая Мировая», в некоторых учебниках она присутствует как «Великая Отечественная в рамках Второй Мировой», но в большинстве она подается как схватка двух тоталитарных режимов, в которой украинцам, как всегда, из-за отсутствия настоящей национальной государственности больше всех досталось. Это порождает некоторые проблемы в общественной жизни - как всегда, ветеранские организации выступают очень резко против такой трактовки, и практически любая годовщина победы в войне — то ли 2000 год, то ли 2005 год, - обязательно возникают требования пересмотреть учебники и вернуть старую концепцию.

Вторая серьезная проблема — это конфликт между ветеранами УПА и ветеранами Красной Армии. Какие-либо надежды на примирение не оправдались, хотя такие попытки неоднократно совершались, и особенные проблемы возникают в связи с новой глорификацией украинской повстанческой армии и смещение акцента в истории Второй Мировой войны в основном к деятельности повстанческой армии как национальной. Все эти глобальные действия на украинских фронтах сводятся к тезису о борьбе двух тоталитарных режимов, хотя термин «освобождение Украины» все равно присутствует, теперь уже от «нацистов», а не «немецко-фашистских захватчиков». И еще один важный тезис — то, что Западная Украина интегрировалась в ходе Второй Мировой войны в состав Украины: а) это территориальное приобретение и еще один важный шаг — это складывание территории государственной Украины; б) Западная Украина — это, конечно чужеродный элемент на протяжении всей советской истории, постоянно рассматривается ею как нечто чуждое власти, власть постоянно пытается ее интегрировать, абсорбировать и ассимилировать — и это никак не получается. И третье — сама Западная Украина и ее отношение к советской власти за чуть меньше, чем 50 лет присутствия ее там, так и не стало позитивным. Конечно, часть населения относилась к ней хорошо, но большая часть этого населения — эмигранты из Восточной части. И в 1991 году Западная Украина, в основном, конечно, Галичина, стала своеобразным эпицентром антисоветской власти. После выборов в 1991 году именно галицкие области стали первыми «советскими антисоветскими» областями, потому что власть там получили те политические силы, которые были антисоветскими.

Россия-Украина: как пишется история

Беседа Алексея Миллера и Георгия Касьянова.

Часть 5. Первая мировая

02 июля 2009, 09:35

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/07/02/worldwar/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работают: государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентификаций – российско-украинская история, – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Части публикуются не в порядке последовательности обсуждаемых событий - пятая часть беседы содержит разговор о Первой мировой войне.

См. также:

Часть 1: Голодомор

Часть 2. Вторая мировая война

Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы

Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой

Георгий Касьянов. В национальном нарративе Украина и украинцы, когда речь идет о Первой мировой войне, стандартно представлены как объект воздействия конкурирующих внешних сил. Этническая составляющая главная — украинцы, живущие в разных империях, представлены как некое этническое и культурное целое, страдающее от имперского ига — особенно в период войны. Стандартная схема — украинцы, разделенные между двумя воюющими империями.

Алексей Миллер. Между большим количеством империй.

К. Ну, к Османской империи вряд ли они имели...

М. Германия и Австро-Венгрия - с одной стороны, Российская империя – с другой. Вообще-то украинцы были и на Закавказском фронте, так что можно еще и туда...

К. В любом случае, в официальном историческом национальном нарративе война для украинцев - бедствие в том смысле, что она происходит на украинских территориях, поэтому народ страдает, и, кроме того, украинцы вынуждены сражаться в армиях враждующих государств друг против друга. Война трансформируется в революцию, и революция в официальном дискурсе называется или «украинской революцией» или “визвольні змагання”, т.е., — освободительная борьба. Оба термина пришли из эмиграции и из диаспоры и были приняты без особых проблем, и здесь украинская революция фактически начинается с создания Центральной рады, и ее хронология протягивается до 1920-го или даже до 1921 года, т.е. до рейдов Тютюнника с территории Польши. Иначе говоря, растягивается на 4 года, и такое понятие «украинской революции» включает в себя все виды украинской государственности, которые были: Украинская Народная республика, Украинское государство Скоропадского, Западноукраинская народная республика. Выстраивается единая линия неуклонного национального освободительного движения, которая ведет к главной цели — созданию украинской государственности. И результат этого дальше уже трактуется так: рождение и гибель украинской национальной государственности, и появление советской украинской государственности, которое, как правило, трактуется как нечто чуждое государственности национальной. Советская государственность может трактоваться в двух аспектах: с одной стороны — как разрыв в истории “нормальной государственности”, с другой — как часть “нормальной государственности”, но все-таки не совсем полноценной. Т.е. возникает своего рода исторический антракт между 1917-1920-ым годом и 1991. И дальше — 1991 год рассматривается как легитимная историческая связь с Украинской народной республикой, акцент делается именно на нее, государство Скоропадского, как правило, не очень выпячивается в смысле украинской государственности. Вот такая общая схема, которая, как обычно, очень сильно все упрощает. Таким образом «мировая война» и украинская революция сливаются в единый процесс.

М. Надо сказать, что какой-то русской, российской доминирующей схемы нарратива Первой Мировой войны вообще нет. Поразительно, как эта война оказалась выкинута из большого национального нарратива. Я думаю, если рассуждать о том, какую роль сыграла война и последующие события в системе отношений между русскими и украинцами, то стоило бы начать с двух очень любопытных источников, которые мне пришлось читать некоторое время назад. Один — это стенограмма заседания Думы в январе 1914 года, где обсуждается вопрос о том, что российское МВД мешает украинцам праздновать юбилей Шевченко. И там выступает целый ряд людей, включая Милюкова, главным оппонентом которого является Иван Савенко, лидер Киевского клуба русских националистов, самой крупной националистической организации на территории Российской империи, уроженец Полтавской области. По фамилии примерно понятно, какой он русский — то есть отличный русский националист, только малоросс, и в этом смысле он очень парадигматическая фигура. О чем они спорят? Милюков говорит о том, что украинское движение растет, и что с умеренными украинцами типа Грушевского нужно договориться, чтобы потом не пришлось иметь дело с такими украинцами, как Донцов, которого Милюков считает, и вполне заслуженно, таким интегральным националистом, с которым договориться будет очень сложно. А Савенко в ответ ему говорит, что “вы вот тут обсуждаете, как давать украинцам автономию, а на самом деле, если вы ее им дадите, они этим потом не удовлетворятся. Если всерьез относиться к этому движению, то нужно делать только одно: не мешать МВД его подавлять”. Любопытно, что оба они по-своему правы и не правы. В диагнозе прав Савенко, который говорит, что тот же Грушевский, получив автономию, на следующий день станет мечтать о федерации, и т.д. Но когда он говорит, что “просто давайте не будем мешать МВД их подавлять”, в этом мог бы быть какой-то циничный резон, но силенок у МВД в это время уже недостаточно. При этом Милюков, будучи, наверно, неправым в диагнозе ситуации, ищет платформу, на которой

можно было бы договориться. Ему не нравится федерация, как не нравится на самом деле и автономия, но он боится в этом признаться, потому что в программе у кадетов есть автономия, а введена она туда по настоянию их партнеров в Киеве, с которыми они сотрудничают для того, чтобы получить киевские голоса.

Второй источник – это потрясающе интересные дневники Евгена Чикаленко, который является ключевой фигурой в организации украинского движения в Киеве. Он издает единственную уцелевшую в это время газету “Рада”, уцелевшую, потому что она выстояла за счет дотаций, которые он собирает. Если мы смотрим на его дневники 1912-13 года – а они замечательны тем, что они не правленные: он не готовил их к публикации и ничего не поправлял в том духе, который бы считал правильным в 1920-ом году – они очень пессимистические. Он рассуждает так, как рассуждает какой-нибудь Некрасов про революционно-демократическое движение в середине XIX века, что “конечно, не мы увидим “зарю свободы”, но дети наши или внуки, а мы должны трудиться, чтобы свеча не погасла”. И он воспринимает это украинство как свечу, которая вот-вот погаснет, это очень видно из его дневников. И из его дневников видно, что вокруг него есть большое количество людей, которые, по его мнению, украинцы, но помосковленные и никак не желающие принимать участие в движении. Он же все время пытается их агитировать и говорит им, что они же украинцы, а они на это все смотрят... Они любят украинский язык и говорят: “Что вы корежите красивый язык простого народа и пытаетесь сделать из него какую-то интеллигентщину. И еще какие-то слова изобретаете – нет, чтобы брать понятные русские, если малорусских нет”. Т.е. на самом деле это очень любопытно: если верить Чикаленко, то по его словам, процесс русификации идет в городах очень успешно. Но все равно движение расколото, киевляне ненавидят галичан, и ненавидят тот украинский язык, которым пишут галичане. Знаменитый Ефремов, о котором мы говорили применительно к периоду коренизации, был известен тем, что когда ему в киевском магазине попадалась книжка, написанная галицкой мовой, он ее хватал, бросал на пол и начинал топтать.

К. А он платил за нее?

М. Об этом источники умалчивают. Как раз на этом фоне очень хорошо понятно, что происходит в 1914 году, потому что война еще не началась, но запах ее уже есть. И Чикаленко совершенно меняется, у него резко активизируется воображение, потому что он понимает, что вот-вот что-то начнется, и поэтому все старое изменится: мир после этой большой войны будет другой, и если правильно подсуетиться, то в этой ситуации можно много чего поймать. И таково общее воздействие приближающейся и начавшейся войны на сознание всех националистов на окраинах. В каком-нибудь 1912 году единственное, что можно сделать, – это торговаться с властями за мелкие уступки с неизвестным исходом. В 1914-м ситуация уже совершенно другая. А следующий очень важный фактор – это оккупация. После знаменитого Горлицкого прорыва 1915 г. значительная часть Украины оказалась под властью немцев. И, так же, как и в Белоруссии, немцы среди прочего проводят политику дерусификации. Прежде всего, они запрещают к официальному использованию русский язык, а вместо этого объявляют официальными языками украинский и белорусский. Это, конечно, не приводит к какой-то резкой смене языковых предпочтений населения, но имеет гигантское символическое значение, потому что немцы впервые создают ситуацию, в которой владение украинским языком становится преимуществом, и в которой доминирующий русский язык – язык государства – вдруг оказывается дискриминируемым.

К. Это про какие регионы идет речь?

М. Весь правый берег фактически занят немцами, Киев занят в 1915 году. Еще один крайне важный момент – это лагеря для военнопленных. Потому что немцы, а вслед за ними и австрийцы создают лагеря для украинцев. Для того чтобы людей в эти лагеря рекрутировать, многим приходится объяснять, что они украинцы. Там есть специальные техники вроде “Шевченко знаешь? Любишь его?” Потому что разные люди называют себя хохлами, малороссами и т.д., и в украинский лагерь идти не хотят. Потом выясняется, что в украинском лагере лучше кормят, и вообще условия лучше. Кстати, среди возвращающихся из немецкого плена людей российские спецслужбы того времени отлавливали украинцев по признаку упитанности. Там их кормили лучше, поэтому русский, возвращающийся из плена, был тощий, а украинец – нет. Там с ними работает Союз Освобождения Украины, который занимается обучением грамоты на украинском, националистической пропагандой, и готовят к созданию украинских частей.

К. Я думаю, термин “националистическая пропаганда”...

М. Ну как, вся такая пропаганда – националистическая. Не в советском смысле...

К. Вот советский смысл это понятие и дискредитирует.

М. Но мы уже далеко уехали от советского времени и понимаем, что бывает русская националистическая пропаганда, украинская, немецкая и т.д. И они все плохие, потому что это националистическая пропаганда.

К. Для нас как для исследователей не имеет значения – плохие они или хорошие, они просто есть.

М. Имеет значение, потому что людей учат...

К. Любить свою нацию.

М. И ненавидеть чужую, потому что в пропаганде того времени, конечно, речь идет скорее о втором, чем о первом.

К. В военных лагерях – да.

М. Трудно себе представить иначе. И, наконец, еще одна очень важная вещь, когда в 1917 году Временное правительство и Корнилов как главнокомандующий решают в качестве последнего ресурса для мобилизации боевого духа начать национализацию частей. В мемуарах Скоропадского есть чудесный эпизод, когда он пытается убедить Корнилова, что не надо украинизировать части: “Был я в Киеве, видел я этих украинцев. Они мне очень не понравились. Во-первых, потому что фанатики, во-вторых, потому что очень активные. Добром это не кончится”. Он получает приказ Корнилова о национализации, как хороший царский генерал выполняет его - и этим зарабатывает авторитет среди украинцев, который вскоре позволит ему стать гетманом. Т.е. масса всяких воздействий, которые мобилизуют этничность. В Западной части - яркий эпизод, чтобы было понятно, что происходит, - в Галицию входят венгерские части. Они не очень знают славянские языки. Когда они спрашивают местных крестьян, кто они, и получают ответ “русины”, это им напоминает понятное слово - “русские”, со всеми вытекающими последствиями.

Эти русины-русофилы помещаются в концентрационные лагеря Терезин и Таллергоф. Это первые концлагеря, которые делались на территории Европы. Европейцы (британцы) организовывали концлагеря во время Бурской войны, но это было все-таки в Африке.

Когда начинают говорить о том, что Гитлер научился у Ленина, то Ленин-то научился у австрийцев.

К. У Франца-Иосифа.

М. А первые это англичане придумали в анго-бурскую войну – демократия, между прочим.

В лагерях плохо, и террор против русофильствующих униатских священников есть, вплоть до повешения на воротах церкви. Это как раз та картинка – повешенный на воротах церкви священник, - которую видит, перед тем, как погибнуть, протагонист гениального романа Йозефа Рота «Марш Радецкого». На русский, кстати, переведенного. Весьма вероятно, что и на украинском он есть. В результате в 1915 году часть этих галицийских политиков обращается с просьбой к императору официально переименовать их в украинцев. Там была комиссия, но они получили отказ. Но это любопытно: как какие-то опции в ходе войны оказываются совершенно не у дел, а какие-то, наоборот, поднимаются на поверхность. Плюс русофильство в этой части очень пострадало во время русской оккупации, потому что оккупационная политика русских властей была совершенно идиотская: они стали преследовать униатство и оттолкнули значительную часть населения, хотя изначально оно приветствовало приход русских частей в Галицию.

К. Но как это связано с русофильством?

М. Ну, в Галиции было довольно сильное русофильство даже накануне Первой Мировой войны.

К. Но тогда почему русская оккупационная власть преследовала русофильство?

М. Она не преследовала русофильство, она преследовала униатство, а многие местные униаты были русофилы, но от униатства им отказываться вовсе не хотелось.

Поэтому, преследуя униатство, оттолкнули очень многих, прежде симпатизировавших. И, разумеется, преследовали украинофилов. А в целом нужно сказать, что в этот период нельзя говорить даже об украинстве как о чем-то едином. Есть украинцы – мы говорим о сознательных украинцах, – которые по-прежнему делают ставку на победу России, те, которые делают ставку на немцев, и те, которые делают ставку на Габсбургов. Габсбурги, при том, что они очень слабы, натренировавшись играть в национальном вопросе в XIX веке, на длительную перспективу имеют очень интересную тактику: у них есть свой Вильгельм Габсбург, который позиционирует себя как украинец, и у него большая популярность, и он, кстати, в отличие от немцев, относится к украинцам не слишком потребительски, т.е. он не пытается просто выжать из этой территории как можно больше хлеба. Он готов стать украинцем и монархом Украины – Василем Вышиваным.

И чем дальше мы идем, тем больше из войны мы вползаем в революцию, и мне кажется, что здесь очень важно, что в 1916, 1917 году и позднее появилась очень важная возможность у украинских левых партий «продавать» национальную программу вместе с социальной. Т.е., они говорят о земле, и говорят, что вопрос о земле будет решен в украинском государстве. И это очень важно, т.к. возникают новые способы пропаганды украинской идеи через вызывающий очень большую отзывчивость у крестьян мотив земельного вопроса.

К. Фактически ты начал не столько деконструкцию официального доминантного нарратива, сколько выстраивание рядом с ним другой, более разнообразной и многослойной картины того, что происходило в период Первой Мировой войны и революции. Я бы хотел прокомментировать несколько тезисов. Первый тезис – о многообразии украинского движения. В конце ты сказал о левых партиях и левом украинском движении – это очень важный тезис с точки зрения ретроспективы. Потому что когда мы говорим “украинское национальное движение”, возникает ассоциация с теми, кто говорил о независимости или автономии. Фокус в том, что о независимости в украинском национальном движении рубежа XIX-XX веков в Российской империи вообще никто не говорил, кроме маргинальных радикалов. Да и в целом украинское национальное движение на общеимперском фоне было достаточно маргинально. Если его сравнить с теми же кадетами, то величины не соотносимы. Тем не менее, эволюция украинского движения от его появления как политического явления в начале XX века - и к революции, которую историки сейчас называют украинской, интересна тем, что это больше движение, обращенное к социальным проблемам. Ведь не зря к 1918-19 году это в основном те, кого можно назвать эсерами, и те, которые смотрят больше в сторону крестьянства и его социальных нужд. Еще очень интересно, что практически малоисследованный аспект – это неполитическое украинское движение. С одной стороны, оно культурническое, которое считается чем-то второсортным, потому что занималось просветительской деятельностью и было чем-то соглашательским, а, с другой стороны, еще один важный элемент национального движения – кооперативы, разные формы хозяйственной самоорганизации, которые в случае с Украиной принимали национальные формы. Например, сельскохозяйственные брошюры печатались на украинском языке. Этот акт недооценивается и недосматривается историками, потому что там нет такой политической эффектности, чтобы можно было описать захватывающую борьбу. Это рутинная каждодневная деятельность, которая очень важна, но не привлекает особого внимания. Украинское движение этого времени очень разнообразное, противоречивое, там есть враждующие группировки, и не только по социально-классовому признаку или ориентации на какие-то социальные группы. Предположим, левые враждуют с либералами или с каким-то аналогом кадетов, националисты враждуют с левыми или с теми же либералами, против либеральной интеллигенции в 1904-1905 году выступает Донцов, причем выступает как социал-демократ, а не как националист, а уже в 1913 году он выступает против них как националист, считает их соглашателями. Т.е., картина очень сложная, нет единого национального движения. И к моменту краха центральной власти и начала революции это движение очень фрагментировано, раздроблено и не имеет серьезной силы, но, как ни странно, когда происходят выборы в Учредительное собрание, оно получает достаточно большой процент голосов. Учтем, что это происходило в основном в городах, тем не менее, оно имеет какое-то влияние, и, как оказывается, достаточно широкое, но не структурированное. Т.е., оно не может мобилизоваться как единая сила, которая в состоянии единым мощным субстратом и единым движением противостоять чему-то и организовать что-то конструктивное, т.е., внутри него слишком много противоречий. Следует учесть и то, что основу этого движения составляла интеллигенция — и не только городская, которой было очень мало, но и так называемая земская, та, что как правило состояла из выходцев из села, небольших городов и местечек, и там же работала. Все эти сотни и тысячи счетоводов, мелких бухгалтеров, учителей начальных школ, кооператоров, землемеров, агрономов и т.д. составили социальную базу национального движения, очень близкую к крестьянству. Это важная часть действительности, которая важна для понимания того, что происходило в 1917-1920 годах, «откуда есть пошла украинская революция». Внешний фактор тоже очень важен и он тоже в национальном нарративе рассматривается только в одном аспекте: противостояние России, причем, как таковой, независимо от того, имперская она или демократическая, и Украины, опять-таки, как таковой. Т.е., России как центра и Украины

как территории и некой самоидентичности, которая стремится самореализоваться в независимость. А ведь даже в начале революции никто не говорил серьезно о независимости. До начала 1918 года речь шла об автономии в составе демократической России. И все переговоры с центральным правительством в Петербурге велись о большей или меньшей автономности, но уж никак не о независимости. Есть очень интересные дневники Бориса Мартоса, который присутствовал на первом съезде крестьянства.

М. Кто это?

К. Известный общественно-политический деятель эмиграции в 20-е годы. И он пишет о первом съезде, по-моему, это конец весны 1917 года, съезд происходит в Киеве в Купеческом собрании, сейчас это Государственная филармония. И там в какой-то момент председательствующий – В. Винниченко - заговорил было о независимости и вызвал бурю возмущения среди делегатов съезда, которые представляли наиболее активную, влиятельную часть крестьянства, и которые были резко против постановки вопроса о независимости Украины. Винниченко пытался успокоить делегатов, так звенел в свой колокольчик, что у того оторвался язычок, и он просто сел, обхватил голову руками и молчал, пока эта буря не успокоилась, так что можно предположить, что идея независимости была крайне непопулярна в этот момент. Крестьян интересовало другое - земля. В общем, то, что называют украинской революцией, — это очень запутанный клубок событий, где можно найти и целую серию социальных конфликтов, и гражданскую войну, и интервенцию, и культурные сдвиги, и попытки создания новых форм власти, и самые крайние формы социального поведения, в любом случае, когда все это редуцируется к национальному движению “визвольним змаганням”, — это не идет на пользу адекватному восприятию прошлого. Оно очень обедняется.

Приведу лишь один пример: в доминантном нарративе гражданская война представляется как приход Советской власти с севера и как оккупация Украины другой страной.

М. Это выводит на еще один важный момент: когда мы пытаемся понять, что произошло, то когда идет об Октябрьской революции, еще неизвестно, что это за большевики, что произошло, но важно, что провалился, исчез легитимный центр. Есть первый акт: подрыв некоторых важных основ легитимности со свержением монархии, которая мало популярна в тот момент, и именно за счет ее непопулярности Временное правительство оказывается легитимным, его признают. Оно революционное, но прилично-революционное, ожидаемое, демократическое, и т.д. Приход большевиков – это диктатура, и если мы посмотрим на положение тех людей, которые однозначно считают себя русскими и живут в это время, например, в Киеве, то мы увидим что центр, куда бы они могли делегировать свою лояльность, - они могут только надеяться, что он будет восстановлен, но его не существует. Это очень хорошо описано у Булгакова в “Днях Турбиных”, об этом пишет в своих дневниках Вернадский, о котором мы говорили. Вернадский организует Украинскую Академию наук, руководствуясь тем, что “если не мы поможем украинцам создать, тогда это сделают поляки”. А еще “мы должны стараться сохранить культурные учреждения, потому что, – как надеется Вернадский, - Украину удастся от большевиков защитить и это будет тем местом, где сохранится русская культура, потому что под властью большевиков она погибнет”.

К. Ну, он имел в виду русскую культуру как культуру буржуазии, городскую культуру.

М. Да, буржуазную, дворянскую и т.д. Поэтому мы находим русских офицеров, служащих у Скоропадского, а потом мы найдем русских офицеров даже у Петлюры. В этом смысле русский национализм, который был довольно силен в том же Киеве, так бесславно

испаряется ровно потому, что у него нет центра притяжения. Еще один важный момент для того чтобы понять, что происходит и какова динамика утверждения этого национального сознания: у нас ведь есть крестьянские армии, которые формируются на территории Украины, т.е., из крестьян, которых национальный нарратив называют украинцами, и для которых украинскость совершенно не является важным мотивом. Махно не является украинским националистом, он анархист, и его крестьяне из Гуляй-поля - не украинское национальное движение. При том у меня ощущение, что это самое массовое крестьянское движение на территории Украины того времени.

К. Любое крестьянское движение на территории Украины того времени – это немедленный ответ на что-то. Махно - это немедленный ответ на немцев, реквизиции и возвращение собственности помещикам. Это, кроме прочего, — апелляция к чувству ненависти по отношению к городу как таковому. Восстание осени 1918 года против Скоропадского – это немедленная реакция на то, что при Скоропадском опять возвращали собственность, пороли крестьян и опять были реквизиции. Крестьянские восстания при Советской власти – это реакция на реквизиции, на военный коммунизм и т.д. Т.е. никакого системного фактора, как, например, национальный, здесь нет, это всегда спонтанная реакция на резкое социальное давление. Поэтому говорить о крестьянах как о движущей силе национальной революции на территории Украины – на мой взгляд - некорректно.

М. Еще один момент, который стоит подчеркнуть: при падении режима Скоропадского происходит очень интересная вещь. Его режим на Украине, но его верхушка и главная структурная часть состоят из людей, которые были носителями определенно другой, не украинской, государственной и, я бы сказал, государственнической традиции. Скоропадский – очевидным образом государственный деятель: он царский генерал, он думает о перспективе, пытается переориентироваться с немцев на Антанту, думает о том, как он дальше будет выстраивать отношения с Россией, когда там кончится большевизм, он ведет переговоры с Кубанью и готов ее признать как отдельное образование, хочет сохранять культуру... Есть один очень интересный человек, поляк по происхождению, тоже украинский националист, но специфического консервативного толка – Вацлав Липиньский, который развивает идею о том, что украинцы должны принять в свои ряды представителей польской шляхты, потому что они – носители высокой культуры, они – элита. Кое-где это и произошло, потому что униатскую церковь превратил в оплот украинства поляк Шептицкий. С падением режима Скоропадского это уходит, и та элита, которая приходит с Петлюрой, состоит из людей, которые этого государственнического инстинкта практически лишены. И в некотором смысле мы можем сказать, что это общая проблема украинских элит потом. Мы это очень хорошо чувствуем после 1991 года. Вот нет этого государственного инстинкта. Потому что в некотором смысле очень похожий на Скоропадского человек – это Маннергейм, создатель финского государства. Он царский генерал, генерал свиты, он встает во главе финнов, чтобы бороться с большевиками, создает финское государство, и процесс идет совершенно иначе, и, кстати, шведская элита сохраняется. В украинском случае идет некое вытеснение любой инородной (аналога шведской) элиты, в этом смысле это не включающий национализм и не обладающий этим элитарным потенциалом государственности.

К. Да, это очень важное наблюдение, чтобы понять, почему украинская государственность, построенная на принципе этнической эксклюзивности, не удержалась. Скоропадский пытался построить украинское государство, но на принципе этнической и культурной инклюзивности, на принципе вовлечения в задачу построения государства

любых компетентных групп населения. Он использовал компетентную русскоязычную бюрократию, компетентных русских офицеров... Конечно, все это было под временным протекторатом немцев, никто не знал, что он временный, но в любом случае, если оценивать государственный потенциал разных украинских правительств, а Скоропадский – это украинское правительство, то он стоит совершенно особняком и, если мы употребим сослагательное наклонение истории, то это была наиболее перспективная попытка государственности...

М. У нас в России просто если кто-то что-то и знает о Скоропадском, то от Булгакова, который очень его не любил и всячески над ним насмеялся, – это несправедливо.

К. Да, совершенно несправедливо. Это был очень образованный человек со структурированным разумом,

М. И это человек, который в качестве сотрудника для основания украинской Академии наук выбирает не Грушевского, а Вернадского, что о нем очень хорошо говорит.

К. Безусловно. Вернадский – это гораздо более синтетический и организованный ум, и гражданское самосознание совершенно другого уровня.

М. Интересно, что Вернадский в этот период все время пишет в дневниках о том, что надо написать статью о соотношении понятий «великорусский» – «украинский» – «русский». Т.е. он все время хочет переформулировать то, что было в XIX веке, потому что одна из проблем русско-украинских отношений - когда есть национальный проект “малороссы – великороссы – белоруссы” - все должны стать частью единой нации, и региональные различия должны постепенно стереться. И этот проект доминирует до Первой Мировой войны. Дальше произошли серьезные изменения. Как их учесть? В современном украинском нарративе украинскость – это однозначное “отпихивание” от русскости. Вернадский, и, кстати, Скоропадский тоже, думают о том, каким образом украинскость может быть не враждебна русскости. И идея о том, что в Украине параллельно существуют русские и украинские учреждения, очень любопытна, потому что, раз большевики и Советы на востоке делают черт знает что, то Украина становится резервуаром сохранения русской культуры. Т.е. даже признание украинскости не обязательно должно вести к конфронтационности и враждебности. В этом смысле Советы потом предложат свою концепцию: это “братские народы”, и по-своему довольно эффективно реализуют, потому что если мы посмотрим на состав номенклатуры, то совершенно очевидным образом вторая наиболее представленная группа – это украинцы.

К. Что соответствует геополитическим, демографическим и т.д. реалиям СССР.

М. Не только в самой Украине, за ее пределами.

К. Я и говорю – в СССР.

М. Тут важно вот что: даже когда за местными национальностями была закреплена роль первого секретаря республиканской коммунистической партии, очень важную роль играет второй секретарь, который контролирует силовые органы. На этой позиции были только два сорта людей: либо русские, либо украинцы (знаменитый Поляничко, который это контролировал в Азербайджане еще при Горбачеве). Что я хочу сказать: современный нарратив все время направлен на отчуждение. Это только один из выборов украинского национализма, были и другие варианты, которые видели иначе возможности отношений между русскими и украинцами.

К. Национализма как государствообразующей идеологии.

М. Да.

К. Тут важно подчеркнуть один момент: когда мы говорим о революции и гражданской войне и о том, что кроме Скоропадского все другие украинские правительства, которые были на территории той Украины, что раньше входила в состав Российской империи (Габсбургов здесь не касаемся), выталкивали русский элемент, то очень важную роль играют не этнические, а классовые соображения, потому что для этих правительств это было очень важно. Если мы говорим о первой украинской власти, с января 1918 года и до переворота апреля 1918 года, то она была очень синтетична в национальном соотношении. Достаточно вспомнить состав Центральной Рады, где были представлены практически все национальности, в национальном отношении и Центральная рада, и Генеральный Секретариат были очень толерантны и терпимы, и там не было политики этнической эксклюзивности, а только социальной эксклюзивности, а она совпадала с некоторыми этническими группами. Когда мы говорим о второй украинской власти, о Петлюре и Директории, здесь в большей степени присутствует этнический элемент, но все равно и здесь нет резкого противостояния. Я думаю, что это все уже привнесено историками в ходе выстраивания национального нарратива. А если такие элементы и были, то они были связаны с элементами противостояния с теми русскими и российскими режимами, которые появлялись уже в ходе гражданской войны. Здесь мы ведем речь о большевиках, которые далеко не сразу были настолько толерантны, а сначала очень сильно ошиблись и потом уже были вынуждены учесть эти ошибки. Мы говорим о монархическом режиме, о Деникине и Белой армии, которая в национальном отношении была крайне нетерпима.

М. Но при этом, кстати, обрати внимание: ты говоришь “нетерпима”, да, конечно, “единая и неделимая Россия и т.д.”. Но что любопытно: Петлюра, прижатый к стенке, потом вступил в союз с Пилсудским, а ведь вооруженные формирования Западноукраинской республики, которые никак не могут вступить в союз с Пилсудским, потому что они с ним за эту Западную Украину и борются, потом вступят в союз с Деникиным.

К. Ну, это временный, ситуативный союз, достаточно вспомнить судьбу этой армии, которая в значительной части потом вымерла от тифа и рассосалась в рядах деникинцев. Это просто была такая форма эмиграции и эпизод, который не говорит ни о каких серьезных тенденциях. Если суммировать: когда мы говорим о Первой Мировой войне, об украинском движении, о российском факторе, о крушении империи, о смене властей, об этнических мотивах, о военно-политических и геополитических мотивах, о внешних факторах влияния на события на украинских землях в этот период, - мы видим, что канонический национальный нарратив очень обедняет картину.

М. Как это обычно и бывает с национальными нарративами. Что я хотел подчеркнуть: тогда очень хорошо было видно, что различные интерпретации украинскости позволяли выстраивать разные отношения с русскими, и это ощущение, что Украина обязательно должна быть отдельной и защищать себя от России (в любом ее качестве – большевистской, пост-большевистской), – далеко не является доминирующим. Здесь важны две вещи: что тогда люди думали, и как историк об этом рассказывает. Что знают про Вернадского на Украине? Знают, что он основал Украинскую Академию наук.

К. Хорошо, если знают.

М. Но даже и при этом: чем он руководствовался, какие были мотивы – неизвестно. А уж что он думал об этом параллельном существовании – кто-нибудь об этом рассказывает? Это очень важно. Вопрос о том, как рассказывается история – это вопрос о том, как формируется отношение к соседу. Голод 1932-33 года: либо мы рассказываем украинцам про то, как “русские приехали в наши хаты”, либо мы говорим о голоде, который был в разных местах, у него была своя специфика, но территория была гораздо большей, и это беда, которая была у нас, и у них, и у них, – и это совсем другая история. Или у нас история Красной Армии, которая бьется с немецкой армией во время Второй Мировой войны, и в рядах ее есть украинцы, и это история и плохого, и хорошего, либо у нас украинцы – это только те, кто борется с Красной Армией в Западной Украине. Либо у нас украинцы, которые в Советской армии, – это несчастные жертвы, потому что их загнали. А если немцы насилуют, то это только русские, в крайнем случае, какие-нибудь казахи или чукчи, а украинцы здесь ни при чем. Можно было бы рассказывать об общем страдании и опыте, в том числе, таком, за который стыдно. Но ничего этого нет. Этот национальный нарратив очень антирусский, отчуждающий.

К. Элемент отчуждения обязателен при создании национального нарратива, обязательно должен быть Чужой, которому противопоставляется Свой. В украинском нарративе это Россия, но мы не можем экстраполировать это на всю Украину, есть Восточная, Западная, Центральная, и везде может быть по-разному. Второй такой Чужой – это Польша. Ну, где-то в третьих, четвертых рядах могут быть татары, турки, евреи, но, в любом случае, такая конфронтация очень важна, без этого сформировать свой национальный нарратив практически невозможно.

М. Очень важно, конфронтация это или разграничение. Потому что о чем мы думаем, когда возникает образ иного? Ведь этот национальный нарратив приучает нас к тому, что это конфронтация, ведь ты сейчас не случайно именно эти слова употребляешь. А разве я не могу думать об ином как об объекте эмпатии, заботы и т.д.? Ведь ребенок когда говорит: “мое”, он этим отчуждает себя от других. Но при этом, по мере взросления и формирования личности, если он нормально формируется, он начинает воспринимать людей как объекты заботы, уважения и т.д.

К. Я совершенно согласен, и когда я говорю “конфронтация”, я отнюдь не впадаю в какую-нибудь оправдательную риторику, а просто объясняю механизм: почему это выглядит так и по-другому выглядеть не может. А по-другому выглядеть не может, нет этой эмпатии и выстраивания схемы, направленной на сосуществование, потому что выстраивание национального нарратива в течение 1990-х годов в Украине происходило по стандартной схеме XIX столетия, и эта схема, если посмотреть на то, как выстраиваются национальные нарративы во второй половине XIX века, то они все выстраивались на конфронтации, ни о каком сосуществовании речи не шло. Т.е. какой-то сжатый отрезок времени Украина и украинская историография, и, прежде всего, аффирмативная историография, которая отвечает за формирование канона, строилась на основе противопоставления с Другим, который был Чужим. И Россия тоже была этим Другим. Но я хочу еще раз напомнить о том, что в Украине нет единообразия мыслей и подходов по этому поводу. При том, что официально может навязываться идеология или подтекст

конфронтации, региональные измерения играют очень серьезную роль, и если речь идет о востоке Украины, то там этого почти или совсем нет.

М. Ну, эту часть мы в печатной публикации перенесем или в выводы, или во введение.

К. Хорошо. В любом случае, говоря о такой ситуации, нельзя упоминать только одну сторону – об украинцах и украинском нарративе, нужно говорить и о реставрации неоимперского нарратива в России,

М. Что ты имеешь в виду?

К. Идею объятия всех прежних территорий и восстановления реабилитации имперской славы и советскости, которая в 90-е годы была, в основном, предметом негативного осмысления, а сейчас советскость становится предметом прославления. Конечно, в Украине, в рамках национального нарратива это может привлечь только негативное отношение.

М. Мне кажется, что здесь ты сам в некотором смысле становишься жертвой этой оптики. Вот почему: у нас возникала эта тема, когда мы говорили о разнице Киева и Москвы. В Киеве люди занимаются только украинской историей, ничем больше. В этом смысле Москва другая, и должна быть другой, в этом ее большое преимущество. Я бы хотел сказать, что в учебниках происходят похожие вещи: национализация, а не восстановление имперского нарратива. Я видел учебники, в которых не было даже польского восстания 1863 года в хронологической таблице – и это учебник, готовящий для поступления в вуз, изданный МГУ. Ну, зачем она, Польша, где она? Мы пишем историю Российской Федерации в XIX веке. У нас есть Борис Миронов, который написал социальную историю России периода империи – это официальное название книги, как будто он знает, где эта Россия начинается, и где она заканчивается. Есть другая школа, которую я, например, представляю, и которая говорит, что мы должны заниматься историей Российской Империи, и здесь гигантское поле для сотрудничества, в том числе, между украинскими и русскими историками. Поэтому я и делаю серию “Окраины Российской империи”, и т.д. И с одной стороны, есть люди, которые стоят на страже с винтовкой в Киеве и говорят, что это возрождение имперской историографии, и чего это они полезли нашу историю писать. А есть люди в России, которые обвиняют меня в том, что у меня в этой серии есть не только про Украину, Польшу, Белоруссию, которые уже отвалились. Но и про Сибирь и Северный Кавказ. Они говорят: “Ты что, хочешь, чтобы они тоже отвалились?”

А советский нарратив – это очень важно, потому что это такая слепая точка в историографии, особенно в учебниках, особенно последнего времени. Т.е. это попытка протянуть линию государства, которое может быть очень строгим отцом, но которого нужно слушаться. Именно через такие мотивы идет реабилитация сталинизма в новых учебниках Филиппова, Данилова. Это очень неприятная тенденция.

К. Я тогда отсюда проведу линию к своей реабилитации. Я заменю словосочетание “неоимперский нарратив” на “государственный”, потому что явно прослеживаемая тенденция (может, у меня не хватает информации) в российской историографии и официальной линии – это, если сказать метафорически, “история государства Российского”. Этот государственный экстаз позволяет проектировать и советский нарратив, и неоимперский в разные когнитивные и объяснительные структуры. Таким образом, это не может не привести к тому, что этот государственный экстаз воспринимается, используя старые термины, “отложившимися” территориями как некоторая претензия на реставрацию некоего доминирования: духовного, культурного, экономического или политического. Тем более что все это сопровождается – я предлагаю не забывать об этом – или действиями, или заявлениями, или какие-то стратегическими программами, существующими или воображаемыми на разных этапах российского общества. Если в Российской Думе, которая не играет решающей роли в политической жизни страны, произносится декларация о Крыме или о Севастополе как российских территориях, то, конечно, это немедленно воспринимается в Украине какой-то частью политикума и, соответственно, какой-то частью историков как неоимперские амбиции.

М. Что, кстати, глубокое заблуждение.

К. Это, может быть, и заблуждение, но я говорю о том, как это воспринимается.

М. Я понимаю, но я хочу тебя перебить вот почему: чтобы сразу было понятно, это не потому, что я пытаюсь оправдать заявление об аннексии Крыма, но за этим стоит не неоимперскость, а русский ирредентизм, что совсем другое. Имперскость – это дохлый зверь. Мобилизовать современное население России на то, чтобы снова восстанавливать СССР, – никто не хочет, по всей стране – 15 процентов. И то, если кто-то испытывает ностальгию по Советскому Союзу – то это ностальгия по бесплатной медицине, дешевой колбасе и гарантированной работе. А вот русский национализм – это очень важно, и здесь как раз есть скрытый и опасный потенциал, потому что можно заиграться и выпустить из-под контроля: за пределами России остались 20 млн. русского населения, какие-то территории, которые маркированы как русские в национальном сознании: Крым, город Нарва, еще что-нибудь такое. И как раз то, что говорят “отобрать Крым у Украины” – это отказ от имперскости: Украина уже отрезанный ломоть, мы на нее не претендуем.

К. Это цитата.

М. Да, я пытаюсь изложить логику тех, кто так говорит. Украина – и черт с ней, пусть она провалится в тартарары, хорошо, что у них все плохо.

К. И это тоже цитата.

М. Ну, да. А Крым мы заберем, потому что он наш, а Хрущев, сволочь, его неправильно отдал. И это не имперскость, это русский ирредентизм.

К. Это очень важное замечание, я только пытаюсь понять, возможна ли взаимодополняемость, можно ли его трактовать тоже как форму имперскости. Почему ирредентизм не может быть проявлением имперских амбиций?

М. История дает примеры, как ирредентизм и имперскость могут быть тесно переплетены – это немецкая история XIX-го и, особенно, первой половины XX-го века. Бисмарковская Германия и нацистская Германия, каждая по-своему, сочетали ирредентизм и идею имперской экспансии. Если ты посмотришь на ирредентизм как официальную идеологию ФРГ после войны или современного Китая – здесь элемент имперской экспансии уже отсутствует. Между тем, и у ФРГ до 1989 г., и у сегодняшнего Китая ирредентизм – это официальная идеология. Почему он не очень страшный? Потому что претендует на присоединение целых государственных организмов не силовым путем. Немцы говорили: “Германия должна объединиться”. Это ирредентизм в чистом виде. Они не собирались воевать, они ГДР потом купили. Китайцы тоже много лет подряд говорили: “Гонконг – наша территория”. Они не собирались за нее воевать. Сейчас они его присоединили. То же самое они говорят по поводу Тайваня. И если им удастся с ним договориться – очень хорошо. Так же обстоит дело и с объединением России и Белоруссии в единое государство: проведите референдум, проголосуют и те, и другие, за – и ради Бога. Но когда ирредентизм говорит в отношении Украины: “Мы от вас кусочек отрежем”, - то это уже другое дело. Государство не может согласиться на то, чтобы от него что-то отрезали, это *casus belli*. С Белоруссией нет казуса белли, это предмет торга. А Крым не может быть предметом торга, потому что это - “оттяпывание кусочка”. В этом смысле конфликтогенный потенциал такого ирредентизма, который претендует на часть территории другого государства, очень большой. Но, с другой стороны, нет в современной России того имперского драйва, который был у Германии Бисмарка или Гитлера. И не будет, как бы ни пыжились Третьяков или Дугин. И в этом смысле русский ирредентизм сегодня потенциально весьма опасен, но это не камуфляж возрождающегося имперского драйва – природа явления другая.

Не будем углубляться в политологию, но мне кажется, что сегодня активизация разговоров о Крыме - это создание очага контролируемой напряженности в условиях, когда встал вопрос о НАТО. Потому что если бы ирредентизм был серьезной практической идеологией, то в 1994 году, когда в Симферополе сидел Мешков и только просил: “дайте мне провести референдум об объединении Крыма с Россией”, это можно было бы сделать. Он бы выиграл этот референдум. И, кстати, никто бы ничего не сделал, никакой войны по этому поводу бы не было. Это показывает, что не нужно преувеличивать.

Но в целом я сейчас вижу, что и в российской историографии возникает этот образ украинцев-врагов. Не случайно так часто переиздают всех украинофобских товарищей начала XX века. Этот мотив: украинцы как враги русского народа – это очень важная тема. Т.е. в некотором смысле наши историографии начинают работать на общее дело, они друг друга взаимодополняют в этой конфронтационной полемике, в этих усилиях по отчуждению, по созданию образа врага.

Россия-Украина: как пишется история

Беседа Алексея Миллера и Георгия Касьянова.

Часть 6. Российская Империя

10 сентября 2009, 09:06

Адрес → <http://polit.ru/article/2009/09/10/russia/>

Один из самых острых вопросов идеологии – идентичность. Ее конструирование в постсоветских и других постсоциалистических странах базируется на активном вовлечении истории. Этот процесс накладывается на процесс написания новых, несоветских историй – и XX века, и более ранних периодов. На этом поле активно работают: государственная историческая политика (использование истории для обоснования актуальной государственной политики), профессиональные историки с присущими научной корпорации критериями достоверности, разнообразные общественные группы. О том, как и насколько обоснованно пишется и обсуждается один из наиболее горячих участков исторических оснований формирования идентификаций – российско-украинская история, – беседуют доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште Алексей Миллер и доктор исторических наук, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной Академии Наук Украины, профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов. Части публикуются не в порядке последовательности обсуждаемых событий - шестая часть беседы содержит часть разговора о Российской Империи.

См. также:

- Часть 1: Голодомор
- Часть 2. Вторая мировая война
- Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы
- Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой
- Часть 5. Первая мировая

Миллер. В отношении репрессивности Российской империи можно сказать, что существует симметрия отклонений в том смысле, что в украинском нарративе репрессивность империи по отношению к украинцам существенно преувеличивается, а в российском преуменьшается, если вообще присутствует, т.к., если репрессий не было, если они отрицаются, то что вообще о них говорить. И поэтому в российском нарративе мы не найдем какой-то развитой темы в отношении украинцев и украинского движения. Хотя я пытался в своей книге «Украинский вопрос» репрессивность показать и обсудить. Но слишком часто другие российские авторы цитируют из этой книги только те места, где говорится. Что эту репрессивность не следует преувеличивать. А в украинском нарративе о репрессивности говорится много. Расскажи, пожалуйста, как это делается.

Касьянов. Когда мы говорим о слове «репрессии», то, конечно, сразу возникают коннотации и даже ассоциации с репрессиями сталинскими, и такое понимание этого слова сразу переносится на то, что происходило во второй половине 19 и начале 20го века

по отношению к украинскому движению. Соответственно, возникает напряжение и равнозначность по отношению к царскому режиму конца 19 века и сталинскому режиму.

М. И преемственность этих режимов.

К. Естественно. Если мы говорим о преемственности, то очень хорошо использовать это слово и для того, чтобы понять, почему в украинском национальном нарративе эта тема называется «репрессии против украинства». Очень важно понять, что сама тема «репрессий против украинства» возникла в политическом контексте: на рубеже 19-20 веков, когда история этого самого украинства начала описываться самим же возникшим украинством, т.е., деятелями национального украинского движения. И, конечно же, в том культурном, политическом, и т.д., контексте, идея о том, что движение преследовалось, попытка объяснить, почему оно не так сильно или не так развито как хотелось бы, или делает какие-то политические ошибки, в этом контексте была важна объяснительная функция, и она, конечно же, сводилась к тому, что движение слабое, неорганизованное или незрелое именно благодаря этим репрессиям.

М. Из-за них.

К. Следует заметить, что тогдашние деятели движения все таки были и достаточно самокритичны, находя причины неудач и в собственных ошибках. Но тема преследования и репрессий как первопричины все таки была одной из центральных, особенно когда речь о наиболее масштабных неудачах. Потом эта тема была унаследована, конечно, советским нарративом, по крайней мере, когда речь шла о царском режиме, то вспоминалось о том, что «царский режим душил национальные освободительные движения», в т.ч., и украинское. Параллельно в диаспоре и в украинской эмигрантской историографии существовал тезис о том, что репрессии очень сильно замедлили и понизили уровень украинских национальных движений в империях. Он был одним из самых главных и важных для того, чтобы объяснить, почему украинская революция в 1917-21 годах потерпела поражение: именно из-за этих репрессий украинское общество было неготовым и слабым — идеологически, культурно, организационно. И эта тенденция в диаспоре и в эмигрантских историографиях была всегда очень сильной. а после 1991 года была унаследована украинской национализированной историографией, где этот тезис о слабости и поражении украинской национальной революции точно также репродуцировался, помимо прочего, в контексте того, чтобы репрессии в империи Романовых ослабили национальное движение. Таким образом получается, что и сам тезис и вообще версия определенного периода украинской истории в неизменном виде просуществовала сто лет, Речь в данном случае идет о репрессивной политике царизма и слабости национального движения из-за этой политики. Как это можно проанализировать с точки зрения современной украинской историографии (я не имею в виду доминирующий нарратив, дидактическую историю, а более широкое поле украинской историографии)? Когда мы говорим о репрессиях, мы не можем говорить что репрессии не сыграли никакой роли в том, что украинское национальное движение замедлилось или развивалось как-то не так. Но, с другой стороны, мы проецируем какие-то наши взгляды... даже не наши современные, а взгляды людей рубежа 19-20 веков на нынешнюю ситуацию, и из нынешней ситуации проецируем ее на вторую половину 19 века. Мне кажется, что здесь и содержится некая методологическая ошибка. И тогда отсюда мы можем перейти к другому восприятию того, что мы называем репрессиями и говорить о том, насколько они были разрушительными и ставить вопрос о том, были ли они настолько же разрушительными, насколько и стимулирующими для украинского движения. Можно поставить один самый простой вопрос: были ли эти репрессии (если речь идет о 19 веке) именно против «украинства», как это называли уже на рубеже 19-20

веков, украинцы то в этих репрессивных акциях как объект воздействия отсутствуют: речь идет не об украинцах, украинцев там нет. Против кого были эти акции, насколько эти акции царского правительства были бы направлены против того, что можно было бы назвать украинской интригой или польской интригой...

М. Здесь я бы сказал, что то, что там не было этого слова, не отменяет того, что они были направлены ровно против украинцев, а почему не употребляется это слово понятно: потому что отрицалась и сама почва. Понятно, что «малорусский сепаратизм» в данном случае синонимичен украинскому национализму. Но, во-первых, когда мы говорим «репрессии» или «запретительные меры»...

К. Это очень важно.

М. Да. Мне кажется, что второй термин более точен, потому что фактически за исключением Шевченко, которого наказали, действительно жестоко, но за совокупность прегрешений.

К. Но не за «украинство».

М. Да. И это свидетельствует о том, что совсем не так жестоко наказали, если и вообще здесь можно говорить о жестокости, других членов Кирилло-Мефодиевского общества. Можно говорить о том, что на общем фоне репрессивности режима суровость наказаний за украинство, за украинский национализм, отличалась в более мягкую сторону.

К. Нужно пояснить термин, что термин «украинский национализм» мы понимаем здесь как проекцию: тогда не было представлений об украинском национализме, это понятие более современное, и его тоже проецируют туда, на середину 19 века.

М. Нет, ну, скажем, Костомаров это украинский националист. Он думает об Украине как об особой нации, отдельной нации, как в идеале, может быть, даже о каком-то государстве или члене какой-то федерации. Т.е., это нормальный украинский национализм.

К. Но термин «украинский национализм» ты употребляешь...

М. В более позднем его значении, как термин исследовательский.

К. Костомаров не назвал бы себя украинским националистом.

М. Да, он бы назвал себя «украинским патриотом». Мало кто из украинских националистов в 19 веке назвал бы себя националистом. Они себя называли патриотами... Но это не самое главное. Важно, что суровость наказаний в отношении активистов украинского движения, если и выделяется на фоне общей репрессивности режима, то в сторону большей мягкости. Поляков или сибирских сепаратистов наказывают заметно суровее. И здесь нужно попытаться объяснить, почему. Одна причина - это нежелание оттолкнуть. Т.е., те, кто наказывают, знают, что наказывают мягче, чем могли бы за такие прегрешения. Они это обсуждают: Уваров, Орлов, Николай I обсуждают, как они будут наказывать членов Кирилло-Мефодиевского братства, и говорят о том, что наказать их нужно мягко. Орлов посылает письмо вдогонку за сосланным Костомаровым в Саратов, к саратовскому губернатору, и говорит, что отнести к человеку надо мягко, дать ему место, и т.д. Когда мы говорим о том, что украинское движение было заторможено, сдержано и пострадало в своем развитии из-за вот этих ограничений, потому что ограничения накладываются, в первую очередь, цензурные - это репрессия? Да. Но мы

должны понимать, что одна репрессия - это когда головы летят или в Сибирь по этапу, а другое дело - когда цензурная репрессия.

К. И еще очень важно отметить, кого эта репрессия касается. Ведь она не касается тысяч.

М. Нет, на самом деле, слой людей, так или иначе наказанных за этот украинский активизм, исчисляется, может быть, двумя дюжинами. Что важно еще подчеркнуть? Что можно рассмотреть эту взаимосвязь между характером движения, степенью его развитости и характером наказаний, с обратной стороны. Т.е., одна из причин, из-за которой участников украинского движения наказывают мягче, заключается в том, что в этом движении очень мало радикализма. Там нет никаких серьезных конспиративных организаций. Никаких, даже в самых радикальных слоях, концепций вооруженной борьбы. Т.е., это движение сконцентрировано на языке, на культуре, на какой-то, если угодно, органической работе (этот термин мы заимствуем из польского контекста). И это тоже одна из причин. Попробовали бы, например, Кирилло-Мефодиевцы написать в своей программе пункт «цареубийство». Наверное, и наказали бы пожестче.

К. Да и слово «движение» по отношению к Кирилло-Мефодиевцам...

М. Да, это не движение. Это просто маленький кружок. И это одна сторона дела. Т.е., в большей степени не репрессии, а запреты и ограничения, на общем фоне отличается не в большую, а в меньшую сторону, прощают быстрее и полнее тех, кто был наказан. Их, как правило, довольно быстро возвращают из ссылки. Их ведь не сажали в тюрьму, а ссылали. И это впоследствии не мешает им делать очень неплохую карьеру, потому что многие из тех людей, которые в юности были активистами украинского движения, заканчивают свою жизнь как члены коллегии Министерства путей сообщения, Морского министерства, т.е., чиновниками высшего класса. Им не обрубали путь. А следующий момент, который нужно подчеркнуть: когда мы говорим о репрессиях против украинства, речь идет о репрессиях против активистов украинского движения. Их численность невелика. Знаменитый анекдот Евгена Чикаленко о том, что, если два вагона поезда, которыми активисты украинского движения отправляются на открытие памятника Котляревскому в Полтаве, сойдут с рельс, то вот и кончится украинское движение. И он по-своему справедлив. И это не репрессии против украинского народа, которого в глазах властей Российской империи вообще не существовало. А малороссы индивидуально репрессиям вообще не подвергались за свое малороссийство, это понятно. Украинцы как таковые, как совокупность, тоже.

Все, что мы сказали, применимо к периоду 19 и начала 20 века. Но у нас есть еще период 18 века. И, в связи с торжественными и душераздирающими празднествами Конотопской битвы (это 17 век), отстройкой поруганного и сожженного Батурина, я предлагаю поговорить еще и об этом периоде.

К. Тогда я закончу говорить о второй половине 19 века и обозначу несколько проблемных моментов во всей этой истории с репрессиями. Если посмотреть, как во всей украинской национализированной историографии изображается 19 век (мы уже об этом говорили, но можно повторить), то речь идет о том, что он изображается как одна сплошная линия, как нарастание движения, его развитие от меньшего к большему, и, соответственно, нарастание сопротивления этому движению с стороны царского правительства. На самом деле, линейного нарастания этого движения не было. Его можно было разделить на несколько этапов, в каждом из которых были особенности и в каждом из которых идеи предшественников переизобретались и переформулировались в соответствии с культурной, политической и интеллектуальной конъюнктурой того времени. Можно

говорить о периоде начала 19 века когда появился некий уровень культурной саморефлексии и желание культивировать эту культурную отдельность под влиянием Романтизма; «украинское движение» середины 19 века. Кирилло-Мефодьевские кружки, Громада, и т.д. — видимо, отдельная история; украинские кружки и политические партии начала 20 века — уже нечто другое. Это все разные ипостаси и, я бы сказал, даже разные явления с разным качеством, которые потом самими деятелями движения и украинскими историками объединены в одну восходящую линию. И это нужно помнить. И тогда нужно помнить и о том, что было разное качество реакции на все это в разных исторических ситуациях. Второе замечание, которое мне кажется очень важным: для того, чтобы понять это разное качество, нужно послушать и понять самих участников этих движений. Ведь им приписываются мысли и действия их последователей, мысли и намерения, которые они сами совершенно не имели в виду. Их делают «национально сознательными», говорят об их идентичности, объединяют и выстраивают в одну линию, хотя в разные исторические периоды это совершенно разные люди, с разными взглядами, в разных культурных и политических ситуациях. И когда мы говорим о репрессиях, было бы интересно почитать, что эти сами люди думают об этих репрессиях. Как было замечено, многие из этих людей сделали прекрасные карьеры в рамках той империи, по отношению к которой им приписывают какие-то чудовищные вещи, о которых они не думали и не помышляли. Теперь мы переходим к предшествующему периоду. Конечно же, национальный нарратив предполагает две вещи. Первое - можно это привести как цитату о том, что «украинский народ столетиями мечтал о независимости и боролся за нее». Это первый постулат, самый примитивный, голый и прямолинейный. Второй постулат — это то, что руководители этого народа всегда очень стремились к тому, чтобы этот народ освободить и привести его к сияющим вершинам — государству. Мне кажется, что некая реальность, даже воображаемая, была намного сложнее. Когда говорят о 18 веке, вспоминают, прежде всего, летописи - так называемые, «казацкие летописи», но их можно забросить и в 17 век, говорят о неких автономистских проявлениях части местной старшины, которая захотела чуть попозже стать российским дворянством. И говорят о территориальной автономии, которая называется в предыдущий период Гетманщиной, и о том, как эту автономию ликвидировали. Забавно посмотреть на это даже с точки зрения исторического времени. Ведь эту автономию ликвидировали в течение более 100 лет. И этот период, в течение которого ее якобы ликвидировали целенаправленными методами - выстраивается такая линия ликвидации автономии...

М. Мы поговорим еще отдельно о Гетманщине. Сейчас о степени репрессивности, и оттуда мы перейдем к Гетманщине и к автономии.

К. Хорошо. И точно также как выстраивается линия восходящего национального движения, выстраивается и линия этих репрессий, которые якобы все усиливаются и усиливаются. Тут и Петр I становится одним из главных врагов украинского народа и украинства. Т.е., понятия рубежа 19-20 забрасываются и в начало 18-го. Врагом украинского народа становится и Екатерина Вторая, которая уничтожает Сечь, подводит все права и привелегии под один ранжир дворянства, и украинская старшина должна подлаживаться все эти новые имперские стандарты. Конечно же, тут упоминаются последние гетманы - Многогрешный и Полуботок, которых гноят, преследуют, и т.л., и Малороссийский приказ, и запрет на украинскую письменность 1722 года, и унификация церкви...

М. Я бы расшифровал все эти вещи для слушателя.

К. Их трудно расшифровать, потому что в самом национальном нарративе они не расшифровываются.

М. Нет, но что-то надо объяснить. Вот этот запрет на украинскую письменность 1722 года. И речь идет о чем? о запрете?..

К Нет, речь идет просто об унификации.

М. Нет, ну речь идет о запрете старых изданий Священного Писания в рамках унификации... это продолжение линии со времен раскола.

К. Совершенно верно, т.е., это более широкий контекст, который собственно к малороссийству никакого отношения не имеет. Малороссийский приказ: речь идет о том, что существует некая территория, которая имеет некую специфику. И создание этого приказа. И это признание этой специфики. Это чуть ли не создание Министерства иностранных дел для определенной территории, которая не совпадает...

М. Генерал-губернаторства, если быть точным.

К. Да. Т.е., опять-таки, природа вещей извращается. Здесь идет речь о том, чтобы признать специфику и в рамках централизаторской тенденции ее учитывать и согласовывать с основным трендом, а трактуется это сейчас как ликвидация этой специфики.

М. Я бы предложил тебе прокомментировать один-два эпизода: Батурин и уничтожение Сечи, или Петр и его политика.

К. Если говорить Петре и его политике, то это человек, который убил своего сына, провозглашает себя императором, и он, тем более, в условиях перманентной войны, у него нет никаких попопзновений к тому, чтобы «дозволять безобразия», тем более, некие источники возможного недовольства в тылу.

М. Или, наоборот, в непосредственной линии от театра военных действий.

К. Театр в то время перемещался: то это Польша, то. И современная Украина, и т.д. Конечно, было бы странно ожидать от него неких действий, направленных на то, чтобы поощрять такие тенденции.

М. Нет, но мне кажется, что применительно к Петру можно говорить о том, что Петр жесток.

К. Все жестоки в то время.

М. Да, но Петр. И это человек безусловно жестокий.

К. Параноидальный.

М. Да. Строит Петербург на костях, сына, заподозренного в оппозиции, пытал, начинает свое царствование с того, что самолично рубит головы стрельцам.. То, что тем казакам, которые «не вписались» в ситуацию, досталось наравне с другими...

К. Со стрельцами, например.

М. Нет ничего удивительного.

К Ничего национального здесь нет.

М. Нет, ну возможно, он учитывал, что это казаки. Он же имеет дело, например, с Мазепой.

К. Но к нации это не имеет никакого отношения. Мазепа – то его вассал. И он с ним, как с вассалом, и поступает.

М. Повторим здесь то, что мы говорили в другом диалоге: он не выполняет своих обязательств перед вассалом, и карает вассала, который в ответ не выполняет своих обязательств. А чего бы вы хотели? У Мазепы же не было возможности покарать Петра за невыполнение его обязательств? Вот такое соотношение сил.

К. Но мы выводим отношения Петра и Мазепы за пределы национальных отношений. Здесь нет ничего национального. Есть отношения вассала и сюзерена, одинаково неравноправные, одинаково несоблюденные. Вот и все.

М. Я согласен, но жестокость присутствует.

К. Соответственно времени.

М. В ситуации с Батуриным: есть жестокость – да, безусловно. По поводу Батурина начинается очередной чемпионат по виктимизации, потому что жертв в украинской историографии здесь насчитали около 30 тысяч... В российской историографии говорят о десяти. Мы не специалисты в этом вопросе, но подчеркнем, что Батурин дает повод для очередной торговли по поводу цифр. Если Ющенко сумел поднять число жертв голодомора до 10 млн., а число жертв Батурина оценил в 30 тыс., то путем экстраполяции получается, что те, которые говорят, что 10 тысячах, ближе к реальности.

К. Здесь говорить о цифрах вообще некорректно, потому что никто не учитывал. По разным источникам – если это реальные, то это одни цифры, если это сообщения о жертвах с другой стороны, это другие цифры. В любом случае, с точки зрения профессионального историка – это пошлость – жонглировать цифрами, особенно, если речь идет о той эпохе, когда счета не велось. Даже немцы, со своей немецкой пунктуальностью, не посчитали. Так можно сказать при желании и 300 тысяч.

М. Ну, 300.000 в Батурине просто не поместится.

К. Да туда и 30.000 не поместится.

М. А, кстати, можно было бы попробовать повести такой эксперимент. Вот сейчас якобы воссоздали этот Батурин. Можно было бы попробовать загнать туда 30.000 человек. Мы можем сказать, что репрессивность в отношении казаков в период 18 века есть, здесь не запрещают книжки, а, действительно гибнут люди. Но это а) не национальная тема, и б) это не выходит за рамки стандартных практик. Какой век, такие и люди.

М. Мы уже упомянули, что автономия Гетманщины отменялась долго. Долго – это мягко сказано, больше века, потихоньку. И в этом смысле очень любопытно что то, что описывается как период особенно суровых репрессий: разрушение Сечи Екатериной II – это сопровождается колоссальной сделкой между элитой гетманщины, старшиной и Екатериной. И речь идет о том, что эта сделка сработала. Никакого движения – вспомним

о том, что казаки, старшина - это в некотором смысле вооруженное сословие, т.е. свое недовольство привыкшее выражать при помощи вооруженного бунта. И очень любопытно, что отмена гетманщины никакого вооруженного бунта со стороны этих привыкших к такому способу показывать недовольство людей, не вызвала.

К. Более того, со стороны старшины наблюдается как раз обратная тенденция: ей очень хочется «вмонтировать» и интегрироваться.

М. Ей хочется, наконец, осуществить свою вековую мечту и стать частью гарантированно стабильного дворянского сословия. Вспомним, что именно этого они хотели от Речи Посполитой, и серьезная ошибка Речи Посполитой как раз и заключалась в том, что они этого не получили. Из-за этого Речь Посполитая потеряла сначала всю территорию по левому берегу Днепра после восстания Богдана Хмельницкого, и дальше с ней разные неприятности приключались, потому что, когда заключалась уния, говорилось о том, что и православное духовенство, переходящее в унию, займет места в сенате, и старшина получит статус шляхты. Не получили. А тут эта злобная Российская империя местоблюстителем патриаршего престола назначила выходца с «украинских земель» - Стефана Яворского. Феофан Прокопович становится ближайшим соратником Петра, малороссийское духовенство играет настолько важную роль в иерархии церкви 18 века, что московские попы недовольны, а к концу века Екатерина идет на сделку, частью которой является отмена автономии Гетманщины, а частью - предоставление этой старшине право доступа в дворянство. Причем, Екатерина и ее соратник Румянцев, скажем так, прекрасно знают, что никаких бумаг, которые могли бы подтвердить дворянство у подавляющего большинства старшины нет, и они совершенно сознательно закрывают глаза на такую массовую фальсификацию этих документов.

К. Но этих бумаг и быть не может.

М. В Речи Посполитой не было такой традиции.

К. Это во-первых. Во-вторых, то, что называется рациональное, бюрократическое государство - это явление уже конца 18 и начала 19 века, по крайней мере для этих территорий. До этого все эти бумажно-бюрократические дела на этих территориях, которые мы называем гетманщиной, в том виде, который близок и понятен человеку времен расцвета государственной централизованной бюрократии - это практически нонсенс.

М. Мы вспомним о том, что империя могла поступать и совсем иначе. После восстания 1830-31, а потом после восстания 1861 года пропорционально масштабам польской шляхты огромная ее и беднейшая ее часть лишилась дворянского статуса. Империя могла его отнять. А тут она его дала.

К. Тем, кто его хотел.

М. Да. И она не только дала его тем, кто его хотел, но и предложила определенный механизм инкорпорации, причем, не только внутри Гетманщины, но и за ее пределами. Не случайно Румянцев, который является в то время правителем, генерал-губернатором Малороссии, он же является и губернатором Курской губернии. Это было сделано ровно для того, чтобы он часть малорусских дворян перебросил в администрацию Курскую и вывел за пределы Гетманщины. Т.е., когда мы говорим об отмене Гетманщины, мы можем говорить об определенной сделке, которая происходит между имперским центром и элитами этого автономного образования, которое постепенно эту автономию теряет.

К. Как сейчас бы сказали, региональный вид.

М. Да. Можно сказать, что это тот пример, который потом, в 19 веке, не будет работать. Элита гетманщины была очень успешно инкорпорирована, не только как национальная элита, но и как часть русского дворянства.

К. Русского или российского?

М. Российского, ты прав. Но и русского тоже, если мы понимаем это не как «великорусского», через проекцию 19 века, мы же знаем, что «русский» - это термин, который охватывает и малороссов, и великороссов, и белорусов. У немецких дворян были значительно большие проблемы с этим.

К. Ну да, малороссийское, великорусское - это воспринимается как «другое». но «другое» только в территориальном, может быть, каком-то этнографическом плане, но все равно, оно «русское».

М. Да, и в этом смысле важно, что мы упоминали о «Синописе», потому что он тоже воспринимается как «русское», а ведь он был написан в Киеве, а не в Москве.

Это очень важный нюанс, потому что, когда мы говорим о 17 веке, и о том образованном обществе, способном формулировать и выдвигать какие-то идеи, мы можем наблюдать две тенденции: одна - к слиянию и интеграции, а другая - к отделению и какой-то другой идентичности, более региональной, локальной. О национализме еще не шла речь, но эти две тенденции были, и когда мы говорим о национальном нарративе, мы говорим о гипертрофировании одной тенденции, которая, кстати, была очень маргинальной и практически незаметной, и к абсолютному пренебрежению вообще для всех национальных нарративов. Очень часто и применительно к украинскому, малорусскому случаю это годится и те маргинальные группы или индивидуумы, которые подчеркивали особость и отдельность, их значение гипертрофируется. А масса, которая этого не делала, или которая эту особость воспринимает как региональную, она просто забывается. Мне пришлось с этим столкнуться, когда я смотрел эстонский материал. Оказалось, что та масса эстонцев, которые выучили русский язык, учились в русских университетах, здесь работали и т.д. - их нет в эстонском национальном нарративе. а те индивидуалы, которые подчеркивают особость, создают яркие и интересные произведения: «Разговор Малороссии с Великороссией», «История руссов».

К. Но это уже первая треть 19 века.

М. Да. Там есть яркие выражения. Но они становятся символами, якобы отражающими настроения мейнстрима. при том, что на самом деле, они маргинальны.

К. Они маргинальны, но они есть, это очень важно.

М. Есть, мы не будем это отрицать, но они маргинальны, а национальный нарратив этого никогда не подчеркнет.

К. Они маргинальны, но они очень важны для того, что я называю переизобретением традиции. Т.е., когда появляются некие группы, заинтересованные в том, чтобы выстроить вот эту линию: от меньшего к большему в национальном движении, они обязательно будут переизобретать. Ведь, если мы говорим о «разговоре Малороссии и Великороссии»

- ведь нужно говорить не только о тексте, но и о контексте, в котором это появляется. И сам текст: мне кажется, то до сих пор не проведена работа по анализу этого текста.

М. Он и не прочитан толком.

К. Совершенно верно. Из него просто берутся цитаты. Т.е., если его внимательно прочитать, провести текстуальный анализ, возможно, возникнут вопросы к его аутентичности, идентичности и к тем контекстам, которые он транслирует.

М. И, кстати, смысл этого текста не националистический.

К. Да, но, когда его прочитывают...

М. «национальными глазами»

К. Да, он становится националистическим. Тогда и «Слово о полку Игореве» после Татищева можно прочитать как памятник русской национальной литературы и представить его в соответствующем контексте.

М. Мне кажется важным подчеркнуть, что произошло в 18-ом и начале 19 века. Это была весьма успешная акция империи по нахождению определенного компромисса с региональной элитой и успешной инкорпорацией подавляющего большинства этой элиты и в имперское, и в русское дворянство. И один из аспектов этого сюжета, о котором, наверное, нужно поговорить особо - это проблема соотношения воображаемой географии, в том числе, и воображаемой географии национальных нарративов, и, что называется, реальной административной географии. Что я имею в виду под «реальной административной географией», она ведь тоже меняется? Но она отражает определенные структуры власти и правового порядка, которые существуют на местах.

К. Очень важно сказать, что империя конца 18 века, всего 19 и начала 20 века - это постоянная реконфигурация географии. Империя расширяется, поглощает в конце 18 века западные территории (вторая половина 19 века - восточные). Т.е., империя постоянно переконфигурируется, и карта меняется...

М. Совершенно согласен. Я приведу два примера, имеющих прямое отношение к обсуждаемому нами вопросу. Когда ты говоришь о расширении империи, обратим внимание на то, что сделка с элитой Гетманщины происходит на фоне двух очень важных вещей: империя резко расширилась на юго-восток в результате войн с Османской империей, и вдруг открылось гигантское, плодородное, обещающее массу прибылей пространство Новороссии, которое сейчас рассматривается как извечная украинская земля, но адекватность этого понятия примерно как «извечная русская земля Крыма». Т.е., здесь открывается масса возможностей. И очень хорошо быть частью русского имперского дворянства, чтобы эти возможности использовать. А другая часть - это разделы Польши. Империя осуществила вековую мечту - только не «украинского народа», а старшины Гетманщины, и наконец отобрала правобережную Гетманщину у Речи Посполитой и начала «воссоединение украинских земель», которое завершил товарищ Сталин. И в этом контексте, конечно, очень легко понять элиту Гетманщины, которая очень хочет быть частью весьма успешного имперского мероприятия. Но есть другая сторона дела: как постепенно империя сознательно начинает размывать территорию Гетманщины. Потому что есть Гетманщина как автономное образование. Там есть свое право, малороссийская коллегия (суд), которая действует после отмены автономии гетманщины еще некоторое время, чтобы завершить все свои дела.

К. Фактически, до Польского восстания, 1830-31 годов.

М. Да, но все идет к отмене и так. Это не то, что после польского восстания отменили. И так было ясно, что Малороссийскую коллегию будут закрывать и отменять.

К. Нет, я имею в виду Литовский статут.

М. Нет, дело в том, что отмена Литовского статута была спровоцирована польским восстанием на другой территории, на территории Великого княжества, каким оно стало уже после унии с Королевством Польским, то есть Литва и Беларусь. Где и отмену этого статута еще не готовили накануне восстания. А вот на территории Гетманщины отмену статута готовят раньше, потихоньку. И введение Коллегии в процесс умирания, когда она не принимает новых дел, а занимается только старыми делами, которые она должна завершить, происходит задолго до восстания. Но важно здесь то, что есть Слобожанщина, Харьков. Это совсем другая история, там уже все прекрасно интегрировано, и никакого отдельного дворянства там нет. Когда происходит отмена Гетманщины, часть ее территории прирезают к Слобожанщине. Т.е., идет процесс «мы к губерниям уже освоенным и интегрированным, прирежем немножко от тех, которые еще надо интегрировать, и таким образом потихонечку будем передвигать границы ядра империи».

К. Но тебе не кажется, что это просто административная унификация, которая мало имеет отношения с культурой?

М. Имеет, потому что было продолжение этого процесса, которое обсуждалось сразу по итогам 1863 года. Был такой проект, что к Киевской, Черниговской, Подольской губернии поприрезать немножко уездов правобережной Украины.

К. К каким именно: все-таки Киевская - это правобережная, Подольская - это тоже правобережная?

М. Нет. Вот было Киевское генерал-губернаторство. Оно включало Подольскую, Киевскую и Черниговскую губернию. И идея поприрезать часть вот этих «проблемных территорий»...

К. Проблемные - это какие?

М. Волянь. И когда об этом говорят, то говорят о том, что «там больше русской общественной силы». Это Аксаков говорит, у него есть такой проект.

К. Там это в генерал-губернаторстве?

М. Да. Т.е., мы от проблемной территории часть отрезаем и присоединяем к уже освоенной территории. Потом мы совершаем эту операцию еще и еще, и речь здесь идет не просто о характере и системе администрации, но и вот этой, по крайней мере, у Аксакова и в середине 19 века, о «русской общественной силе». Т.е., здесь уже речь идет о националистическом движении.

К. Но здесь очень важно, что, если залезть в голову тому, кто это писал или говорил, то ведь проблемность заключается не в «украинскости», а в «польскости». А «украинскость» воспринимается как союзник против «польскости». И даже не «украинскость», а «русскость», потому что это воспринимается как...

М. Нет, ты знаешь, именно в результате 1863 года и возникает эта формула, которая была выкована Катковым, которая рассматривает «украинскость» как союзника «польскости», как часть польской интриги.

К. Нет ли здесь другой «украинскости» другой, которая воспринимается как «русскость». Если есть «украинскость» как польская интрига, то нет ли здесь ответного движения о том, что «украинскость» - это «русскость»?

М. Нет, «малорусскость» - это «русскость», конечно. Но «украинскость», украинофильство - это польская интрига, потому что уже тогда возникает дуализм этих понятий, и постепенно он начинает нагружаться смыслом. Ты говоришь «украинец» - ты хочешь сказать - «не малоросс». Но почему ты хочешь так сказать? Потому что хочешь сказать, что это не часть «русскости».

К. Когда речь идет об имперском периоде, четко прослеживается противопоставление моноэтнической украинской истории некому имперскому видению этой истории, которое, конечно же, и это довольно смешно, часто отождествляется с русским националистическим видением истории. А ведь эти две вещи — разные и часть даже противоречащие друг другу. Внутри этого противопоставления выделяется одна «чистая линия»: есть история украинского народа, украинцев как этноса. Эта история красной нитью проходит сквозь историю империи. Получается довольно бедная картина: получается, что история империи в украинском национальном нарративе — это история борьбы украинцев с империей. Мне кажется, что все намного сложнее... Борьба украинцев с империей на значительную часть истории империи просто отсутствует. Ее просто нет, этой борьбы. Есть даже противоположный процесс: участие а) в строительстве империи и б) в выстраивании имперских элит. Это то, что кроме украинцев в истории присутствует масса других этносов, у которых есть свои отношения с империей: можно упомянуть о евреях, поляках, о массе этнических групп, которые заселяли Новороссию, правобережную Украину. Так что, что история империи — это не только отношения украинцев с империей на территории нынешних украинских земель, это и история других этносов и их отношений с империей. И второе — это очень важно для понимания того, что такое украинство и что такое украинское движение и того, как оно развивалось — это отношения украинцев нынешних с этими другими этносами, здесь можно говорить о серьезных взаимовлияниях. И третий момент: что такое «нынешние украинцы»? Дело в том, что в национальном нарративе украинцы воспринимаются как нечто трансцендентное, как нечто метафизически стабильное, т.е., оно все время присутствует в «готовом виде». На самом деле, сама концепция того, что такое украинцы, появляется только во второй половине 19 века, и она в свою очередь не являлась константой все время меняется. И идея того, «кто такие украинцы и чего они хотят», если перефразировать название известной брошюры Грушевского, практически стабилизируется только к самому началу украинской революции.

М. Подчеркнем, что число украинцев исчисляется сотнями, в лучшем случае, тысячами.

К. Число того, что потом исследователи или пропагандисты назовут «сознательными украинцами».

М. А есть еще «бессознательные украинцы», и их миллионы.

К. Да, здесь очень простая идея, потому что предполагается, что украинцев — миллионы, и они «не знают об этом». И миссия национальных сознательных украинцев заключается в

том, чтобы сообщить этим несознательным украинцам о том, что они есть украинцы. И можно выстроить эту иерархию понятий и категорий, связанную а) с отношениями украинцев, которые еще не понимают, что он украинце, с империей, б) не-украинцев, других этнических групп, которые тоже строят свои отношения с империей с) украинцев, которые часто не знают, что он украинцы, и украинцев, которые уже знают о том, что они украинцы, с другими этносами и культурными группа на той же, по определению украинской территории. Эта иерархия позволяет посмотреть на историю Украины по-другому, выйдя из того узенького коридора, которая называется национальная нарратив в тот полный красок мир, который гораздо интереснее, чем упомянутая двуцветная картина.

М. У меня есть два добавления к тому, что ты сказал. 1. Эти взаимодействия происходят не только на той территории, которая сейчас является территорией современной Украины. Перефразируя «Запорожцы за Дунаем» можно сказать, что отдельная интересная тема - это малороссы за Уралом. Там было несколько миллионов человек. Переселились они туда в конце 19 - начале 20 века, в основном, в столыпинское время. Есть интересные цифры о том, как это направление миграции росло, ведь направление миграции в Российской империи - это отдельная интересная тема. До середины 19 века основные направления миграции - это Новороссия и Поволжье. А потом, ближе к концу 19 века - это Сибирь, Дальний Восток, Южный Урал, и малороссов там масса.

К. Нет, не малороссов, в украинцев.

М. Нет, вот именно, что поскольку они так далеко уехали, то активисты никак не могли туда добраться, чтобы объяснить им, что они украинцы. И, к тому же, поскольку их окружала чужая среда, то, сознавая свою разницу с кацапами, тем не менее, перед лицом кочевников они отлично сознавали, что кацапы им немножко ближе. Процессы ассимиляции шли очень быстро в этой ситуации. Были периоды, когда им стали объяснять, что они украинцы. Это было во время коренизации в 1920-е годы. Но, поскольку это свернули, и поскольку это не была территория Украины, уже в 1930-е, то, на самом деле, если не 100, то 90 с чем-то процентов людей, у которых в паспорте было написано «украинец», за Уралом были ассимилированы. Т.е., на самом деле, это были русские.

К. Но это не мешало им петь украинские песни, есть галушки..

М. А что же в этом плохого? Но я говорю это к тому, что это тоже интересная тема взаимодействия империи и малороссов. Я часто об этом думаю, когда происходят всякие бодания на тему того, что «сколько у нас в Украине русскоязычных школ, а сколько у вас в России украиноязычных». У вас украинцев 7 миллионов, а школ... И тут возникает вопрос: люди действительно так думают, или они сознательно игнорируют ту проблему, что в Украине эти русские, которые требуют этих школ - они не ассимилированы. А эти украинцы на Дальнем востоке - да, паритет по паспорту советского времени звучит довольно странно.

К. Так может их спросить?

М. А их спрашивают. В этом отношении: организовать украинский класс в школе легко, если есть критическая масса желающих. И второй сюжет, в связи с тем, что ты говорил - это тема категорий: коренное население, пришлое население, оккупанты, не оккупанты.. Мне кажется, что, если бы поляку из Киева, в 19 веке, например, сказали, что он - «пришломое население»...

К. То он бы очень обиделся.

М. Да в морду дал бы просто. Если бы еврею с правого берега сказали, что он - «пришлое население», он бы сказал: «Ну да, конечно, мы пришлые жидаы, мы вечно где-то путешествуем, но вообще моя семья здесь живет последние 300 лет. А вы еще докажите, что ваша семья здесь столько живет». Говорить об оккупации, например, которая измеряется 200 годами - тоже абсолютно бессмысленная вещь. Можно себе представить: американская оккупация Ирака. Она продлилась 5-7 лет. Но говорить о том, что Российская империя оккупировала Украину, и эта оккупация продлилась 200-300 лет - это бессмысленно.

К. Ты имеешь в виду Переяславский договор? По-моему, оккупацией это не называют.

М. Но вот это восприятие Российской империи, русских как оккупантов - извиняюсь, даже если изначально они и были оккупанты, что отдельная тема, то по прошествии 200 лет это очень трудно различить. И, наконец, третий тезис: империя и эта рамка истории империи - это как раз пространство взаимодействия. Разных групп, с разной идентификацией, мы не говорим пока «наций». Столкновение разных национальных проектов. Здесь есть имперские власти, есть местные власти, в которых сидят местные выходцы, есть польское дворянство, малорусское крестьянство, украинская интеллигенция, есть польские чиновники, евреи и бог знает кто еще. В рамках национального нарратива, по крайней мере, до сих пор, никто мне не показал, как это можно представить. Как это можно представить в рамках истории империи, я знаю. Поэтому мне кажется, что как раз история 18 - 19 века особенно ясно показывает, что национальные нарративы просто не могут ухватить ткань этих процессов, точно так же, как современные российские книжки по истории, которые пишут историю русского народа, имея в виду великороссов, не понимают, что там была масса каких-то сложных, часто противоречивых процессов. Что «русский» не значил «великорусс» в 19 веке. Как будто они знают, где начинается и кончается русский народ. Т.е., и русскую историю нужно поместить в этот имперский контекст.

К. Они точно также, как в украинском национальном нарративе, пытаются сконструировать русский национальный нарратив...

М. Мой любимый пример - двухтомник Миронова, который все знают. «Социальная история России периода империи». В самом названии все сказано: он знает, где Россия, а где империя. И он написал историю русских в современном понимании этого слова, опрокинул ее в прошлое. Границу он провел, исходя из современной реальности...

К. Стандартная процедура, так же как в украинском национальном нарративе.

М. Просто в российской историографии это происходит не с той интенсивностью, но в целом, если взять сочинения российских или украинских авторов, степень бессмысленности национальных нарративов очевидна.

К. На этом, пожалуй, можно было бы и завершить Я лишь хотел еще раз подчеркнуть, что история империи как история пространства взаимодействия - это очень важный тезис, это ключ к пониманию того, что очень сильно обедняется в национальном нарративе, и ключ, который позволяет закрыть дверь к национальному нарративу и открыть дверь для истории, историографии, которая выходит за рамки национального нарратива и становится транснациональной.

М. Даже трансимперской, потому что в той книге «Лаборатория транснациональной истории. Украина и современная украинская историография», которую ты редактировал и в которую я писал статью совместно с Оксаной Остапчук, идет речь о том, как империи, причем во множественном числе, потому что здесь речь идет и о Российской империи, и об империи Габсбургов, а потом и о Советском Союзе, повлияли на траекторию развития украинского языка. Мы можем легко увидеть, что не только в рамки национального нарратива, но и в рамки одной империи эта тема не вмещается.